

Константин Лагунов

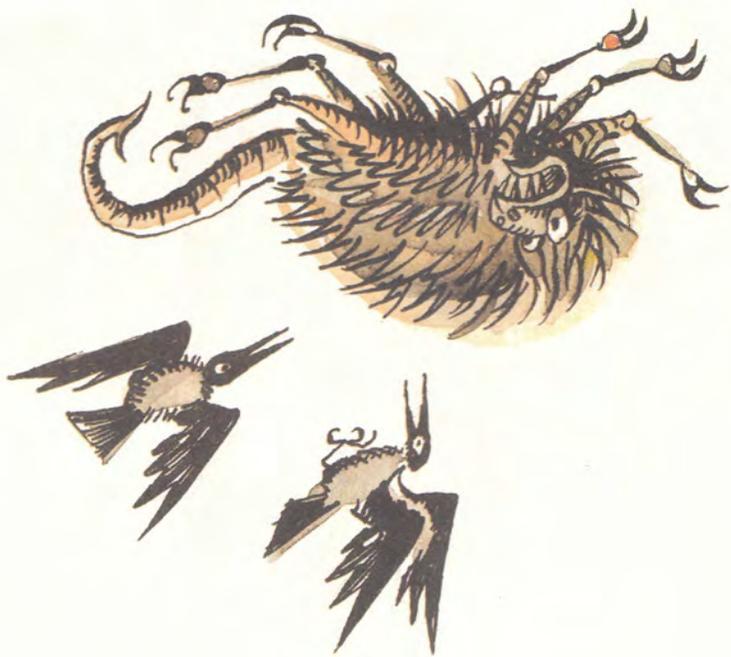
РОМКА, ФОМКА И АРТОС

*С любовью посвящаю
эту книгу дочке Олечке,
которая вырастила
и воспитала Ромку.*

Автор

Константин Лагунов

РОМКА, ФОМКА И АРТОС

Повести-сказки

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1990

РОМКА И ЕГО ДРУЗЬЯ

ТРИ ДРУГА

Жил-был пёс. Чёрный бархатный нос.
Уши — лопушком. Белое брюшко.
Шея — дугой. Хвост — трубой.
Не старик, а бородат. Рыжая борода.
Бахромой усы висят. Важная походка.
Звали его Ромка Ромазан.

Так его назвал хозяин и верный Ромкин друг Степан Иванович.

Был Ромка ласковый и добрый. И очень. Очень. Очень гордый.

Свистни ему кто-нибудь, помани — Ромка и ухом не поведёт. Любое самое желанное лакомство брал не спеша, ел не торопясь.

Ещё два друга было у Ромки: пёс Артос и пёс Фомка. Артос был тощий, лупоглазый. Едва задень — и в драку сразу. Сам не задира, но драчун.

А Фомка? Фомка был ворчун.

Нос у Фомки острым клином. Хвост у Фомки длинный, длинный. По этому хвосту всегда можно было угадать Фомкино настроение.

Фомка весел — хвост кольцом. Озадачен — хвост вопросом. Рад чему-то — хвост торчком и дрожит упругим тросом.

Больше всего на свете Ромка, Фомка и Артос любили играть и проказничать. У них была своя песенка, которую три друга распевали всегда во всё горло:

Мы — весёлые собаки
И совсем не забияки.
Между нами ссор и драки
Не бывает никогда!..
Делим на троих добычу,
Лишь на праздник друга кличем,
А в беде — таков обычай —
Друг приходит сам всегда!..

Жили друзья в городе Тюмени.
В одном доме. И в одном подъезде.
Даже на одном этаже. Только в разных квартирах.

ВСТАЛО СОЛНЦЕ ЗА ОКНОМ...

Ромка встрепенулся, на бок повернулся и совсем проснулся.

Приоткрыл левый глаз: в комнате светлым-светло, а на стене солнечный зайчик скачет.

Приоткрыл правый глаз: вот тебе раз — хозяин-то спит. Встопорщил Ромка лопушки-уши. Долго слушал. Точно, спит!

Надо вставать, хозяина поднимать.

Зевнул Ромка — протяжно и громко. По полу потом постучал хвостом. Пошевелил ушами. Поводил усами. Не торопясь на лапы встал и физзарядку делать стал.

Он приседал. И кувыркался. Сгибался колесом. Ходил на задних лапах. До тех пор пока не вытряхнул из себя весь сон до последней сонинки.

Подскочил к дивану. Положил на него передние лапы. Ткнулся влажным холодным носом в колючую щёку хозяина.

— Что, Ромка, пора? — спросил сонно Степан Иванович.

— Давно пора, — проурчал в усы Ромка.

Но Степан Иванович повернулся лицом к стене и захрапел.

«Ну уж. Это уж. Совсем уж никуда», — подумал Ромка. Вцепился зубами в уголок одеяла и стащил его на пол. Но и тут Степан Иванович не проснулся. Только калачиком свернулся.

«Ах так?! — осердился Ромка. Вскочил на диван. Лизнул хозяина в нос.»

Закряхтел тот, заохал и наконец-то открыл глаза.
— Молодец, Ромка. Спасибо, Ромка.
И ласково потрепал его бороду, почесал за ушами.
Довольный, Ромка скакнул с дивана. Запрыгал как мяч,
припевая:

Встало солнце за окном.
За окном!
Заглянуло солнце в дом.
Прямо в дом!
Оттеснило в угол тень.
Мрак и тень!
Засветило новый день.
Яркий день!
Яркий. Жаркий. Голубой.
Вон какой!
Веселись. Играй да пой.
Громче пой!

— Беги-ка на волю. Подразомнись,—сказал Степан Иванович. — Ненадолго. Мне уходить скоро.
И выпустил Ромку за дверь.

ЛЕТУЧИЕ СОБАКИ

Выбежал Ромка в подъезд — и во весь голос:

— Эй, Артос! Фомка, эй! Выбегайте поскорей! Без заминки. На разминку. Выходи!

Скрипнула дверь. Высунулась заспанная Фомкина голова.

— Зачем так громко? — проворчал Фомка.

Неспешно вышел на лестничную площадку. Так тряхнул головой — чуть уши не отлетели. Скрутил длинный хвост вопросительным знаком.

— Где Артос? Почему нет Артоса? Это непорядок. Ведь уговорились...

— погоди ты, — перебил ворчуна Ромка. — Может, заболел Артос.

Подлетел к дверям квартиры, в которой жил Артос. Прижался бархатным носом к щели. Встопорщил уши-лопушки. Зашевелил усами, принюхиваясь. Встревоженно шепнул:

— Он тут.

И Фомка клинышек носа приставил к щели. И тоже втянул ноздрями воздух.

— Артос? — Фомкин хвост запрыгал по полу, как рассерженная змея. — Артос! — ворчливо позвал Фомка. — Чего ты застрял?

— Беда у меня, — донёсся из-за двери унылый голос Артоса. — Хозяева вчера укатили на дачу и до сих пор не вернулись.

— Хоть дверь вышибай, а друга выручай, — сказал Ромка.

— Кто-то на дачке забыл о собачке. А мы — голову ломай. А мы — дверь вышибай... — забурчал гневливо Фомка.

Раздул Ромка ноздри. Встопорщил уши. Поскрёб лапой рыжую бородку. Сделал уши домиком.

— Придумал!

— А я что говорил! — обрадовался Фомка, поднимая хвост восклицательным знаком.

— Артос! — крикнул Ромка в щель. — Чёрный зонтик бабушка на дачу не увезла?

— Сейчас погляжу, — отозвался Артос. — Тут он. В углу. А что?

— Бери зонт. Отворяй окно...

— Понял! — радостно гаркнул Артос. — До встречи.

Обгоняя друг друга, Ромка с Фомкой кинулись во двор. Остановились под окном квартиры, где жил Артос, и давай пританцовывать от нетерпения.

С треском распахнулась оконная створка. Высунулся чёрный зонтик. Раскрылся. И тут же из окна вывалился Артос, держась зубами за ручку зонта. Зонт был очень большой. Артос приземлялся на нем плавно, как на парашюте. Вот длинные ноги Артоса почти коснулись земли. Ещё миг...

Но именно в этот самый миг дунул ветер. Сильно и резко. Подхватил чёрный купол зонта. Рванул вверх.

— Держи! — крикнул Ромка.

Подскочил, вцепился зубами Артосу в хвост.

А ветер дунул ещё сильнее, подкинул зонт ещё выше.

— Лови! — завопил Фомка.

Скакнул что есть силы вверх. Но до Ромки не дотянулся. В воздухе кувыркнулся, едва успел хвостом закрючить Ромкину лапу.

Вот такой живой гирляндой и повисли все трое на чёрном бабушкином зонте. Артос вцепился в зонт. Ромка — в Артоса, Фомка — за Ромку.

Ухнул ветер в зонт, как в парус.

Дрогнул зонт. Взлетел до крыши. А потом поднялся выше.

Закрутился чёрный зонт и поплыл за горизонт.

Ветер нёс его и нёс. Без мотора, без колёс.

На улице переполох поднялся.

Кричали мальчишки:

— Летучие собаки!
— Воздушный цирк!
Чёрный кот надрывался на заборе:
— Хватайте! Это переодетые волки!
Пронзительно свистел постовой милиционер.
А нахальные сороки затевать привыкли склоки. Окружили вмиг собак. Лезли к ним и так и сяк. И щипали, и клевали. И над ними хохотали.
«Надо прыгать в сквер», — решил Ромка.
Но как сказать об этом, если в зубах хвост Артоса?
«Эх, была не была», — подумал Ромка и крикнул:
— Прыгай!!
И тут же Фомка—бряк. Рядом Ромка—шмяк. Возле них Артос — в землю нос.
Перелёт окончен...

РОГАТЫЙ ЗЛОДЕЙ

Словно мячик, отскочил Ромка от земли. Перекувырнулся, шлёпнулся, снова подпрыгнул.
— Ой-ля-ля! Тра-ля-ля! Очень мягкая земля. Мягче пуха. Мягче ваты. Шевелись, вставай, ребята.
Вскочил Артос. Наморщил нос.
Апчхи!
— Нельзя ли потише, — проворчал недовольно Фомка.
Ворчуна Артос—за лапу. А Артоса Ромка сцапал. Фомка Ромку — за усы. Разыгрались резво псы.
Скачут крúгом. Друг за другом.
А потом — кувырком.
А когда устали, хороводом встали. И горластый Ромка затянул громко:

Мы — весёлые собаки
И совсем не забияки.
Между нами ссор и драки
Не бывает никогда...

Артос и Фомка подхватили песню:

Делим на троих добычу,
Лишь на праздник друга кличем,
А в беде...

Тут какая-то сила разом всю компанию оторвала от земли и забросила в канаву.

— Что такое?—изумился Ромка, поджимая ушибленную лапу.

— Кто это нас? — забубнил Фомка, складывая хвост вопросительным знаком.

— Где этот нахал? — громко прорычал Артос.

— Б-бе-е, — донёлся надтреснутый тягучий голос. — Я тут. Из кустов высунулась козлиная голова. Со злыми глазами. С острыми рогами.

Потом показались большие отточенные копыта. И наконец вышел Козёл.

Был он рослый, но кургузый. Длинноногий. Толстопузый. Не причёсан. Не умыт. Шерсть сосульками висит.

— Кто обозвал меня нахалом? — Козёл гневно колупнул землю копытом.

— Я! — отважно крикнул Артос и цап зубами Козла за ухо.

— И я! — гаркнул Ромка, прыгая Козлу на спину.

— Я не обзывал, но все равно, — пробурчал Фомка, налетая на Козла сбоку.

А Козёл взбрыкнул ногами. А Козёл тряхнул рогами. И друзья с него посыпались, будто сухие листья с дерева.

Ромка — усами в кочку. Фомка — боком об урну. Артос — головой о берёзу.

Не успели они шишки пощупать, царапины зализать, а Козёл снова рога нацелил.

— Бежим... — еле вымолвил Ромка.

И со всех собачьих ног друзья пустились наутёк.

Козёл — за ними.

Вот-вот догонит. Острым рогом проколет. Копытом пронзит.

Поджал хвост Ромка и мчится вприпрыжку.

Следом Фомка улепётывает. Лапы быстрее велосипедных спиц мелькают.

Последним Артос скачет. На бегу Козлу зубы кажет.

А Козёл того пуще ярится. Грозно блеет да громко грозится:

— Быть вам битым! Быть вам битым! Догоню — прибью копытом. Острым рогом прокалю, если только догоню!

Перемахивая через кусты, перелетая через клумбы, они миновали сквер и выкатились на середину улицы. И понеслись по ней навстречу потоку автомобилей, трамваев, троллейбусов.

Завизжали, заскрипели тормоза.

Загудели тревожно автобусы.

Зазвенели рассерженно трамваи.

Загукали возмущённо троллейбусы.

Закричали водители.
Замахал руками, засвистел разгневанный милиционер.
А псы несутся — уши трясутся.
Следом Козёл мчит — искры из-под копыт.
Тут из-за поворота. На полной скорости. Прямо на них —
автомобиль.

Ромка, Фомка и Артос прошмыгнули меж колёс. А Козёл — в автомобиль... Трах рогами... Дым и пыль.

КРУПНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Едва глянув на Степана Ивановича, сразу почувал Ромка: что-то случилось. И не ошибся.

Усадил хозяин Ромку на колени. Поглаживая, сказал: — Уезжаю я, Ромка. Надолго. На всё лето. К нефтяникам. На Самотлор. Надо им помочь трубу строить. Чтобы нефть по ней оттуда сюда текла. Понял?

Внимательно и насторожённо Ромка засматривал человеку в глаза. Топорщил уши-лопушки. Вертел головой, тряс бородой. Но ничего не понимал, кроме одного: хозяин уходит из дому.

Не знал Ромка, что такое Самотлор и где он находится. Не понимал, какую и как это можно строить трубу и отчего по ней потечёт нефть с Самотлора. Да и что такое нефть — пёс не имел ни малейшего представления. Зачем ему это? Главное — Степан Иванович покидает его. Надолго.

Затих Ромка, загрустил. Хвост уныло опустил. Голову понурил. Брови принахмурил. И на Ромкины глаза навернулась вдруг слеза.

— Не грусти. — Растроганный Степан Иванович потрепал Ромку по шее, почесал за ушами. — Не навовсе расстаёмся. Да и не один ты останешься. Здесь пока поживёт мой племянник Витя. Парнишка неплохой. Не обидит.

Поцеловал Ромку в чёрный бархатный нос. И ушёл. И остался Ромка с Витей.

И сразу начались у Ромки неприятности.

Задумал Витя выдрессировать Ромку так, чтобы можно было перед друзьями похвастаться. Целый день командует:

— Ромка, ко мне!

— Ромка, сидеть!

— Ромка, лежать!

Столько разных команд понавывдумывал, что от них у Ромки стала голова кружиться и бессонница началась.

Чего только Витя не заставлял делать Ромку! И тапочки принести. И кепку подать. И на задних лапах ходить. Зато забывал вовремя покормить да налить в чашку свежей воды.

И на прогулку Ромку одного не пускал, не давал ему с Фомкой и Артосом поиграть. А водил по двору на поводке. И всё командовал, командовал. Изображал перед мальчишками Ромкиного укротителя и повелителя.

Начал Ромка хиреть. Перестал играть и петь. Ничего ему не мило. Бродит скучный и унылый. Не обласкан, не оглажен, не расчёсан вовсе даже.

А Витя знай себе кричал на Ромку, даже шлёпал его иногда. И однажды злой мальчишка придумал такую штуку...

Ромка понуро лежал на диване, вспоминая недавнее житьё своё со Степаном Ивановичем. И такая щемящая грусть накатила на Ромку, что он непроизвольно всхлипнул и закрыл глаза лапами.

Закрыл и сразу уснул. И тут же увидел во сне Степана Ивановича. Тот посадил Ромку на колени, гладил его, причёсывал. А от рук, как всегда, пахло машиной.

Ромка шевелил ноздрями и блаженно улыбался во сне.

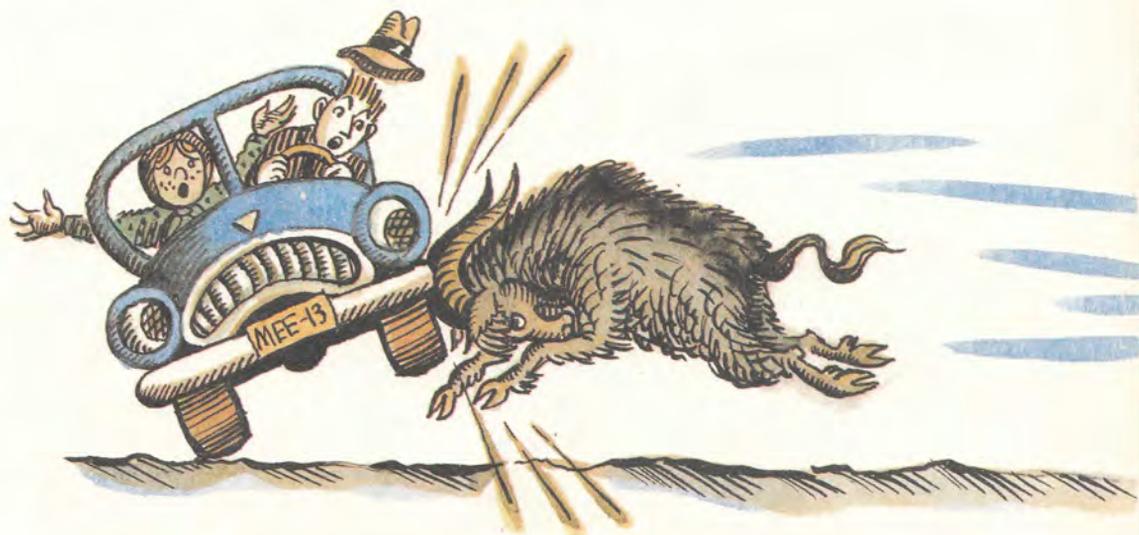
Вдруг будто бомба разорвалась — гроыхнул сердитый Витин голос:

— Ромка, ко мне!

Как ошпаренный вскочил Ромка. Пошарил глазами по сторонам — никого. «Почудилось», — решил и снова прилёг было. Но опять Витин голос:

— Ромка, ко мне! Кому говорят!

Спрыгнул Ромка с дивана. Обежал комнату. Заглянул под стол. Сбегал на кухню. Нигде нет Вити. А голос опять как загремит:

— Ты что, не слышишь, негодяй? Ко мне!

Долетал Витин голос откуда-то сверху, как бы со стола. Вскочил Ромка на диван. Глянул на стол. Никакого Вити там не было. Только белая коробочка лежала. «Что за диво?»—подумал Ромка. И тут белая коробочка как крикнет Витиным голосом:

— Ромка, лежать! Быстро! Лежать!

Скакнул Ромка с дивана на стол. Подошёл к говорящей белой коробочке. Понюхал. А коробка опять выкрикнула команду Витиным голосом.

«Ну уж. Нет уж. Это уж совсем уж никуда!» — разгневался Ромка. Подтолкнул коробку носом — и та кувырком на пол. Раскололась. Развалилась. И умолкла.

А на пороге Витя показался.

— Ты разбил мой новый магнитофон! — закричал он. — Негодяй! Я тебя...

Ромка на пол скок-поскок и стрелою за порог. Только белый хвост мелькнул.

БЕГЛЕЦЫ

Наступил тёплый синий летний вечер. Фомка и Артос вышли во двор. Побегали немножко, попрыгали, поболтали и сели под кустом, пригорюнились.

Вдруг Фомка подскочил, будто его оса ужалила. Свернул хвост восьмёркой.

— Ты слышал?

— Ничего не слышал, — нехотя ответил Артос.

— Ромка нас зовёт.

— Просни... — начал было Артос и не договорил.

Глаза у Артоса огромными стали. И будто бы лампочки в них засверкали.

— Я тоже слышал Ромкин голос. Он где-то здесь.

Огляделись друзья и увидели Ромкин бархатный нос под лопухом-подзаборником.

Кинулись они навстречу друг другу. И ну кувыркаться. И ну веселиться, скакать да резвиться.

Не заметили, как совсем стемнело. Звёзды загорелись в тёмно-синем небе. Окна засветились в доме. И шум машин на улице поутих.

— Ну что, по домам? — спросил Артос.

— Нет у меня больше дома, — грустно выговорил Ромка. — Пойду искать Степана Ивановича.

— Куда? — Фомкин хвост свернулся вопросительным знаком.

— На Самотлор. К нефтяникам.

— Что случилось? — удивился Артос. — Тебя кто-то обидел?

Вздохнул Ромка и поведал друзьям о происшествии с магнитофоном.

— М-да, — Артос прищёлкнул клыками, — назад тебе дороги нет.

— И зачем ты этот говорящий ящик расшлёпал? — заворчал Фомка, скручивая хвост штопором.

Вместо ответа Ромка запел:

Настал для нас
Разлуки час,
Простимся же, друзья.
В последний раз
Пожму сейчас
Две верных лапы я.

— Давай же лапу, дружище Артос.

Отступил Артос на полшага и, браво выгнув худую грудь, твёрдо выговорил:

— Раз друг попал в беду — от друга не уйду. В любой огонь и дым пойду за ним...

Тут и Фомка хоть и ворчливо и негромко, но зато ясно проговорил нараспев:

Пусть впереди нас ждёт беда,

С друзьями буду я всегда.

Куда друзья — туда и я.

Иначе что мы за друзья?

Распушил Ромка рыжеватые усы. Раздул ноздри. В коричневатых глазах загорелась удаль.

— Значит, вместе?

— Вместе! — гаркнул Артос.

— Вместе! — уркнул Фомка.

Положив лапы друг другу на плечи, псы завели знаменитый и модный собачий танец — рок-кувырок.

Ах, какой это был танец! Начинался он с общего кувырка через голову. Потом — разбег, прыжок, двойное сальто. Потом — скок-поскок: передние лапы на земле — задние в воздухе, задние на земле — передние в воздухе. А после, свернувшись клубком, они стали перекатываться друг через друга. Ромка — через Фомку, Артос — через Ромку.

Да всё быстрее перекатывались. Да всё выше подскакивали. И такую карусель раскрутили, не понять, где чей хвост, а где чьи лапы.

А город затихал, засыпал. Всё черней становилась ночь. Всё меньше светилось окон в домах. Опустели, стихли улицы.

Из неведомой звёздной дали прилетел лохматый ласковый Ветерок. Взворошил, взъерошил листву на деревьях. Потревожил спящих воробьят, и те испуганно запищали.

— Пора, — спохватился Ромка.

— Угу, — поддакнул Фомка.

— Да-да, пора, — шепнул Артос.

И псы помчались со двора.

КЛЫК-КЛЫК ГРУМБУМБЕС

Они бежали неторопливой рысцой. Впереди — Ромка. Следом — Фомка. Сзади всех, задрав свой нос, тощий семенил Артос.

Остались позади ярко освещённые центральные улицы. Начались улочки поуже, потемней.

«Скоро городу конец,—подумал Ромка.—Начнётся поле, потом лес. Там и отдохнем».

Хотел сказать об этом, да вдруг впереди через дорогу метнулась длинная серая тень. Прижалась к забору, растаяла в темноте.

Друзья оборвали бег. Сгрудились.

— Видели? — шёпотом спросил Ромка.

— Ага, — ответил Артос.

— Угу, — буркнул Фомка.

— Стойте тут. Я на разведку.

Прижался Ромка животом к земле. Раздул чёрные ноздри. Встопорщил уши-лопушки. Навострил глаза. И пополз туда, где пропала серая тень.

Пахло разогретой землёй, хворостовым дымом, бензином и навозом. Из домов еле долетали человеческие голоса и музыка.

Но вот Ромкины ноздри учуяли странный, тревожный запах. «Кто же это так пахнет?» В коричневых, широко раскрытых глазах плеснулась тревога. Ромка перестал дышать. Вытянулся в струнку. Поставил уши торчком. И услышал сопение и скрежет когтей.

«О! Да это кто-то подрывает стену. А за стеной поросята. Вон как они хрюкают...»

Тут Ромку осенило: «Да ведь этот негодяй хочет украсть поросёнка».

Привстав, Ромка сердито крикнул:

— Вон отсюда, разбойник!

Лохмато-серое страшилище откачнулось от стены. На Ромку свирепо глянули огромные жёлтые глазищи. Сверкнули угрожающе большие зазубренные клыки. И послышался грозный рык:

— Я — Клык-Клык Грумбумбес. Предо мной трепещет лес. Предо мной дрожат поля. Всех страшней и злее я. У меня пятьсот зубов. Не боюсь бродячих псов. Уходи. Добром прошу. А не то рас-пот-ро-шу!!

И снова Клык-Клык Грумбумбес стал рыть подкоп. Да ещё торопливей. На Ромку дождём посыпались комья земли.

Что делать? Ромка прежде слыхом не слыхал, видом не видал никакого Клык-Клыка Грумбумбеса. Это был кровожадный хищник, вряд ли им одолеть его. Но и отдать на растерзание разбойнику маленьких беззащитных поросят они не могли.

Надо было бить тревогу. Звать кого-то на подмогу. И друзья что было силы вдруг втроем заголосили:

— Прочь, разбойник!!!

Ох какой переполох тут начался. Даже воздух задрожал, закачался.

Завизжали поросята. Замяукали котята.

Утятя закрикали. Лягушки заквакали.

А петух что было сил как шальной заголосил:

— Ку-ка-ре-ку!

Рассвирепел Клык-Клык Грумбумбес. Выскочил на дорожку. Увидели его друзья вблизи и перепугались.

Он походил на огромного, ну прямо преогромного, наигромчайшего паука.

Двенадцать лап когтистых, волосатых. Спина — черна, мохната, полосата. Глазищи жёлтые, как факелы горят. Сверкает саблями клыков загнутых ряд. А на конце хвоста — огромный крюк. Кто на него попал — тому каюк.

Такого жуткого страшили псы никогда и во сне не видели. Оттого растерялись, попятились.

А Клык-Клык Грумбумбес на шести лапах встал, шесть других лап поднял. Замахал ими. Заклацал клыками.

— Ха! Да вас трое! Хватит мне на ужин!

И сразу ухватил когтями Ромку за бок.

Кинулись Артос и Фомка на выручку. Началась отчаянная драка. Заклубилась пыль. Замелькали клочья шерсти. Закапала кровь.

Клык-Клык Грумбумбес был очень сильный. А ещё хитрый и злой. Он мигом подмял Ромку, отшвырнул Фомку, поддал Артосу. И наверняка слопал бы их всех троих, если б друзья не кинулись наутёк.

Только не так-то просто было удрать от двенадцатиногого свирепого и голодного Клык-Клыка Грумбумбеса. Он сразу бросился следом и помчался огромными прыжками.

— Будь ты лошадь или мышь, от меня не убежишь! — рычал он, догоняя друзей. — Сцапаю — прихлопну! Проглочу — не лопну!

— Бегите! Я его задержу, — еле выговорил на бегу Артос.

— Разорвёт и слопает, — прохрипел Ромка.

— Зато вы спасётесь, — ответил гордый Артос.

— Наддай! — крикнул Ромка. — Нам кто-то подмигивает. Скорей!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДРУГ

В самом деле. Впереди вспыхнул круглый глаз. Подмигнул. И погас. Потом снова подмигнул. И беглецы услышали странный скрипучий голос:

— Поднажмите, малыши.

Это говорил Самосвал. Он стоял на обочине дороги, подмигивая, подсвечивая большим круглым глазом.

— Правая дверка кабины открыта. Прыгайте в неё с разбегу.

Ромка подтолкнул в кабину Фомку. Пропустил туда Артоса. Потом и сам юркнул, захлопнув дверку перед самым носом Клык-Клыка Грумбумбеса.

— Выходи! — заревел тот. — Вылезай! Всё равно не спасётесь! — И давай хлестать по кабине крючковатым хвостом, царапать её острыми длинными когтями.

Тут вспыхнули огромные глаза Самосвала. Клык-Клык Грумбумбес зажмурился от яркого света. Отскочил. Завопил:

— Гаси свои глаза, железная коза! Притащу дубину — перебью хребтину! Поломаю, сокрушу! А щенят передую!

Клык-Клык Грумбумбес бросился искать дубину.

— Кто из вас самый сильный? — слышался негромкий скрежещущий голос Самосвала. — Садись за руль.

Ухватил Ромка за руль. Чуть не лопнул от натуги. Но повернуть не смог.

— Пусти-ка, — попросил Фомка.

И хвостом, и лапами, и зубами вцепился он в руль. Но даже не шевельнул его.

И Артос напрасно тужился. И он не осилил.

— А вы все вместе, — посоветовал Самосвал.

Вцепились все трое, и руль наконец-то шевельнулся.

— Теперь слушайте внимательно, исполняйте старательно. Ключик на щитке найдите и скорее поверните.

Нашарил Ромка ключик. Повернул. В кабине вспыхнула лампочка и стало светло.

— Нажмите правую педаль, — командовал Самосвал. — Сильней.

Три лапы упёрлись в педаль. Три друга нажали изо всех сил.

Что-то фыркнуло. Что-то хрустнуло. Что-то затрещало. И загудел мотор.

Тут с дубиной Клык-Клык Грумбумбес на дорогу выскочил. Прицелился. Примерился. Развернулся. Замахнулся.

— Рычаг на себя, — торопливо проскрежетал Самосвал.

Рванули друзья рычаг. Самосвал скакнул, едва не подмяв Клык-Клыка Грумбумбеса.

Тот выронил дубину. Пугливо выгнул спину. Подобрал ноги. И прочь с дороги.

А Самосвал, фыркнув весело и задорно, покатил вперед.

— Врёшь! — завопил Клык-Клык Грумбумбес. — Не уйдёшь! — И припустил за Самосвалом.

— Ну уж дудки, — тихонько засмеялся Самосвал. — Толкните-ка вперёд рычаг. Вот так.

И понёсся Самосвал так быстро, что Клык-Клык Грумбумбес сразу отстал. А Самосвал катил да командовал:

— Выбоина на дороге. На тормоз ноги.

— Слева канава. Руль вправо.

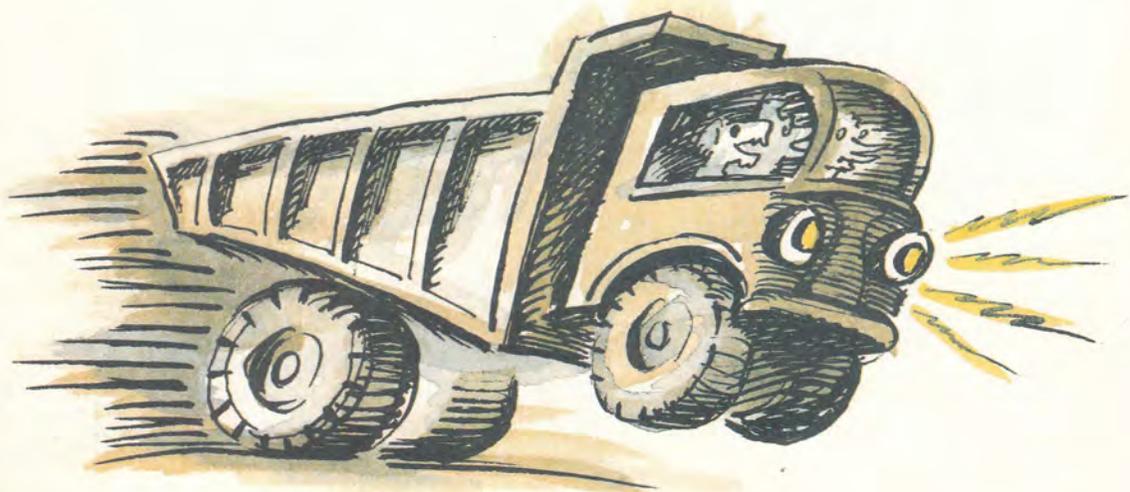
Промелькнула окраина города. Дорога стала прямой и ровной. С обеих сторон к ней подступали хлебные поля. Вдали стеною чернел лес.

— Почему вас Самосвалом называют? — спросил Ромка.

— А вот почему... — начал Самосвал и, приглушив голос, монотонно и негромко пропел:

Мой кузов крепче, чем броня,
Просторный, будто дом.
Грузи что хочешь на меня —
Всё нипочём.
Свой груз домчу быстрее коня,
Свалю — за пять минут.
Вот Самосвалом-то меня
За это и зовут...

Песенка так понравилась Ромке, Фомке и Артосу, что они вместе с Самосвалом спели её ещё раз.

Но вот Самосвал попросил Ромку снова повернуть ключик. И тут же мотор заглох. И Самосвал остановился.

— Устал я, — сказал он, тяжело и жарко дыша. — Далеко уехали от города. Пока найдут меня здесь да назад приведут... Переволнуется хозяин...

За окном кабины плескалась густая чёрная ночь. Красными крохотными светлячками горели в небе далёкие звёзды. Неодолимой мрачной стеной стоял при дороге дремучий лес.

Огромные глаза самосвала струили яркий свет. На него отовсюду летели бабочки, жучки, ночные птицы.

— Куда путь держите? — спросил Самосвал.

— На Самотлор, — ответил Ромка.

— На Самотлор?! — изумился Самосвал. — Хо-хо! Зачем вам туда?

Перебивая друг друга, они рассказали о Ромкиных злоключениях.

Вздохнул Самосвал раз, вздохнул второй. И промолвил:

— Раз надумали — идите. Да по сторонам глядите. Друг от друга — ни на шаг. Вместе вам не страшен враг.

— Спасибо, Самосвал, — сказал растроганно Ромка. — Так будем делать, как вы посоветовали.

А Самосвал снова глубоко-глубоко вздохнул и опять заговорил:

— Всё равно на своих лапах вам не добраться. Никому не дойти до Самотлора без помощи моих винтокрылых, гусеничных и колёсных братьев. Их видимо-невидимо. Как встретите любого, шепните ему волшебные слова, и он вам непременно поможет.

— Какие слова? — нетерпеливо проворчал Фомка.

— А вот какие. Слушайте и запоминайте: «Властелин любой дороги, ты один пройдёшь везде. Я — твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде».

— И всё? — засомневался Артос.

— И всё,— подтвердил Самосвал.— Теперь ступайте вот этой тропкой через лес. За ним будет широкая дорога. На ней вы обязательно встретите кого-нибудь из моих братьев.

— Спасибо,— Ромка Ромазан поклонился Самосвалу так низко, что бородой земли коснулся.

Потом он встряхнулся. К друзьям повернулся. Хвост поднял трубой. И крикнул:

— За мной!

ДРЕВНИЙ ВОРОН КАРРЫКАРР

В ночном лесу было темно, прохладно и тихо. Деревья, листья, трава и даже воздух — всё казалось чёрным. Притихли, насторожились друзья.

Ромка нюхал.

Фомка слушал.

Артос глазел по сторонам...

— Кто-то, кажется, плачет,— прошептал Ромка, сделав стойку.

— Похоже, ветер,— пробормотал Фомка, свивая хвост вопросительным знаком.

— Нет,— решительно высказался Артос,— никакой не ветер. Кто-то маленький. И несчастный. Слышите?

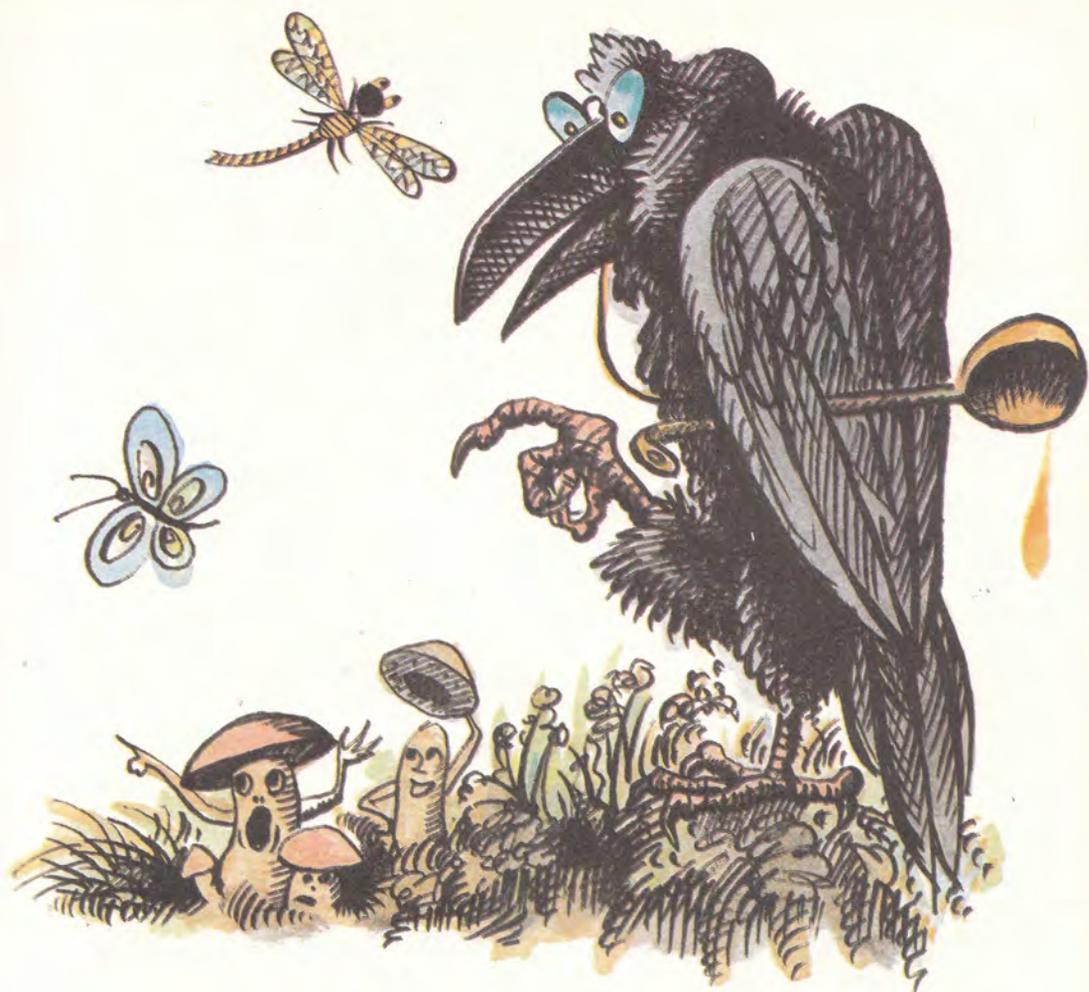
Теперь все услышали тонкий жалобный плач. То ли маму потерял зайчонок. То ли выпал из гнезда бельчонок. То ли кроха бурундук поранился о сук. Угадай-ка, кто и где? Ясно лишь — малыш в беде.

А рассвет только-только начинался. Едва видны мохнатые смолистые стволы великанов кедров, чёрно-синие колкие лапы угрюмых елей, крохотные сосёнки по колено в позолоченном мху. Тут небось любая коряга чудовищем кажется! И взрослому страшно. А каково маленькому?

Снова долетел тягучий жалобный плач. Ромка кинулся на голос, следом — Артос с Фомкой.

Шиповник шипами впивался в бока им. Боярка колючками больно кололась. А лапы царапала злая осока. И сучья, как пики, торчали повсюду.

Исхлёстанный, поцарапанный, задохнувшийся Ромка остановился перевести дух.

— Где-то здесь,— выговорил он, вытряхивая хвою из бороды.

— В-вроде,— пророкотал Артос, выдирая из лап колючки.

— Наверное,— буркнул Фомка, снимая репы с длинного хвоста.

И снова тишину прорезал плач. Такой жалобный и призывный, что друзья, позабыв об ушибах, занозах и царапинах, опять ринулись было в чащу.

Но тут под самым Ромкиным носом вынырнул Гриб Боровик и еле слышно пискнул:

— Стойте.

И Тонкая Берёзка склонилась над ним. Тихо-тихо прошелестела:

— Стойте... Стойте...

— Стойте! — пророкотал Древний Кедр.

И разом весь лес ахнул:

— Стойте!

Ромка с ходу — кувырком. На него — Артос верхом.
А в Артоса — Фомка носом.

— Ах!

— Ох!

— Ой!

А у них над головой... Что-то затрещало. Что-то падать стало.

Не успел Ромка сообразить, что бы это значило, как перед его носом шлёпнулась в мох какая-то птица.

Огромная и чёрная, как смольё. Тяжёлые, словно из чугуна отлитые, крылья тускло блестели. Крючком загнутый клюв казался откованным из чёрной стали. И глаза у чёрной птицы были тоже чёрными с жёлтыми горящими зрачками.

— Кт-то в-вы? — переполошился Ромка.

Медленно поднялась чёрная морщинистая лапа. С металлическим хрустом разомкнулся стальной клюв. И друзья услышали:

Я — Древний Воррон Каррыкарр.

Карр!

Мне трриста лет. Я очень старр.

Карр!

Зверрям больным и хилым в дарр.

Карр!

Варрю целебный я отварр.

Карр!

А злых настигнет мой ударр.

Карр!

Карр!

Карр!

И деревья, и птицы, и травы, и цветы — все замерли, пока пел Каррыкарр.

— Куда вы стрремитесь? — строго спросил Каррыкарр.

— «Куда-куда», — передразнил ворчун Фомка. — Не слышали разве: малыш плачет.

— Кха-ха-ха! — засмеялся Каррыкарр. — Красиво рразыграл вас Клык-Клык Гррумбумбес. Не зря он владыка сонного царства Спиешпей...

Хотел Ромка спросить: почему страшила Клык-Клык Громбумбес — владыка? И что это за сонное царство? Да не посмел перебивать Каррыкарра.

Но когда тот сказал:

— Здесь же не паррк. Не скверр. Тайга...

Ромка рассердился и огрызнулся:

— Видим, что тайга, и что?

— Брысь, красивый и глупый щенок! — грозно прокаркал Каррыкарр.— Любой тррухлявый Мухоморр мудрее вас трроих...

Артос набычил голову, оскалил клыки и хотел цапнуть обидчика Каррыкарра за крыло. Но крохотная Бабочка села Артосу на нос и еле внятно пропищала:

— Слушай старого Каррыкарра. Он всех мудрей. Он всё знает.

А Каррыкарр, важно расхаживая перед растерянными друзьями, заговорил сердито и назидательно:

— Тайга — огрромный, дрревний лес. Поррядки здесь дрругие. Законы стрроги... Клык-Клык Гррумбумбес мстит вам за спасённых порросят. Хоррошо ещё, что за грраницами своего царрства он не имеет колдовской силы. Но и хитррости у него больше, чем у вас трроих.

— Как сказать, — встопорщился Артос.

— Не храбррись! — прикрикнул на него Каррыкарр.— Это не малыш плачет, а Клык-Клык Гррумбумбес крричит. Прритворряется, заманивая вас в дебрри. Вы поверрили, потерряли трропу и теперрь не найдёте дорроги через лес...

— С моим-то нюхом! — вскочил обиженный Ромка.

— С моим-то слухом, — буркнул рассерженный Фомка.

— С моим-то зреньем! — рокотнул разгневанный Артос.

— Тогда сррочно обрратно! — прокаркал Каррыкарр.— Быстрро! Прридёте на трропу — и ррысью, аллюрром.— Вдруг голос у Каррыкарра сник, и он уныло выговорил: — Только от крровожадного, коваррного Клык-Клыка Гррумбумбеса вам не удррать. Он пррячется где-то ррядом. Всё рравно нас-стигнет. Ррастерзает...

— Что же нам теперь? — растерянно спросил Фомка, свивая вопросительным знаком длинный хвост.

— Как же мы? — забеспокоился и Ромка.

— Сррочно рразыщите хитррого Кррасного Лиса, — посоветовал Каррыкарр.— Крроме него, не выручит никто. Скорее. Скорее...

— Бегите, — зашумели кедры. И ели. И сосны. И осины.

— Бегите, — зашелестели травы и цветы.

— Бегите! Бегите! — разом крикнули птицы и звери.

И друзья напролом через чащу бегом. К потерянной тропе. По болоту, по траве. По колючим кустам. А за ними по пятам скачет Клык-Клык Грумбумбес. И вопит на весь лес:

— Не спасётесь! Не уйдёте! Все мне в зубы попадёте.

И в самом деле Клык-Клык Грумбумбес быстро нагоял друзей.

И хоть перед псами кусты раздвигались, и травы сгибались, и прятал шиповник шипы, и хоронила острое жало злая крапива — всё равно друзья выдохлись, притомились и бежали всё медленнее...

КРАСНЫЙ ЛИС

Он был красный, будто пламя. От ушей до самых пят полыхал он, как закат.

Его знал весь лес, потому что другого такого Красного Лиса не было больше в тайге.

У него высокий рост. Огненный пушистый хвост. Коготок и зуб остёр. Он и весел, и хитёр.

Как факел носился Красный Лис по лесу, и всем было видно его издалека.

И охотнику.

И зверю недоброму.

И птице хищной.

А уж зимой и подавно негде было укрыться, негде спрятаться Красному Лису от вражьих глаз.

Таёжный Властелин не раз предлагал Красному Лису сменить огненную шубку на серую или на зелёную, чтоб неприметным стать.

— Нет, — отвечал гордый Лис, — не хочу. Ни таиться, ни прятаться.

Его все птицы, звери знали и очень-очень уважали.

За храбрость и мудрость.

За ловкость и хитрость.

За доброту. За красоту.

В это утро Красный Лис сидел в малиннике и лакомился спелой душистой малиной.

Возьмёт ягоду в рот и сосёт, причмокивая и блаженно шурясь.

Вдруг донёсся протяжный жуткий вой и грозное рычание.

Вытянул шею Красный Лис. Навострил уши. Раздул ноздри. Раскрыл глаза во всю ширь и замер. «Не иначе Клык-Клык Грумбумбес за кем-то гонится. Интересно, за кем?»

Ещё сильнее напрягся Красный Лис, весь обратился в слух и наконец уловил отдалённый топот, надсадное, тяжёлое дыхание.

Сорвался с места Красный Лис, саженными скачками кинулся наперерез бегущим.

— Костёр! — вскричал Ромка, увидев огненный хвост Красного Лиса.— Скорей к огню!

— Пожар! — завопил Фомка.— Назад! Сгорим!

— Солнышко в лес скатилось,— изумился Артос.

Красный Лис и впрямь как огненный шар выкатился из-за куста и встал на пути, играя пышным пламенеющим хвостом.

— Собаки,— изумился он.

— Ты... ты... Красный Лис? — еле выговорил загнанный, перепуганный Фомка.— А почему ты красный? Ты не опасный?

— Пусть-ка тронет! — Артос задиристо выгнул тощую спину.

Глянул на него Красный Лис и рассмеялся.

— Ты смеёшься надо мной? Выходи на честный бой! — запальчиво крикнул Артос, показывая большие острые клыки.

— Погоди,— одёрнул его Ромка.— Чего задираешься? Забыл, что говорил Каррыкарр?

— На всех ворон со всех сторон чихаю и плюю! — распалился не на шутку Артос и небрежно сплюнул сквозь зубы.

— Каррыкарр — наш друг, а ты? — загневался Ромка. Поворотился к Красному Лису, поклонился: — Прости его. Он просто задира.

В этот миг совсем близко послышалось злобное урчание Клык-Клыка Грумбумбеса.

Задрожали листья на берёзах. Посыпались шишки с кедров. Полетела хвоя с ёлок. В мох попрятались грибы. В траве укрылись ягоды. Птицы смолкли. Муравьишки забились в норки. Попрыгали в дупла бурундучки и белки.

Откуда-то сверху донёсся предостерегающий вскрик Каррыкарра:

— Берегись!!!

— Некуда деваться — придётся драться! — Ромка поворотился в ту сторону, откуда долетал вой Клык-Клыка Грумбумбеса.

— Что за вопрос? Пусть сунет нос! — Грозно ощерясь, Артос встал рядом.

— Так и быть, придётся бить,— проворчал Фомка, становясь подле Артоса.

Храбрые, дружные псы так понравились Красному Лису, что он, не сказав им ни слова, встал на задние лапы и заметался, заскакал вокруг. Как набатный колокол, зазвенел над притихшей тайгой необыкновенно сильный, гулкий голос:

— Слушай меня, дремучий лес! Звери и птицы!.. Деревья и травы!.. Слушайте!.. Слушайте!.. Слушайте все!..

Словно косматое жаркое пламя, метался меж деревьев Красный Лис. Всё быстрее и быстрее перелетал с места на место этот живой клубок огня. И скоро стало казаться, что лес вокруг охвачен пожаром. В немой зелёной тишине далеко-далеко был слышен трубный сигнальный клич:

— Злой и коварный Клык-Клык Грумбумбес снова ворвался в наш мирный лес! Надо его проучить. Маленьких псов защитить! Слышите? Проучить! Слышите? Защитить!

— Защитим! — грозно и дружно пророкотали могучие великаны кедры.

— Проучим! — разом выдохнули колючие ели.

— Отстоим малышей, — негромко, но внятно произнесли берёзы.

— В об-биду н-не д-дадим! Н-не д-дадим! Н-не д-дадим! — будто морской прибой, зашелестели высокие травы.

И тут над ошетилившимся лесом повис протяжный и резкий крик Каррыкарра:

— Карр! Трревога! Карр! Трревога! Злой Клык-Клык Гррумбумбес нарушил древние законы тайги. Прроучить злодея!

— Ну, теперь держись, Грумбумбес! Стал твоим врагом весь лес! — Красный Лис погрозил в сторону, откуда ждал Клык-Клыка Грумбумбеса.

ПРОУЧИЛИ

А двенадцатиногий, мохнатый, когтистый и зубастый Клык-Клык Грумбумбес был совсем рядом. Он всё слышал, но не только не приостановился, а даже не замедлил бега.

Клык-Клык Грумбумбес был страшно зол на Ромку, Фомку и Артоса за то, что те не дали ему полакомиться поросятинкой, заставили целую ночь скакать за Самосвалом, ускользнули из ловушки.

Широкие, жадные ноздри Клык-Клыка Грумбумбеса уже чуяли добычу. Горящие злобой глаза видели её. Из оскаленной клыкастой пасти текла голодная слюна.

Вот он увидел ошетилившихся, изготавившихся к схватке друзей и забормотал сквозь зубы:

— Двенадцать лап, пятьсот зубов, хватайте, рвите и грызьте. Не жалейте, не щадите.

Пробормотав так, Клык-Клык Грумбумбес раскогтил все двенадцать лап, взъерошил, встопоршил длинную шерсть на спине, оскалил все пятьсот зубов да как прыгнет.

А Белая Берёза согнулась дугой, и Грумбумбес — об неё головой. Так треснулся лбом — из глаз искры столбом. В ушах — звон.

Очухался Клык-Клык Грумбумбес. Выпучил и без того огромные злые глазищи на Белую Берёзу. Стоит та прямёхонькая, не качается.

«С чего это меня на неё кинуло?» — ничего не понял он. Попятился. Подобрался. Разбежался. И снова прыгнул.

И тут же перед ним легли две ёлки. И Грумбумбес с разгону — в иголки. Взвыл от боли. Ошалел. На три метра отлетел.

Протёр глаза, а добычи уже не видно. Ни шагов, ни голосов не слышно.

«Это Каррыкарр колдует,— решил Клык-Клык Грумбумбес.— Загнать бы этих щенков в моё сонное царство Спиешпей. Я бы их... Погоди, Каррыкарр. Я тебя перехитрю».

Опасливо озираясь, Клык-Клык Грумбумбес медленно затрусил по собачьим следам. Никто больше не трогал, не задевал разбойника. Он побежал быстрее. Потом заскакал на своих двенадцати ногах так, что в ушах засвистело, в глазах зарябило. И скоро услышал Фомкину воркотню, увидел огненный хвост Красного Лиса.

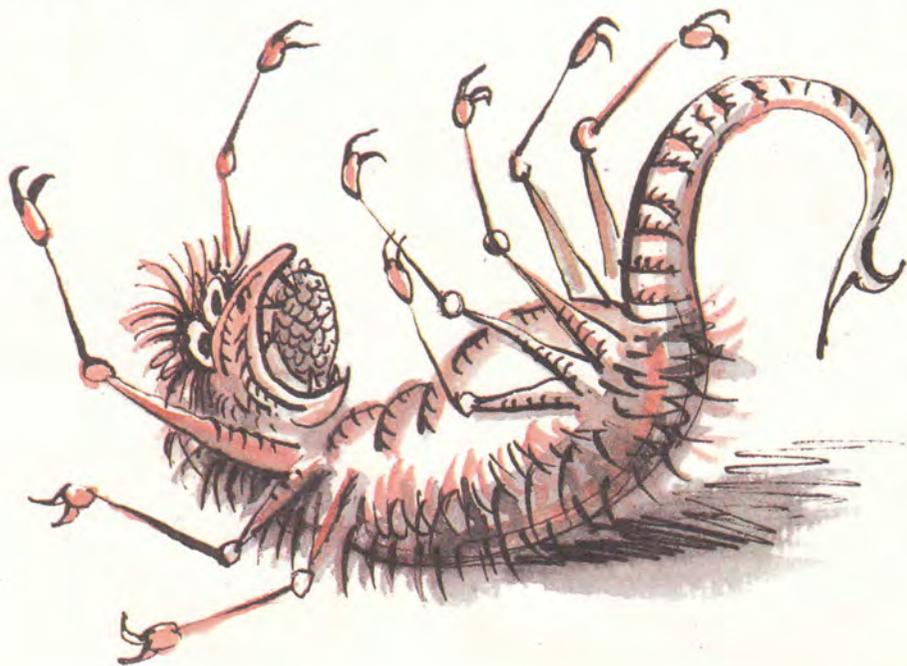
— Нагнал! — обрадованно прорычал Клык-Клык Грумбумбес.

Вдруг что-то больно тюкнуло его между глаз. Споткнулся он — и носом в сук. А по затылку снова — тюк. Злодей от злости ошалел. Разинул пасть и заревел:

— Кто там ещё? Я вас сейчас!..

Тут в его разинутую острозубую пасть большая кедровая шишка влетела.

Клык-Клык Грумбумбес крякнул, будто квакнул. Смолистая ребристая кедровая шишка скользнула ему в горло да и застряла там. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. И рта не закрыть.

Это Белка метнула шишку прямо в жадную пасть.
— Вот так и сиди с разинутым ртом,— сказала Белка,— пока малыши не убегут в другой лес.

— Ха... А-а... Гы... Мы...— неслись непонятные звуки из пасти Клык-Клыка Грумбумбеса.

Тут ему в крючковатый хвост Муравьишка впился. В нос Оса ужалила.

Подпрыгнул Клык-Клык Грумбумбес. И на дерево полез. Лезет, дерево качает. Что есть мочи завывает:

— О-о-о-у-у! У-у-о-о!

А на него со всех сторон вдруг налетели сто ворон. И ну долбить, и ну щипать. И в хвост, и в нос, и в бок клевать.

Сорвался Клык-Клык Грумбумбес с дерева. Лежит на спине, двенадцатью лапами взбрыкивает. И всхлипывает, и вскрикивает.

А Каррыкарр сидел на пне и каркал:

— Так его, рразбойника! Прроучить наррушителя!

Тут Грумбумбес так заголосил, что шишку проглотил.

— Н-ну, теперь!.. Н-ну, я ж т-тебя! — зарычал он и кинулся на Каррыкарра.

Да вдруг прямо перед собой увидел угрожающе нацеленные лосиные рога.

Метнулся Клык-Клык Грумбумбес влево, а там барсуки оскалились.

Бросился вправо, а тут кабаньи зубы сверкают.

Кинулся назад.

А вслед ему со всех сторон:

— Вон!!!

ТРИ ПЛЮС ДВА

— Стоп! — скомандовал Красный Лис. И все с разбегу — носом вниз!

Лежали и молчали, тяжело дышали.

Первым, как всегда, заговорил Ромка:

— Фух! Ловко мы провели Клык-Клыка Грумбумбеса.

— Жаль, удалось ему укрыться. Не пришлось нам с ним сразиться! — пророкотал Артос.

— Чего уж там сразиться! И так в глазах двоится,— проворчал Фомка, сияясь свернуть восьмёркой хвост.

Вскочил Ромка. И громко-громко:

— Спасибо, Красный Лис, за выручку!

— Пустяки,— отмахнулся тот пышным огненным хвос-

том.— Сила в нас невелика. Чтоб отбиться от врага. Что нам надо? Вместе быть!

— Нас тогда не победить! — воскликнул Ромка.

— Правильно,— Красный Лис взмахнул огненным хвостом.— Так держать! И вскоре вы будете на Самотлоре.

— А я не знаю до сих пор, что такое Самотлор,— высказался Фомка, сделав хвост вопросительным знаком.

— Это круглое озеро,— пояснил Красный Лис.— Под ним глубоко-глубоко в земле есть огромная каменная пещера, наполненная нефтью. Люди в потолке пещеры дыры сверлят. В них трубы вставляют. По тем трубам нефть из-под земли куда надо — туда и потечёт.

— Зачем она людям? — спросил Артос.

— Кто их знает? — почесал за ухом Красный Лис.

Тут Ромка вспомнил, что слышал о нефти от Степана Ивановича, и закричал:

— Я знаю! Я слышал! Без нефти автомобили не ходят. Самолёты и ракеты не летят.

— Да ну! — удивился даже Красный Лис.

— Пойдём и ты с нами.— Ромка положил голову на красную спину.

— Будем неразлучными,— Артос притопнул лапой.

— Всегда рады,— буркнул Фомка приветливо и помахал длинным гибким хвостом.

— Нельзя,— ответил Красный Лис.— Кто же со стариком Каррыкарром будет охранять в лесу порядок? В эту пору в каждом гнезде, в каждом дупле — малыши. Их надо охранять. Клык-Клык Грумбумбес только и ждёт, кого бы сцапать.

— Как же ты его не боишься?— восторженно спросил Фомка.

Красный Лис гордо выпятил широкую сильную грудь. Вскинул красивую лобастую голову. Распушил, распустил по ветру огненно-красный хвостище и пропел:

Я — Красный Лис,
Я — из огня,
Пылаю, как костёр.
Глаз — очень зорок у меня,
Слух — очень тонок у меня,
И коготь мой — остёр.
Я — Красный Лис.
Я — из огня.
Я — всюду на виду.
Попал в беду — зови меня,
Обидели — покличь меня,
И я к тебе приду.

— Согласен другом быть твоим и за тобой — в огонь и в дым! — откликнулся сразу Артос, протягивая Красному Лису тощую лапу.

— И я такому другу рад. И я люблю тебя, как брат, — растроганно пробормотал Фомка, обвивая своим длинным хвостом огненный хвостище Красного Лиса.

— Недавно мы друзьями стали, но крепость дружбы испытали. Теперь готовы за тобой идти на Грумбумбеса в бой! — воскликнул Ромка, обнимая Красного Лиса.

Послышался странный тревожный шум: бум-бум-бум. Будто железо с железом сбивали. Будто чугунные цепи качали.

— А-а, — улыбнулся Красный Лис, — Каррыкарр летит.

Да, это скрипели старые чёрные крылья Каррыкарра. Звенели его длинные смоляные перья.

Древний Ворон присел на траву под самым Ромкиным носом. Вид у Каррыкарра был недовольный.

Это сразу все заметили, и Фомка, сделав хвост вопро- сительным знаком, спросил:

— Что свершилось-приключилось? Иль опять беда случилась?

Подпрыгнул Каррыкарр, замахал крыльями, и такой шум поднялся, будто десять дюжих кузнецов разом грохнули о наковальни тяжёлыми стальными кувалдами.

С громким хрустом разомкнулся огромный крючковатый клюв.

— Карр! Я ррад, что прроучил рразбойника добррый храбрый Кррасный Лис!

— По совету и с помощью мудрого Каррыкарра, — почтительно сказал Красный Лис.

— Теперь мы с Красным Лисом — друзья навек! — выпалил Ромка.

— Мы цену дружбы знаем. Не подведём, — воркотнул Фомка.

— Мы за друга без оглядки — в бой любой, в любые схватки! — гаркнул Артос.

— Я очень рад друзьям таким, — сказал Красный Лис, крепко пожимая лапы Фомке, Ромке и Артосу.

— Я тоже ррад. Я очень ррад. И ррасцелую всех под- рряд, — необычно растроганно и мягко прокаркал Каррыкарр. Легонько ткнулся клювом сперва в нос Ромке, потом в нос Фомке, потом в нос Артосу. — Хочу и я быть вашим другом.

— Ур-р-ра! Ур-р-ра! — грянули разом псы. — Теперь нас три плюс два!

И начали было свою любимую пляску — рок-кувырок, да Каррыкарр вдруг нахмурился. Ключнул сердито мох под ногами. И медленно, жёстким скрипучим голосом заговорил:

— Порра рраставаться. Клык-Клык Гррумбумбес обид не пррощает, добычи не брросает. Уходите-ка быстррей. Ррядом рречка. Борр за ней...

— Смотрите, поплывёте через реку — к острову не приставайте. Там заколдованное царство Спиешпей. Туда попал — пропал, — вставил Красный Лис.

— Трри рреки перреплывёте. Трри рравнины перрейдёте. В торрфяном рржавом болоте Чёрный Самотлорр найдёте.

— А в беду попадёте, — подхватил Красный Лис, — шепните о том любому деревцу, травинке любой. От стебелька к стебельку, от листка к листку, от ветки к ветке дойдёт ваше слово до нас, и мы примчимся на выручку. Только острова бойтесь...

— Почему? — нетерпеливо перебил Артос.

— Там владения коварного Клык-Клыка Грумбумбеса. На своём острове, в своём царстве Спиешпей он всемогущ и непобедим. Из его заколдованного царства ни одна весть до берега не доходит. Там много пропало наших братьев.

Хотел было Ромка поподробней расспросить Красного Лиса и Каррыкарра об этом таинственном и страшном острове и о непонятном царстве Спиешпей, да Красный Лис вдруг встрепенулся, напряжённо вслушиваясь, оглядываясь по сторонам.

И Каррыкарр засверкал огромными чёрными глазами.

Ромка пал на землю, прижался к ней, вытянулся в струну и замер, приняв себя, прислушиваясь, приглядываясь.

— Слышу! Чьи-то когти землю скребут, — сказал Ромка.

— Это значит — Клык-Клык Грумбумбес скачет, — пояснил Красный Лис. — В добрый путь, малыши. Счастья вам — от души. Наш совет не забывайте. О себе напоминайте.

— Догонит нас Клык-Клык Грумбумбес. У него же целых двенадцать ног, — сокрушённо выговорил Фомка.

— Мы его здесь подождём и как надо припугнём, — успокоил Красный Лис.

— Пррипугнём! — подхватил Каррыкарр. — Пррощайте. Взмахнул Каррыкарр чёрными, будто железными, крыльями и улетел.

И Красный Лис стал прощаться.

Сперва с Ромкой.

Потом с Фомкой.

Потом с Артосом.

Каждого похлопал по бокам огненным пышным хвостичесем.

Каждого в нос лизнул.

Каждому лапу пожал.

И на прощанье сказал:

— Запомню ваши я слова. Теперь нас стало три плюс два.

ДЛИННОХВОСТЫЕ ХВОСТАТИКИ

Вот и добрались друзья до реки.

Она была широкая-преширокая. Глубокая-преглубокая.

И очень быстрая.

Ромка распушил усы:

— Сейчас бы ломтик колбасы.

Почесал Артос макушку:

— Хоть бы хлебушка горбушку.

Фомка сделал хвост кольцом:

— Лучше б кашки с молоком.

— Хватит ныть. Переплывём — поедим и отдохнём, — решительно заявил Ромка, как будто и не сам первым начал разговор о колбасе.

— Пока туда переберёшься — четыре раза захлебнёшься, — не унимался Фомка.

Но Ромка не ответил ворчуну. Подошел Ромка к береговой кромке. Понюхал мутную воду. Подул на неё. Даже лизнул. Подумал: «Вода как вода. И мокрая. И студёная. И не сладкая. Не солёная».

Сунул в воду лапу — не достал до дна.

Сунул другую — тоже не дотянулся.

Шагнул с берега в реку и сразу окунулся с головой. Вынырнул, крикнул:

— Тут глубоко! Прыгайте сразу, и поплыли!

Прыгнули Артос с Фомкой. Поравнялись с Ромкой. И поплыли к другому, далёкому, еле видимому берегу.

Их сразу подхватило сильное течение. Чем ближе к середине реки, тем оно становилось стремительней и неодолимей.

Отчаянно забарабанил по воде лапами Артос. Забулькал, забултыхался, пуская пузыри, Фомка.

— Спокойней! — подал голос Ромка. — Так мы выдохнемся, и река нас проглотит. Пусть течение тащит, а мы станем хвостами рулить, к тому берегу править. Смотрите, как это делается.

Опустил хвост в воду. Повернул им направо. И течение потащило Ромку влево. Повернул хвост влево, и тут же течение поволокло его вправо.

— Поняли? Это меня Степан Иванович научил, когда мы на Туру купаться ходили.

— Ах, как хитро! Ах, как ловко! Впрямь везде нужна сноровка!— ликовал Фомка.

— Да с таким хвостом, как твой, можно управлять баржой,— подтрунивал над другом Артос.

— А что? Я могу. Я... Ай! Сюда! Спасите! Помогите! Тону!

И в самом деле: из воды видны были только Фомкины ноздри, из которых вылетали водяные пузыри да брызги.

Подхватили друзья Фомку с двух сторон. А он и их за собой под воду потянул.

— Да это...— еле выговорил Ромка и нырнул.

Забурлила вода. Запузырилась. Закипела. Пошли по ней круги. Покатались волны. И вынырнул Ромка со Шукой в зубах. А во рту у Шуки кончик Фомкиного хвоста торчит.

Шука извивается, плюётся и ругается:

— Отпусти меня, нахал! Я же думала, что угорь. А это собачий хвост. Тьфу!

Ромка выпустил Шуку. Но та долго ещё плыла рядом и возмущённо кричала:

— Распустили хвосты. На три версты. Длиннохвостые хвостатики! Усатики и волосатики! За хвосты бы вас связать. К дну речному привязать. Наперёд чтоб знали. Хвостов не выпускали...

И ещё что-то выкрикивала.

Ругалась и грозила.

Но друзья её не слушали. Не до Шуки им было.

Хоть и удавалось им рулить хвостами к противоположному берегу и тот медленно, но всё-таки приближался, однако течение сносило их вниз.

Ромка, Фомка и Артос гребли из последних сил. А течение тащило и тащило псов в сторону.

Вот их донесло до крутого поворота русла.

Вынесло за поворот.

А там...

СПИЕШЬПЕЙ

Сразу за поворотом показался махонький островок, густо, словно щетиной, поросший какой-то странной растительностью. С виду она походила на обыкновенные деревья, только уж очень низенькие и, на удивление, разлапистые.

А листья на тех деревцах не зелёные, а синие, белые, чёрные и даже красные.

И что уж вовсе поразило друзей... Так это то, что на деревцах-карликах росли... Думаете, яблоки и груши? Нет. И не ягоды. И не орехи. А сосиски да сардельки. Пряники да конфеты. Пирожки. Пельмени. Булочки. И даже мороженое — пломбир и эскимо — болталось на ветках.

— Вот это да! — ахнул Артос. — Как в сказке. Срывай и ешь.

— Хочу мороженого, — захныкал Фомка. — Могу я раз в жизни досыта поесть мороженого?

— А мне бы пару пирожков, — бормотнул, облизываясь, голодный Ромка.

— Подплывём. Передохнём. Перекусим что-нибудь. И дальше в путь, — предложил Артос.

— А если это как раз тот самый остров? И то царство Спиешьпей, где владевает Клык-Клык Грумбумбес? Тогда как? — забеспокоился Ромка.

— Чепуха, — промямлил Фомка. — Волшебники, призраки, Кашей — это бабкины сказки. Мы давно уже не щенки, чтоб верить сказкам.

— Да и было бы тут такое царство, — поддержал друга Артос, — оно бы наверняка охранялось.

— Факт! — обрадованно подхватил Фомка. — А тут — никого. Не видно. Не слышно. По-моему, на всём острове — ни души. Честное слово! Иначе бы там давно всё слопали.

— Нет! Нет! И нет! — решительно и неколебимо заявил Ромка. — Чую я, тут и есть то самое Спиешьпей. Помните, что о нём говорили Красный Лис и Каррыкарр.

— Пусть даже так, — сказал Артос. — И что же, станем вешать нос? Да чтобы мы втроём пропали? Откуда хочешь

не удрали? Чтоб мы обманутыми были? Чтоб нас троих перехитрили? Такого не бывало сроду.

— И не будет,— добавил Фомка.

— Это верно,— поддакнул Ромка.

— А если тут в самом деле сказочное царство, разве не интересно побывать в нём?— спросил Фомка.— Все тюменские собаки от зависти лопнут, когда мы им расскажем...

— Тоже верно,— опять поддакнул Ромка.

— Тогда решается всё просто! Тогда вперёд! На этот остров!— задорно крикнул Артос.

И вот они на острове.

Трава под ногами была мягкой-премягкой и белой-пребелой. Белей и мягче ваты. Белей и мягче лебяжьего пуха. Хотелось упасть на эту белую пушистую траву и не подыматься. Наверное, так бы и сделали друзья, если б не голод.

В крохотном озерке плавали небольшие голубые рыбки. Фомка лапой поддел одну и ахнул. Рыбка оказалась жареной. Суй в рот и жуй.

Рядом с озерком подымалась невысокая зелёная скала. Ткнулся в неё носом Ромка, а скала-то, оказывается, леденцовая. Вся как преогромная конфетина. И душистая, и сладкая. Лижи, гризи сколько хочешь.

У подножия леденцовой скалы крохотный красненький родничок журчал.

Понюхал Фомка и захмурился от удовольствия. В родничке была не крашенная водичка, а настоящий малиновый сироп.

А с веток отовсюду свисали сосиски варёные, окорока копчёные, пирожки слоёные.

Расселись друзья у подножия леденцовой скалы, у малинового родничка, и принялись завтракать.

Всего отведали.

Всего попробовали.

Так наелись-напились — ни повернуться, нидохнуть. Куда уж там плыть дальше!

И, сами того не желая и не приметив как, все трое повалились на пушистую белую траву и крепко-накрепко заснули.

СЛАДКИЙ ПЛЕН

Первым проснулся Ромка. Зевнул громко. Хотел потянуться, да не смог шевельнуться. Хотел подняться, да не смог от земли оторваться.

«Что за чепуховина? — подумал сонно Ромка. — Наверное, я ещё не проснулся».

Открыл глаза. Поглядел.

И обомлел.

Все трое были крепко связаны верёвками. А вокруг сгрудились какие-то странные неведомые существа.

Один был вроде бы чуть-чуть похож на зайца. Уши длинные, глаза косят, а губа раздвоенная. Но ни лап, ни хвоста не видно. Серый круглый шар, к которому прилеплена похожая на заячью голова.

Другой острой мордочкой напоминал белку. Но вместо гибкого беличьего тельца — всё тот же серый шар.

У самой Ромкиной головы заворочался такой же шар с длинным журавлиным клювом...

«Это сон», — решил Ромка, закрывая глаза.

Но тут его тихонько окликнул Артос.

И Фомка, оказывается, не спал. Таращился на диковинные шарообразные существа.

— Кто нас связал?! — грозно вскричал Ромка. — Зачем? За что?!

Из-за леденцовой скалы выкатился огромный пушистый полосатый шар. К нему не было приставлено никакой головы. Он сам походил на голову. На нём были два жёлтеньких смотрящих пупырышка. Под ними — две дырочки и крохотный разрез. Между дырочками и разрезом торчали две длинные не то соломины, не то проволочки.

Странные колобки на поляне зашевелились, закачались. Послышался сдавленный шипящий шёпот:

— Соня Первый Котофеич пожаловал.

— Сам Соня Первый.

— Сам Котофеич.

Соня Первый Котофеич фыркнул негромко. Шевельнул усами-соломинками. И пропищал тоненько и тихо, будто махонький комарик:

— Эй, Ежи-стражники! Развязать!

И сразу как из-под земли вынырнули колючие серые клубки. Это и были Ежи-стражники.

Мигом развязали они верёвки. Ромка, Фомка и Артос поднялись. Растерянно озираясь, потоптались на месте, разминая перетянутые верёвками лапы. Уселись рядышком, не спуская глаз с Сони Первого Котофеича.

Тот снова пошевелил усами-соломинками и по-комариному тонко и тихо запищал:

— Слушайте, что говорю. Дважды я не повторю.

— Слушайте... Слушайте... Слушайте...— угодливо зашептали вокруг.

— Вы в царстве все сильного владыки, колдуна и чародея Клык-Клыка Грумбумбеса. Царство зовётся Спиешпей. Разделите это слово на три части — и всё станет понятным само собой. Спи. Ешь. Пей. Вот это вы и можете здесь делать. Сколько угодно. Когда угодно. И как угодно. Спите. Ешьте. Пейте.

— Не так уж это и страшно,— проворчал взъерошенный Артос.

— И не так плохо,— добавил Фомка.

— А чего в вашем царстве нельзя делать?— спросил Ромка.

— Громко разговаривать,— назидательно, даже угрожающе, запищал Соня Первый Котофеич.— Играть. Петь. Бегать. И вообще что-нибудь делать. Только спи. Только ешь. Только пей. Вот всё, что можно в этом царстве.

— Теперь я понимаю, отчего здесь все такие,— пробормотал Фомка.

— От безделья и обжорства стали они колобками, — сердито рокотнул Артос, и в глазах у него загорелись воинственные огоньки.

— И вы такими станете, вояки, — насмешливо пропищал Соня Первый Котофеич.

— А если мы не хотим? — вызывающе громко спросил Ромка.

— Тогда будет так, — пискнул Соня Первый.

И тут же Ежи-стражники со всех сторон тесно обступили Ромку. Приставили к нему пики. Попробуй шевельнись.

Только сигнала ждали Ежи-стражники, чтоб разом вонзить в Ромку остро отточенные пики и проколоть его насквозь.

— Не шевелись, — предупредил друга Артос, — иначе твоя шкурка станет дырявей решета.

— Совершенно так. Друг твой не дурак, — лениво промямлил Соня Первый Котофеич. — Хочешь жить? Есть и пить? Будь как все. А не то...

— Превратим в решето! — дружно и яростно, хотя и негромко выдохнули Ежи-стражники, ещё плотнее прижав к Ромке кончики острых пик.

— Отъедайтесь. Отсыпайтесь. В колобочки превращайтесь. Или выбьем потроха. Всё понятно? Ха-ха-ха...

Заколыхался от смеха Соня Первый Котофеич.

И все шарики вокруг задвигались, зашевелились. Поплыл над полянкой многоголосый сдержанный шипящий хохоток.

«Всё равно удерём», — подумал Артос.

Словно угадав его мысль, Соня Первый Котофеич пропищал:

— Не удрал никто от нас. И не удерёт. И не думайте об этом. Мигом изловим, поколотим и...

— В Кактусовую тюрьму! — хором рявкнули Ежи-стражники. — Там погибнете от голода и жажды. Поняли?

— Угу, — свирепо гукнул Артос.

— Ясненько, — проворчал Фомка.

— Понятно, — подтвердил Ромка.

БУНТ

Напрасно искали друзья уголок, где громкое слово сказать кто-то мог.

Чуть голос повысил — замри и дрожи. Сейчас же появляться злые ежи.

Однажды Артос тихо песню запел. И стражников взвод на него налетел.

Вмиг искололи беднягу ежи. Так, что остался Артос еле жив.

Скоро друзьям так опостылело, так опротивело распроклятое царство Спиешьпей, что ни есть, ни пить, ни спать они уже не хотели и не могли.

«Хоть бы был тут кто неспящий», — мечтал Ромка, уныло бродя среди карликовых деревьев, увешанных колбасами, сосисками, булочками и прочей снедью да лакомствами.

И всё-таки однажды им встретилась настоящая живая Берёзка. Она росла в самом глухом уголке острова и была тонкая, невысокая и очень грустная.

— Как ты сюда попала? — спросил Ромка, лизнув белый ствол Берёзки.

— Прежде этот остров звали Берёзовым. Здесь росли пятьдесят две мои сестрёнки. А сколько было зайцев! И птиц разных. И бабочек. И кузнечиков. Тогда Соня Первый Котофеич был обыкновенным котом. Здоровенным и рыжим. Сюда его на бревне половодье выкинуло. Тут за ним рысь погналась. Котофеич спрятался от неё на моей верхушке.

— За это он и не тронул тебя? — догадался Ромка.

— Да. Когда Клык-Клык Грумбумбес заколдовал остров в Спиешьпей и Кот стал царём, он сгубил всех моих сестрёнок, а меня пощадил. И зря. Я умираю тут от тоски и всё время плачу.

— Что это за дурацкое царство! — гневно воскликнул Артос, воинственно скаля клыки.

— Тише-тише, — предостерегающе зашептала Берёзка. — Видишь?

Оглянулся Артос и увидел в кустах остроконечные пики Ежей-стражников.

— Непонятно, зачем Клык-Клыку Грумбумбесу этот глупый Спиешьпей? — проворчал Фомка, свёртывая хвост вопросительным знаком.

Вздыхнула Берёзка. Смахнула слёзки. И горестно зашептала:

— Злой волшебник Клык-Клык Грумбумбес — враг всего живого. Он бы давно всех зверей и птиц поел, все леса истребил, да его колдовская сила дальше этого острова не действует.

— Вот и хорошо, — обрадовался Ромка.

— Но Клык-Клык Грумбумбес не зря зовётся злым волшебником. Исхитрился он и вот что придумал... — Берёзка понизила голос и еле слышно зашептала: — Сейчас на острове девятьсот девяносто три дармоеда и засони. Когда их ста-

нет ровно тысяча — остров треснет. Из трещины подымется Сонное Дерево. Дунет ветер и сонную пыльцу с дерева понесёт в лес. И сразу всё живое там навсегда уснёт. А сонная пыльца поплывёт дальше. И звери, птицы, деревья, цветы станут засыпать, каменеть. В омертвелых лесах даже муравьишки ни одного не будет...

— Ну уж... Это уж... Совсем уж... Никак уж допустить нельзя! — возмутился Ромка.

— Никак! — рыкнул Артос.

— Нельзя! — подхватил Фомка.

— Вам не справиться с Клык-Клыком Грумбумбесом. Только человек это в силах сделать, — сказала Берёзка. — И то не всякий. А лишь добрый, весёлый и честный...

— Есть такой! — подпрыгнул Ромка. — Степан Иванович.

— Где же он? — воспрянула Берёзка.

— Мы к нему идём. Мы его найдём. Грумбумбесов Спишьпей с корнем изведём!

— Союю Первого — пинком. Прямо в речку кувырком! — воскликнул Артос.

— Стражников Ежей потом — тоже в речку колобком, — буркнул Фомка.

— Ну, Клык-Клык Грумбумбес! Ото всех твоих чудес пыль останется да дым. Станет остров вновь живым! — крикнул Ромка.

Положив лапы на плечи друг дружке, псы, приплясывая, заголосили:

Мы — весёлые собаки
И совсем не забияки.
Между нами ссор и драки
Не бывает никогда.

Со всех сторон, нацелив острые пики, бежали к ним Ежи-стражники.

— Скорей ко мне! — крикнула Берёзка, склонив к земле толстую ветку.

Ромка, Фомка и Артос вцепились в ветку, и Берёзка тут же подняла её высоко-высоко.

Ежи-стражники никак не могли дотянуться пиками до нарушителей спокойствия. А те, болтая лапами, орали на весь остров:

Делим на троих добычу,
Лишь на праздник друга кличем,
А в беде — таков обычай —
Друг приходит сам всегда...

Отовсюду к Берёзке катились жёлтые, серые, чёрные ко-
лобки. Пищали на разные голоса:

— Бунт...

— Мятеж...

— Восстание...

Прикатился разгневанный Соня Первый Котофеич. За-
пищал, заверещал, подпрыгивая:

— Эй, гадюки! Взять! Связать!

Три огромные гадюки подползли к Берёзке.

Мигом вскарабкались по белому стволу.

Кинулись разом на друзей. Опутали их, оплели своими
гибкими, скользкими телами. И сбросили на землю.

Рычал, кусался Артос. Ворчал, царапался Фомка. Ромка
отбивался зубами и когтями.

Всё напрасно.

Псам не удалось даже вмятинки оставить на чешуйчатых
панцирях гадюк.

— В Кактусовую тюрьму бунтовщиков! — пропищал Со-
ня Первый Котофеич. — Одумаются. Попросят прощения —
может, и смилуюсь. Может, и выпущу. А заупрямятся — пусть
пропадают. Ха-ха-ха!

КАКТУСОВАЯ ТЮРЬМА

Это был крохотный пятачок. Со всех сторон непроходимо
густо обсажен он высоченными кактусами.

Шипы у кактусов длинные-предлинные, острые-преост-
рые.

Острей булавок.

Острей иголок.

Острей ножа.

Шипастые кактусы караулили каждое движение пленни-
ков.

Чуть кто шевельнётся — в бок острый шип вопьётся.

Если кто вильнёт хвостом — сразу в нём колючек сто.

Лапой двинет невзначай — и занозу получай.

Вот какой была эта Кактусовая тюрьма, в которую бро-
сили Ромку, Фомку и Артоса.

Кругом шипы.

Шипы.

Шипы.

И высоко-высоко недосягаемый кругляшок голубого
неба.

Никакой еды.

Ни капельки воды.

Ромка хвост опустил. Голову повесил. Приумолк. Загрустил. Стал совсем невесел.

Артос дугой согнулся. Носом в землю ткнулся. Не говорит. Не лает. Тяжело вздыхает.

Фомка бубликом свернулся. От друзей он отвернулся. Уши вниз. Глаза закрыл. И сквозь зубы заскулил.

Так они сидели долго.

Очень долго. Слишком долго.

Первым опомнился Ромка.

Поднял хвост трубой. Выгнул шею дугой. Бороду распушил. Усами шевельнул.

— Что, друзья, приуныли? Наше правило забыли? Всюду и везде. При любой беде. Нос и хвост не опускать. Выход из беды искать.

Распрямил спину Артос. Засверкали его глаза. Взбугрились мышцы на груди.

— Ромка прав. Гав! Гав!

Размотал Фомка хвост. Свернул боевой восьмёркой.

— Не страшна и мне беда. Я за Ромкой — хоть куда!

— Теперь тихонько, дружно нашу любимую, — предложил Ромка и первым запел:

Мы — весёлые собаки

И совсем не забияки...

Песня взбодрила друзей. Стали думать они, как из тюрьмы вырваться.

— Надо попросить Берёзку, чтоб весточку о нас передала Каррыкарру и Красному Лису, — предложил Ромка.

— Попробуй докричись до неё, — проворчал Фомка.

— Докричусь. Я кое-что придумал.

Встал Артос. На Артоса Фомка запрыгнул. На Фомку Ромка вскочил. Высунул кончик носа из-за колючей кактусовой стены и увидел Берёзку.

— Как я рада вас видеть,— сказала Берёзка.— Если бы Клык-Клыку Грумбумбесу не надо было набрать в Спиешпей тысячу дармоедов, вас бы сразу убили. Чем я могу вам помочь?

— Передай о нас весточку на берег.

— Нельзя. Живые голоса поднимаются отсюда только в небо.

— Да-да. Нам говорил об этом Красный Лис.

И снова друзья приуныли. Не пели. Не говорили.

— Постой-ка,— встрепенулся Артос.— Помните, как Клык-Клык Грумбумбес хотел подобраться к пороссятам?

— Верно,— подхватил Ромка.— Мы тоже ночью сделаем подкоп...

Целую ночь, сменяя друг друга, рыли они подкоп под ключую кактусовую стену.

Рыли тихо. Молча. На этом сонном острове каждый шорох, каждый вздох гремел как выстрел. К тому же подле Кактусовой тюрьмы днём и ночью сидели Ежи-стражники, приюхивались, прислушивались к тому, что делается за ключими стенами.

К рассвету подкоп был готов. Оставалось пробить тонкую земляную корочку и вылезти на волю далеко от тюрьмы.

Ромка осторожно высунул чёрный бархатный нос из-под земли и обмер. Кругом стояли Ежи-стражники. Насмешливо скалились. Пиками в Ромку целились.

Пришлось спешно зарывать подкоп.

Прошло три дня.

От голода и жажды стала кружиться голова. Перед глазами мельтешили разноцветные блики.

— Эй!— кричали им Ежи-стражники.— Покоритесь! Смиритесь! Попросите прощенья!

— Нет!— кричал Ромка в ответ.

— Нет,— хрипел Артос.

— Н-нет,— отвечал Фомка.

ПОБЕГ

Пленники обессилели. Исхудали. Шерсть на них свалась и свисала грязными сосульками. Дрожащие, слабые ноги еле держали их. Псы неподвижно лежали — нос к носу.

Стоило им сказать только одно слово «винюсь» — и тут же бы их выпустили из Кактусовой тюрьмы. А там — спи, ешь, пей. Сколько угодно.

Всего одно словечко надо вымолвить. Но они его не говорили.

Трижды сам Соня Первый Котофеич приходил. Обещал простить, забыть, только бы повинились друзья.

— Нет,— отвечали те.

А время шло. За часом час. Вот день ещё один угас. Сгустилась мгла. Настала ночь. Другьям и говорить невмочь.

Лежат, прижавши к носу нос. Чуть слышно прошептал Артос:

— Погибнем мы здесь.

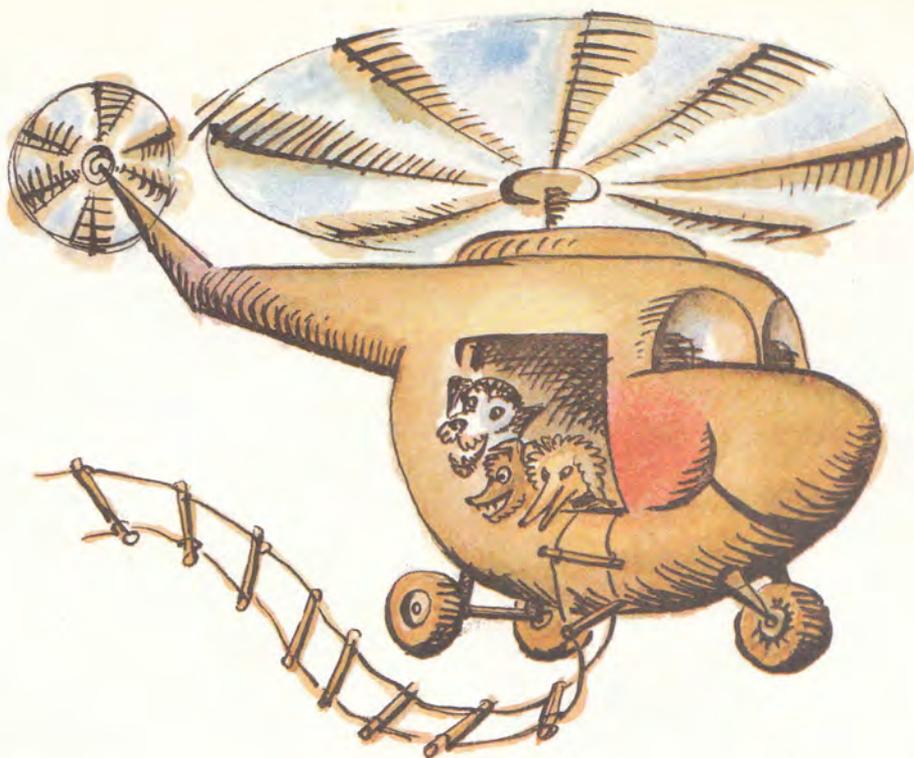
Горестно вздохнул Фомка. И снова прошептал Ромка:

— Всюду и везде. При любой беде. Нос и хвост не опускать. Выход из беды искать.

— Искать,— бормотнул Фомка.

— Искать,— выдохнул Артос.

А утром рано-рано, когда из-за тумана чуть солнышко взглянуло на остров первый раз. В тот самый сонный час. Вдруг что-то затрещало. Как гром-загрохотало.

Вскочили друзья. И увидели над Кактусовой тюрьмой маленький краснобокий Вертолётик.

— Скорей!— крикнул Ромка.— Помните, как нас учил Самосвал? Давайте дружно. Ну!

Из последних сил они закричали:

— Властелин любой дороги! Ты один пройдёшь везде. Я — твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде!

Вертолётик качнул красным боком и полетел дальше.

Тогда подставил Артос спину Фомке. А на Фомку вспрыгнул Ромка. Высунув голову из-за колючей ограды, Ромка закричал:

— Властелин любой дороги! Ты один пройдёшь везде! Я — твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде!!

Снова качнулся Вертолётик. Развернулся и круто стал снижаться над Кактусовой тюрьмой.

На сонном острове поднялся такой большой переполох. Сам Соня Первый испугался. И от испуга вдруг оглох.

А стражники Ежи схватились за ножи. Выставили пики. Изошли в крике:

— Караул! Скорей сюда! Приключилась беда!!

Гадюки ошалели. От злобы посинели. И тоже зашипели:

— Ш-ш-шюда! Ш-ш-шюда! Ш-ш-шюда! Ш-ш-шлушила-ся беда!

И все ползли, бежали, катились к Кактусовой тюрьме.

Но Вертолётик подлетел к тюрьме быстрее всех. Из него выпала длинная верёвочная лестница. Сквозь треск и шум друзья услышали:

— Цепляйтесь скорей!

Дверь Кактусовой тюрьмы распахнулась.

Показалась Гадюка с раззявленной пастью.

Следом протиснулся Ёж-стражник.

Изловчился Фомка и сунул свой хвост Гадюке в раскрытую пасть.

А Ромка швырнул в глаза Ежу-стражнику горсть земли.

Поперхнулась Гадюка. Крутанулась Гадюка.

Сбила с ног ослеплённого Ежа-стражника.

Тот пал под ноги другому Ежу.

На другого повалился третий.

Такую кучу малу устроили, не поймёшь, где чья голова, где чьи ноги.

Тем временем Ромка, Фомка и Артос схватились зубами за лесенку.

Вертолётик стрелой взмыл в голубое небо. Подтянул лесенку с друзьями к распахнутой дверке. И те в неё попрыгали.

Дверка захлопнулась.

Краснобокий Вертолётик поднимался всё выше.

Вслед ему несло:

— Лови!

— Держи!

— Хватай!

ЕЩЕ ОДИН ДРУГ

Всё выше поднимался Вертолётик. Всё дальше увозил он друзей.

От страшного острова.

От царства Спиешьпей.

От Гадюк и Ежей-стражников.

От Сони Первого Котофеича.

От проклятой Кактусовой тюрьмы.

Ромка, Фомка и Артос обессиленно лежали на какой-то подстилке, медленно приходя в себя.

— Э-эй! — слышался рокочущий бодрый голос Вертолётника. — Живы вы там?

— Живы, — вяло откликнулся Ромка, с трудом поднимаясь на ноги.

— Еле-еле, — проворчал Фомка.

— Вполне, — громче других отозвался Артос.

— Откройте-ка дверку с круглой ручкой. Там в коробке найдётся кое-что...

В картонной коробке нашёлся круг колбасы, большой кусок сыра, яйца и три бутылки свежего холодного молока.

С хрустом и сладким причмоком изголодавшиеся друзья уплетали всё подряд, запивая молоком.

— Вот теперь мы снова ко всему готовы, — проговорил сыто Ромка, стряхивая крошки с усов и бороды.

— После закуски такой поспать бы часок-другой, — сонно пробормотал Фомка.

— Прилетим, поспим потом. Глянем, что там за окном, — предложил Артос, прижимая к оконцу нос.

А за окном под Вертолётником щетинилась Зелёная Тайга.

Огромный дремучий лес.

В котором до самых небес. Сосны растут и кедры-великаны. Ели — в колючих и мрачных кафтанах.

Там бродят медведи. Там рыскают рыси. И белки — как птицы: не страшны им выси. Там лоси рогатые трубно ревут. Лиса, и куница, и соболь живут.

Глазастые вещие совы гнездятся. Сороки, дрозды и кедровки роятся. Глухарь-великан и сиротка Кукушка. Там рядом живут, не мешая друг дружке.

В глухих буераках там спеет малина. Краснеет калина. Краснеет рябина. Блестит голубика литыми боками. Брусника и клюква лежат под ногами.

Рыжие рыжики водятся там. Царь Белый Гриб растёт по буграм. Млеют в траве молодые маслята. Грузди белеют. Желтеют опята...

Залюбовались друзья тайгой и, наверное, долго бы не отошли от оконца, если б Ромка не воскликнул вдруг:

— Ой! Что же это мы? Поели. Попили. А спасибо сказать забыли? — И громко-громко: — Спасибо за обед, Вертолётник!

— И за то, что мимо не пролетел, спасибо! — добавил Артос.

— И за то, что лестницу спустил, спасибо! — договорил Фомка.

— Ну что вы, право, — засмутился Вертолётник. — Под-

виг, что ли, я совершил? Жаль, не довезу вас до Самотлора. Горючее кончается, а мне ещё воротиться надо.

— Куда ж ты летел?— изумился Артос, тараща и без того большие выпуклые глаза.

— Прискакал к нам на Вертолётную Красный Лис. А с ним...

— Каррыкарр,— угадал Ромка.

— Примчались. Рассказали, что ваши следы потеряли. И уговорили слетать поискать. Не иначе, говорят, попали они в Спиешпей, потому как от них никаких вестей. Вот я и полетел. А чтоб с пути не сбиться, прихватил проводников...

Тут дверца пилотской кабины распахнулась, и оттуда выскочил Красный Лис.

А за ним выпрыгнул Каррыкарр.

Ну, тут началось такое веселье, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Обнимались.

Целовались.

Кувыркались.

— Потише, пожалуйста,— взмолился Вертолётник,— не то я свалюсь.

Не успели Ромка, Фомка и Артос рассказать о царстве Спиешпей, как Вертолётник подал сигнал и стал снижаться. Пришла пора прощаться.

— Так скоро?— подсадовал Ромка.

— Только и прощаемся,— пробурчал Фомка.

— Раз пора — значит, надо,— отчеканил Артос.

— Учтите только,— сказал на прощание Красный Лис.— Вчера из нашего лесу исчез Клык-Клык Грумбумбес.

— Прравда,— подхватил Каррыкарр.— Карраульная Соррока видела, как он перреплывал реку. Берегитесь рразбойника!

— Сорока проболталась ему, что вы отправились на Самотлор. Клык-Клык знает, где вас искать. Будьте осторожны.

— Сперва прямо,— наставлял друзей Каррыкарр.—
До широкой твердой дорроги. Та приведет к Самотлорру.
Прощайте...

— Прощайте. Прощайте!— Красный Лис замахал огненным хвостом.

— До встречи,— рокотнул Вертолётник.

В ЛОВУШКЕ

Клык-Клык Грумбумбес развалился в густой мягкой траве, поджав двенадцать когтистых лап.

Подставил тощую мохнатую спину горячим солнечным лучам. Оскалил пятьсот острых зубов. Довольно сощурился и еле внятно замурлыкал про себя:

Пускай ворчит дремучий лес,
Пусть молнии летят с небес,
Всегда спокоен Грумбумбес.
Да. Клык-Клык Грумбумбес.
Пусть всё вокруг полно чудес,
Пусть сам бы чёрт сюда прилез,
Всегда спокоен Грумбумбес.
Да. Клык-Клык Грумбумбес.
Зря Каррыкарр из кожи лез
И Красный Лис хитрил как бес.
Всегда спокоен Грумбумбес.
Да. Клык-Клык Грумбумбес...

Вдруг он оборвал песню. Зашевелил двенадцать когтистыми лапами. Приподнялся. И замер, вслушиваясь.

Довольная алчная улыбка покривила похожую на зубастый клюв морду.

— Голубчики. Хе-хе-хе!.. Топотят. Ха-ха-ха!.. Прямо в мою пасть. Хо-хо-хо!.. Сперва я съем усатого. Потом слотну хвостатого. И третьего затем я преспокойно съем...

Из лесу всё явственней доносилась веселая песенка трех друзей.

Клык-Клык Грумбумбес словно окаменел. Он не спускал глаз с тропы, на которой должны были появиться Ромка, Фомка и Артос.

«Чего они там застряли?» От нетерпения длинные когтистые лапы сами собой стали приплясывать, шерсть на взгорбленной спине встопоршилась, с оскаленных клыков закапала слюна. Клык-Клык Грумбумбес еле сдерживал себя, чтоб не кинуться в лес навстречу беззаботно расппевающим друзьям.

Невдомёк ему было, что пели-то только Фомка и Артос, а

Ромка в это время неслышно крался по траве вдоль тропы, раздув чёрные бархатные ноздри, распахнув во всю ширь глаза.

Ещё издали учуял Ромка затаившегося врага. Неслышно подполз пёс к опушке. Всё, что надо, разглядел и так же бесшумно скрылся в лесу.

Слушая Ромкин рассказ, Артос и Фомка запели ещё громче. Во всю мочь. На весь лес.

Так и пошло у них. Один говорил, а двое слушали и пели, да так, чтоб Клык-Клык Грумбумбес не обеспокоился да на поиски не кинулся.

— Не миновать нам схватки с этим двенадцатипалым,— сказал сердито и решительно Ромка.

Артос кивнул.

Фомка задрал хвост восклицательным знаком.

— Только в открытом бою его не одолеть,— добавил Ромка.

Фомка и Артос, не прерывая песни, согласно наклонили головы.

— Я придумал, как его осилить. Выкопаем глубокую яму. Прикроем сверху веточками. И заманим в эту ловушку Клык-Клыка Грумбумбеса.

Выговорился Ромка и запел.

А Фомка заворчал недовольно:

— Прыткий ты, Ромка, больно. Мы когти напрочь оборвём, а такую яму не выроем.

— А если и выроем, как из неё вылезем?— поддержал Фомку и Артос.

— Верно, друзья. Не подумал я.

Растерянные хмурые псы разом оборвали песню.

И тут же всполошился Клык-Клык Грумбумбес.

Вскочил и вприпрыжку ринулся в лес.

Вдруг остановился.

Назад воротился.

На прежнем месте развалился.

— Никуда не денутся, субчики. Слева — непроходимое болото. Справа — непролазные колючие кусты. Позади — озеро. Один путь — по этой тропке. А на тропке — я! Ха-ха-ха!

Да. Это была страшная правда.

Выйти к дороге, ведущей на Самотлор, можно было только по тропе, на которой лежал коварный и злой Клык-Клык Грумбумбес.

Когда друзья поняли это, совсем расстроились.

— Вот так да, опять беда,— проворчал Фомка.

— Вряд ли выйдем мы одни из проклятой западни, — сердито и нехотя признался Артос.

— Рано хныкать и сдаваться. Если надо — будем драться! — браво выкрикнул Ромка.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

Темнело.

Таёжные буераки и прогалины залила мрачная угрюмая чернота.

С озера потянуло затхлой горьковатой сыростью.

Всё прохладней, неуютней и страшней становилось в тайге.

Где-то близко в пугающей черноте протяжно и жутко ухнул и захохотал Филин — ночная вещая птица.

Тревожно гукнула Выпь.

Верховой ветер взворошил верхушки деревьев, и те испуганно прошумели.

Ромка, Фомка и Артос, тесно прижавшись друг к другу, чутко вслушивались в непонятные, незнакомые, несхожие голоса засыпающей тайги.

Так и не придумали друзья, как им вырваться из ловушки, в которую их загнал беспощадный и злой Клык-Клык Грумбумбес.

— Слышите? — встрепенулся вдруг Ромка, топорща уши-лопушки.

— Чего ещё там? — проворчал Фомка, нехотя свертывая длинный хвост вопросительным знаком.

— Да! Гудит! — Артос вскочил. — Это же машина. И совсем близко.

— Вперёд! — скомандовал Ромка, и они гуськом двинулись туда, откуда доносился рокот мотора.

Эта странная машина походила на журавля. Широкие гусеничные лапы. Короткое туловище. Длинная гибкая шея с огромным клювом на конце.

Железный Журавль стоял на берегу озера. У самой воды. То и дело он окунал раззявленный зубастый клюв в воду и что-то старательно и долго нашаривал там. Вытащив из воды пук мокрой тины, Журавль выплёвывал её себе под ноги и снова окунал нос в воду.

— Чего она ищет в озере? — недоумённо выговорил Артос.

— Наверное, пьёт, — подсказал Фомка.

Ромка не стал гадать. Подошёл поближе к Железному Журавлю. Почтительно поклонился. Спросил:

— Скажите, пожалуйста, кто вы и что здесь делаете?

Не повернув головы, Железный Журавль проорчал полным ртом:

— Занят я! Занят я!

И продолжал своё дело.

Тогда Ромка выговорил вещие слова:

— Властелин любой дороги, ты один пройдёшь везде. Я — твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде.

Тут Железный Журавль повернулся к Ромке и тихо сказал:

— Я — Экскаватор. Рою канавы. Котлованы. Ямы. А здесь дно чищу...

— Нам опять повезло. Грумбумбесу назло, — обрадованно пробормотал Фомка, сворачивая хвост в замысловатые фигуры.

— Кто знает, куда и зачем идёт, тому всегда и во всём повезёт, — степенно, с достоинством проговорил Артос.

— Послушайте, железный друг. Хоть вам и очень недосуг. Но вы нас не гоните. В беде нам помогите, — обратился Ромка к Экскаватору.

— Я не прочь. Но чем помочь? — миролюбиво откликнулся тот.

Ромка рассказал о Клык-Клыке Грумбумбесе, о ловушке, которую тот подстроил, и попросил Экскаватор вырыть яму-западню для двенадцатиногого страшила и злодея.

— Я согласен. Так и быть. Где вам надо яму рыть? — спросил Экскаватор.

Оказывается, Ромка уже облюбовал и местечко. На крохотной полянке, через которую змеилась та самая единственная тропка от озера и дороге.

— Ну-с, в сторонку отойдите. Посидите. Поглядите. Покажу своё проворство, силу, ловкость и упорство.

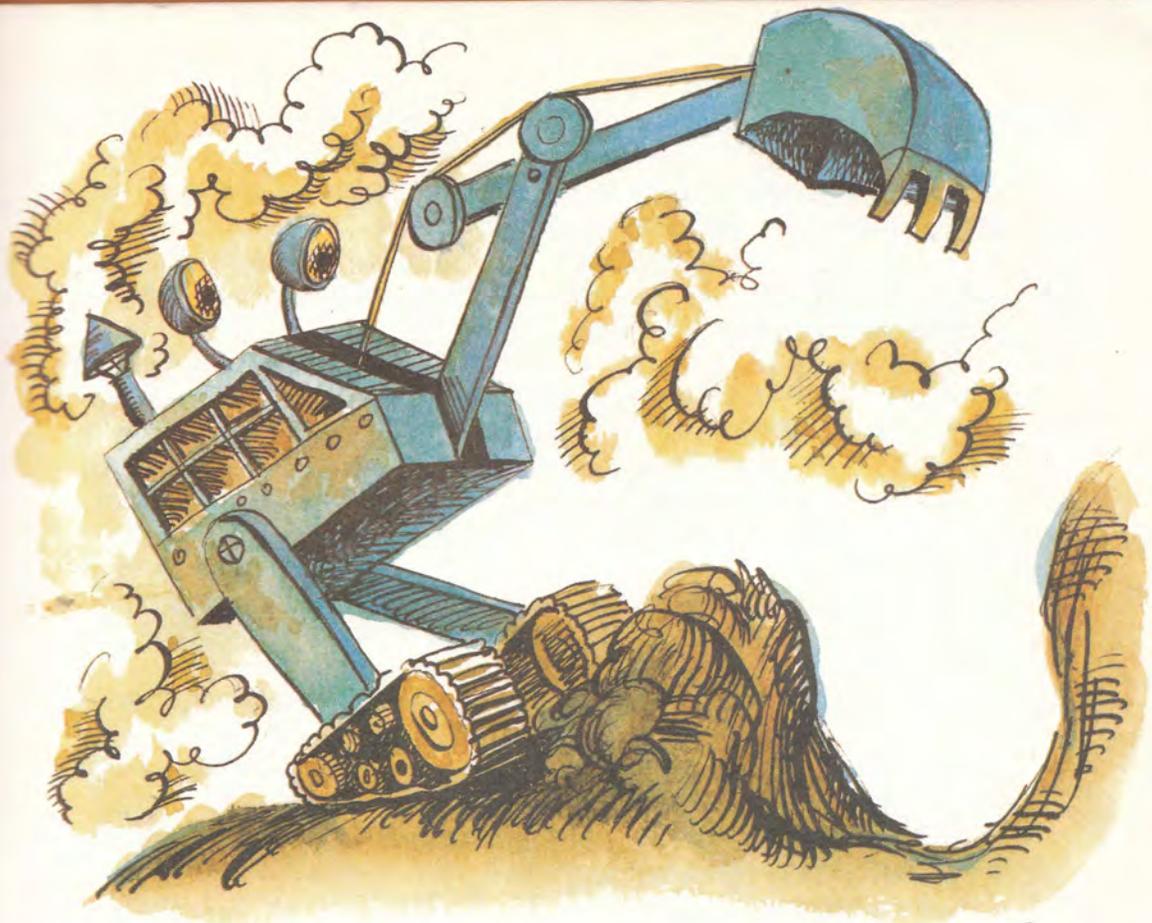
Сказав это, Экскаватор с размаху клюнул землю и сразу выкусил в ней глубокую ямку.

Ещё раз клюнул в то же место — ямка стала шире и глубже. И снова с размаху железный зубастый клюв вонзился в землю.

Звенел металл.

Скрипели тросы.

Урчал мотор.

Но вот в этом шуме стали отчётливо различимы слова.
Прислушались друзья.
Вот что, работая, негромко выговаривал Экскаватор:

Без меня не в силах люди
Строить дом. Растить сады.
Без меня у них не будет
Ни тепла и ни воды.
Заменить меня не смогут
Даже сто рабочих рук.
Если строится дорога,
Экскаватор тут как тут.
Я усталости не знаю,
Я всегда готов помочь.
И копаю.
И копаю.
День и ночь.
День и ночь...

— Ну вот, яма готова,— выдохнул Экскаватор, обрывая песенку.— Делайте что надо. Я пошёл. Меня работа ждёт.

И, раскачиваясь, Экскаватор заковылял на гусеничных лапах к озеру и скоро пропал в темноте.

РАСПЛАТА

Голод поднял Клык-Клыка Грумбумбеса чуть свет.
Над тайгой занимался ранний рассвет.

— Ох, как я проголодался. Ох, обеда я заждался,— про-
скрежетал Клык-Клык Грумбумбес, клацая длинными остры-
ми зубами, сверкая клыками.

Вскочил на двенадцать когтистых лап. Вздрыбил длинную
шерсть на спине. Вытянул шею. Раздул ноздри. Долго с шу-
мом втягивал ими воздух.

— Где-то рядышком, голубчики. Со сна тёпленькие.
Мягонькие. Вкусненькие. Сейчас подзакусим. Хо-хо! Уса-
тый — на закуску. Хвостатый — вприкуску. А лупоглазого —
глотая сразу я!

Встопорщил он уши, прищурился и стал слушать.

Тихо в рассветной тайге. Птицы и те не проснулись.
Листья не встрепенулись. Травы не разогнулись.

«Сейчас я всех подыму»,— решил Клык-Клык Грумбум-
бес.

Выгнул он лохматую спину. Задрал в небо клыкастую
морду. Да как рявкнет.

До того жутко, до того злобно, что вся колючая дремучая
громадина тайга пугливо дрогнула.

Зябко полегли травы.

Свернули лепестки цветы.

Забились глубже в дупла бельчата.

Съёжились в гнёздах птенцы.

Ещё пуще, ещё страшней прежнего заголосил Клык-Клык
Грумбумбес.

«Теперь-то, голубчики, проснулись»,— злорадно подумал
он, и вдруг...

На весь перепуганный лес зазвенела бравая, весёлая,
лихая песенка друзей:

Мы — весёлые собаки
И совсем не забияки.
Между нами ссор и драки
Не бывает никогда!..
Делим на троих добычу,
Лишь на праздник друга кличем,
А в беде — таков обычай —
Друг приходит сам всегда!

— Вот как!— вознегодовал Клык-Клык Грумбумбес.—
Эти желторотые наглецы позволяют себе... Да они, никак,
идут сюда? Хорошо!

Тут из кустов высунулась Ромкина голова.

— Привет, Клык-Клык Грумбумбес. Пойдём, старик, с нами в лес. Подзакусим, отдохнём. Нашу песенку споём...

От удивленья Грумбумбес под ель мохнатую полез. Там зубы наострил, когти распустил да как рывкнет:

— Ко мне, негодник!

— Ну уж... Нет уж. Это уж шалишь! Догони, если можешь!

От ярости у Клык-Клыка Грумбумбеса на спине и на брюхе шерсть поднялась и зашевелилась, как трава на ветру. Он рывкнул:

— Дрожи, наглец! Настал твой конец!

А Ромка вышел из кустов и притворно дрожащим голосом:

— Ой, боюсь! Ой, дрожу! Ой, без памяти лежу! Пощади нас, Грумбумбес. Отпусти живыми в лес...

Присел Клык-Клык Грумбумбес да как прыгнет! Но Ромка успел отскочить. И Грумбумбес ударился носом, взвыл. А Ромка юркнул в лес. И по тропе... со всех ног... к озеру.

Только где же Ромке ускакать от двенадцатилапного злодея? И минуты не прошло, как разъярённый Клык-Клык Грумбумбес нагнал пса.

Раскрыл Клык-Клык Грумбумбес огромную пасть, наострил все пятьсот зубов, нацелил длинные кривые клыки, выпустил когти, прыгнул и... провалился в глубокую яму.

Зарычал. Закричал.

Хвостом о землю застучал.

Головою забился о земляные стены.

Скрёб их когтями. Кусал...

Наконец, обессилев, поутих и увидел наверху, на краю ямы, Ромку, Фомку и Артоса.

— Откуда эта яма! Почему вдруг яма на тропе?!— снова взъярился, заорал Клык-Клык Грумбумбес.— Я вас!..

И опять запрыгал бешено, завертелся, завопил.

Хвостом и лапами по стенам замолотил.

А сам заклинания бормотал.

Но здесь его колдовство было бессильно. Только на сонном острове, в царстве Спиешпей, он мог колдовать и волшебничать.

Понял своё бессилие Клык-Клык Грумбумбес и умолк.

Съёжился. Сморщился.

Лапы подогнул.

Голову опустил.

Клыки и когти спрятал.

— Вот теперь сиди, покуда не уйдём мы все отсюда,— сказал Ромка присмирившему Клык-Клыку Грумбумбесу. Обнялись друзья и зашагали по тропе, напевая свою любимую песенку...

БЕТОНКА

Эта дорога была выложена из огромных серых железобетонных плит и потому называлась Бетонкой.

Под ней пузырились, пищали, хлюпали гиблые, топкие болота.

Бетонка пересекала непроходимые таёжные чащи.

Переползала крутые увалы.

По мостовым опорам, как на ходулях, переходила глубокие реки.

По Бетонке днём и ночью.

Друг за другом.

В обе стороны.

Шли и шли машины.

Голубые, зелёные, жёлтые, красные автобусы.

Грузовики с прицепами и грузовики без прицепов.

Похожие на жирафов краны.

Рычащие, как львы, тягачи.

Чего только не везли на себе грузовые автомашины!

Большущие чёрные трубы.

Станки и механизмы.

Огромные-преогромные, похожие на аэростаты, баки.

Ящики и мешки.

Вот из-за поворота выкатилась длинная серая машина, похожая на слона. Только без хвоста. И вместо ног у неё были гусеницы. Они скрежетали, грохотали, гремели и звенели так оглушительно, что Ромка попятился, Фомка поджал хвост, Артос зарычал.

А похожая на слона машина на гусеницах подкатила и остановилась.

— Фу-у-ух!— жарко выдохнула она.— Привет, четвероногие! Кто вы? Откуда? И куда? Уж не случилась ли беда?

— Я — Ромка Ромазан. Это мои друзья — Фомка и Артос. Идём из Тюмени на Самотлор. А кто вы?

— Вездеход,— густым рокочущим басом выговорил гусеничный слон.— Самая сильная из всех машин. Ни болота, ни реки, ни чащи мне не страшны. Везде пройду. Продерусь. Попроберусь. Проплыву. Поняли?

— По-о-оняли!— хором ответили друзья.— Куда вы торопитесь?

— Как и все. На Самотлор.

— Зачем туда бежит так много машин?— и Фомка сделал из хвоста вопросительный знак.

— А как же,— рокотнул ответно Вездеход,— Самотлор каждый год даёт людям много нефти...

— Очень занятно, хоть и непонятно,— пробормотал Фомка, свивая хвост в кольцо.

— Это сколько — «много»?— почтительно осведомился Артос.

— Целая река. Чёрная. Горючая. Да ещё гремучая... И течёт река по трубам. Много-много тысяч вёрст.

— А вытекает из-под земли,— сказал Ромка, вспомнив рассказ Красного Лиса.

— Точно,— молвил Вездеход.— Вы — догадливый народ. Есть там вышки буровые. Высоченные, стальные...

— Чтобы сверлить дырки в подземных каменных пещерах, полных нефти?— снова не утерпел Ромка.— Нам это Красный Лис рассказывал. Знаете его?

— Здесь каждый Красного Лиса знает. И любит его. И почитает...

— Скажите, мы скоро дойдём до Самотлора?— спросил Артос.

— Ну, садись ко мне на спину. Или полезай в кабину,— скомандовал Вездеход.— Вон река. За речкой — бор. А за бором — Самотлор. Через час доставлю вас.

— Лучше на спину,— решил Ромка.— Оттуда видней.

— Тогда полезайте на спину скорей.

Сперва Ромка. За Ромкой — Фомка. А за Фомкой — Артос. Запрыгнули на подножку Вездехода. Оттуда — на капот. С капота — на кабину. С кабины — на спину.

— Готовы?— спросил Вездеход.

Пыхнул.

Ухнул.

Уркнул.

Фыркнул.

И покатил что было сил.

ВЕЛИКАНША

Гудела серая Бетонка. Звенели гусеницы звонко. Разгорячённый Вездеход, ревя мотором, мчал вперёд.

— Что это? Смотрите!

Фомка от удивления подпрыгнул и повалился с Вездехода. Едва поспел Ромка ухватить приятеля за длинный хвост.

— Да смотрите же! Смотрите!— не унимался Фомка.

По зелёной по низине. По болотистой равнине. Широко и величаво. Выступала будто пава. Из железа вся литая Великанша Буровая.

Облаков она касалась шлемом ярко-золотым. И того гляди, казалось, сбросит Солнце с высоты.

На ногах её обуты стопудовые калоши.

Шаг шагнет — земля качнётся.

Из реки вода плеснётся.

Листья падают с берёз.

А пыхтит — как паровоз!

— Вот она какая — Великанша Буровая,— сказал Вездеход.— И не мешкая сейчас с ней я познакомлю вас.

Соскользнул Вездеход с Бетонки и покатил к Буровой.

А та не успела остановиться, как вокруг, словно из-под земли, вынырнули и встали рядком вагончики.

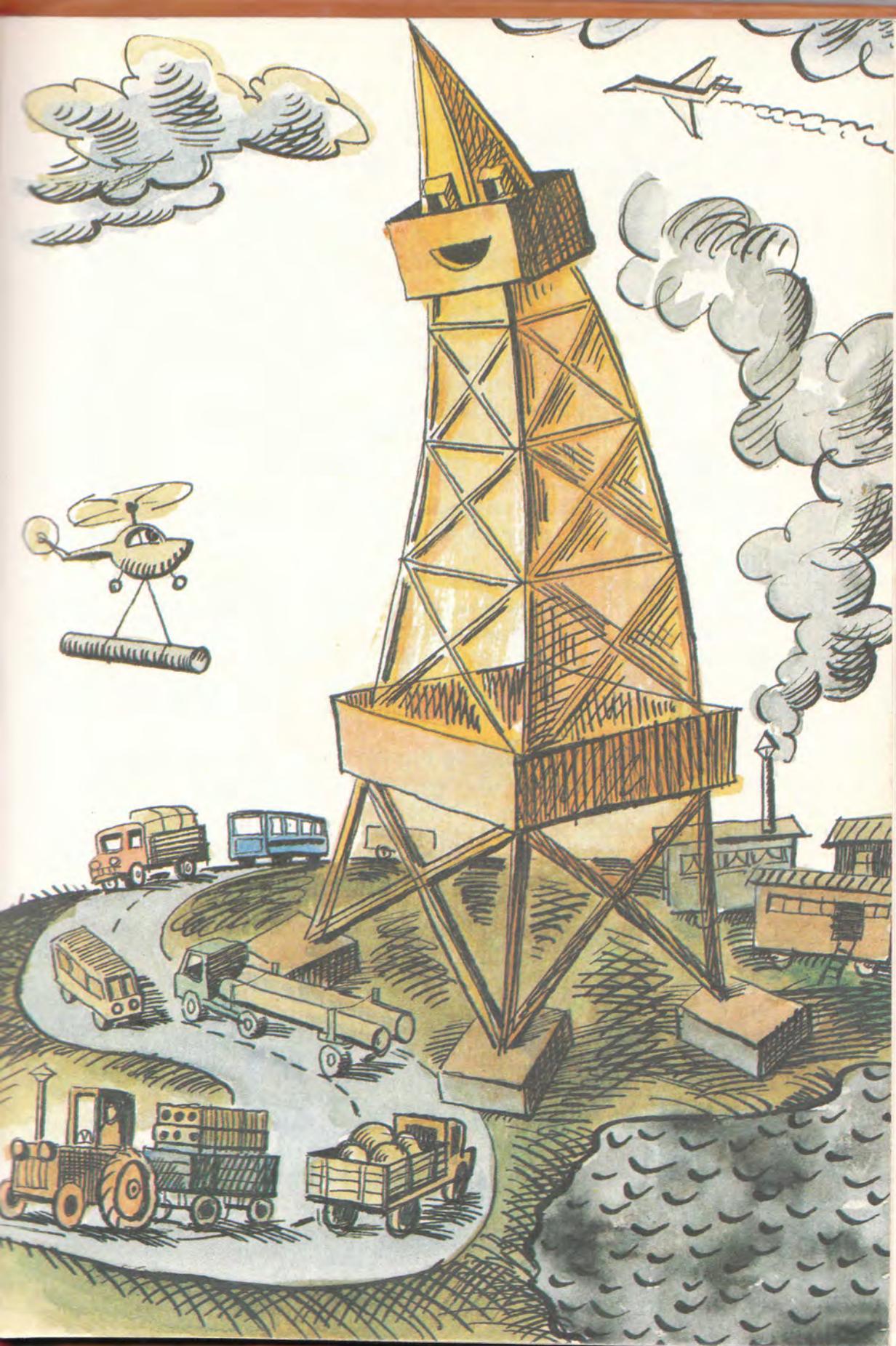
Закурился синий дымок над котельной.

Зашипел по-змеиному, вырываясь из труб, белый пар.

Гулко и ровно загудели зеленобокие электромоторы.

Буровая так вздохнула, что с неба облако сорвалось и пало на землю дымным мокрым лоскутом. А Ромку, Фомку

и Артоса сдуло со спины Вездехода, и они кувырком скатились к шипастым ногам Великанши.

— Эт-то что за мелюзга?!— громыхнула сердито Великанша Буровая.

— Властелин любой дороги, ты один пройдёшь везде. Я — твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде, — хоть и робко, но чётко выговорил Ромка.

— Ну, коли братья,— миролюбиво загрохотала Буровая,— подымайтесь-ка наверх. Вон по той лесенке.

Ох, какой крутой и высокой оказалась лесенка. Одолев её, приятели очутились на козырьке шлема, надетого на самую макушку Великанши Буровой.

Стоять на крохотном козырьке было и жутко, и неловко, зато уж видно оттуда на много вёрст вокруг.

— Ой!— воскликнул Фомка.— Отсюда я могу хвостом до солнышка дотянуться.

— А я на облако запрыгнуть,— проговорил Артос.

— А я, если захочу, прыгну вниз и полечу,— сказал Ромка.

— Не галдите. Вокруг поглядите. Это и есть Самотлор!— прогремела Великанша Буровая.

А вокруг... насколько хватало глаз... величаво и гордо возвышались такие же великанши буровые.

Меж ними сновали вездеходы, самосвалы, тракторы, экскаваторы и ещё какие-то неизвестные машины на гусеницах и на колёсах.

Гигантскими удавами во все концы ползли и ползли трубы — тонкие и толстые, чёрные и белые, гнутые и прямые.

Огромными стрекозами роились в небе большие и маленькие вертолёты: голубые, красные, серебристые.

Белыми молниями прочерчивали небо самолёты: «Яки», «Аны», «Антей», «Илы» и «Ту».

Всюду полыхали огромные жаркие факелы. До самого неба вздымались их огненные языки, похожие на пушистый хвост Красного Лиса.

От гула, грохота и рёва тысячи тысяч моторов дрожала земля, покачивалось синее небо.

— И всё это... И это всё... Делаете вы... Сами?— отчего-то заробев, спросил Ромка.

— Что значит «сами»?— не поняла Великанша Буровая.

— Ну, сами машины,— пояснил Артос.

— Мы сделаны рабочими руками. Они и управляют всюду нами. Без рабочих добрых рук станет мёртвым всё вокруг,— назидательно прогремела Великанша Буровая.

— А вы мастера... Степана Ивановича не знаете?— спросил Ромка и замер.

— Кто ж его не знает. Поглядите-ка вниз. Он там...

— Где?— хором вскричали друзья.

— Да вон же. Глядите!

Сперва они поискали Степана Ивановича в кабинах автомобилей. Потом в кабинах тракторов, бульдозеров, экскаваторов, трубоукладчиков.

Потом поискали у электросварщиков подле строящегося нефтепровода.

После у буровиков, на площадке Великанши Буровой. Тут Ромка и увидел Степана Ивановича.

— Ур-р-ра!— крикнул Ромка и кубарем подкатился к его ногам.

— Ур-ра!— подхватили Артос и Фомка и полетели следом.

Выслушав длинный-предлинный рассказ друзей об их приключениях, Степан Иванович сказал:

— На тот сонный остров, где царство Спиешпей, мы завтра повезём буровую. Поселятся там буровики. Задымит котельная. Запыхтят электромоторы. И от всей нечисти во главе с Соней Первым Котофеичем не останется никакого следа. А вот Каррыкарру и Красному Лису надо немедленно передать весточку о том, что вы добрались до Самотлора и теперь мы вместе...

**7162 письма
РОМКЕ РОМАЗАНУ**

Я очень люблю собак. Когда я вырасту, я обязательно буду ветеринаром. Ромка, когда у тебя день рождения? Знаешь, Ромка, мне очень не понравился этот Витя, который всегда заставлял тебя выполнять команды. Ромка Ромазан, что случилось с островом Спиешьлей?

**Зиненко Таня, 12 лет,
г. Тобольск**

Ромка, мы узнали, что скоро выйдет новая книга о твоих новых путешествиях. Мы с нетерпением ждем ее. Дело в том, что мы тоже путешествуем по всей нашей огромной Родине, так как наши родители — газопроводчики. Мы уже побывали в различных уголках нашей страны, а теперь вот — в Сибири, на твоей родине. Этот край очень интересный, и мы очень рады, что попали сюда.

**Буренковы Надя и Оксана,
д. Абрамово
Тюменской области**

Я живу в городе Нижневартовске. У нас на Самотлоре, как ты уже знаешь, нефтяники каждый год добывают много нефти. Я не хвастаюсь перед тобой этим, а просто горжусь. Сколько у тебя, Фомки и Артоса было приключений! Кажется, вы только на этих приключениях и жили. Я про тебя и твоих друзей, Ромка, сочинила стихи:

Артос — задира! Да какой!
 С любым готов подраться.
 У Фомки вид совсем другой —
 Ворчливый да хвостастый.
 Зато характер лучше всех
 У Ромки Ромазана.
 Он — верный пёс, сильнее всех,
 Красив, умён, весёлый.
 Друзья все время вместе —
 Ведь всё-таки друзья.
 Таких друзей, как эти,
 Впервые вижу я.

**Макеева Ира, 11 лет,
 г. Нижневартовск**

Ромка, я очень люблю собак, и поэтому я иногда сочиняю про них стихи. И про вас сочинила:

Фомка, Ромка и Артос —
 Дружные собаки,
 Фомка, Ромка и Артос —
 Совсем не забияки.
 Драки между ними нету никогда,
 И в беде помогут другу,
 Да! Да! Да!

Дубовая Наташа, г. Надым

Мы — ребята из пионерского лагеря «Сияние Севера», из 7-го отряда «Улыбка». В отряде нас 42 человека. Ромка, Фомка и Артос, вы очень дружные, добрые, смелые ребята. Нам очень хочется узнать, что случилось с Красным Лисом и Каррыкарром? Жмём, Ромка, твою лапу. Передавай привет своим друзьям.

**Пионерский лагерь «Сияние Севера»,
г. Геленджик**

Шлём с Исети мы привет
Дорогому Ромке.
Шлём привет его друзьям:
Артосу и Фомке.
Здравствуй, Ромка, смелый пёс,
Умный пёс, толковый.
С нетерпением встречи ждём
В твоей книжке новой.
Что-то друг тебя подвёл,
Чернобурый Мишка,
Не торопится с тобой
Увидаться в книжке.
Очень Света ждёт тебя,
Санька, мама, папа...
На прощанье жмём твои
Все четыре лапы.

**Света Ксипалевская, 11 лет,
г. Каменск-Уральский**

РОМКА И МЕДВЕДЬ

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ МЕДВЕДЬ

На окошке дремлет пёс. Солнце лижет чёрный нос. Чёрный, бархатный, блестящий. Будто бы ненастоящий.

Пёс вздохнул спросонья громко. Да ведь это... это ж Ромка!

Отчего же он вздыхает? Не поёт? И не играет?

В самом деле, отчего?

За окном — лето...

Зелёные берёзы. Зелёная трава. Зелёные кузнечики скачут по дворам. Зелёные лягушки до утра кричат. Зелёные макушки из воды торчат.

Поют, летают птицы: скворцы, стрижи, синицы.

Поют, играют дети: Серёжи, Маши, Пети.

Им солнце улыбается с небесной высоты. В его лучах купаются и травы, и цветы.

Всем хорошо.

Всем весело.

И только Ромка грустит.

Потому что остался один.

У Фомки заболел зуб, его показали врачу и увезли на дачу.

Артос куда-то уехал с хозяином.

Степан Иванович целые дни на работе.

А Ромка...

Вот на лапы он привстал. Распушил бородку. На полскоч и зашагал твёрдую походкой.

Шагал-пошагивал, а сам приговаривал:

— Ну уж. Нет уж. Это уж совсем уж никуда не годится!

Надо что-то придумать.

И придумал...

Подошёл Ромка к стульчику, на котором Степан Иванович сидел, когда обувался.

Стульчик — низенький, с четырьмя ножками. Сиденье — зелёным плюшем обито.

Положил Ромка голову на зелёный мягкий плюш и тихо, просительно сказал:

— Стульчик, а стульчик. Давай поиграем. Ты будешь лошадкой...

Ничего не ответил стульчик и даже не пошевелился.

— Эх ты,— обиделся Ромка и пошёл в комнату.

Там на полу распласталась огромная медвежья шкура. Её подарил Степану Ивановичу его друг — старый охотник.

Обошёл Ромка шкуру, потрогал медвежьи когти, шевельнул медвежий хвост. И лёг напротив медвежьей головы. Нос к носу.

Лежал-лежал Ромка да и дунул Медведю в ноздри.

— Фу-ух!

Подождал чуток. И снова дунул, сильнее прежнего.

— Ф-фу-у-ухх!

Вдруг на макушке медвежьей головы шевельнулась шерсть.

И ухо как будто встопорщилось.

Ромка охнул. Ромка ахнул. Лапой по полу бабахнул. Будто мячик подскочил. Что есть сил заголосил:

— Ур-р-ра!

Легонько постукивая лапой по медвежьей голове, заговорил грустно и ласково:

— Мне скучно: я зачах совсем. И плохо сплю, и мало ем... Мне не с кем книжку почитать и не с кем поиграть...

Медвежья шкура не шевелилась.

Ромка подлез под неё. Приподнял с полу медвежью голову и снова:

— Мне не с кем просто посидеть. И не с кем поболтать. Ну, Миша! Мишка! Ну, медведь. Да перестань же спать!

И вдруг почувствовал: шкура вроде бы ожила и стала медленно отрываться от пола. Ромка изо всех сил помогал ей, приговаривая:

— Хватит спать тебе! Проснись, Мишка косолапый! Поторопее поднимись на четыре лапы...

И Медведь проснулся.

И Медведь поднялся.

Огромный бурый медведище.

Набрал он полную грудь воздуха да как рыкнет:

— Кто меня разбудил? Кто меня оживил?

— Я! — откликнулся Ромка и выскочил из-под Медведя.

— Кто таков?— спросил Медведь, оглядывая и обнюхивая Ромку.

— Ромка Ромазан.

— А я — Мишка,— довольно проорчал Медведь.— Спасибо, друг, за то, что вдруг я снова стал живым.

Мишка Ромку подхватил. Закачал, закружил. И при том ему на ухо потихоньку говорил:

— Я считал — храбрей медведей никого на свете нет. Полагал — умней медведей никого на свете нет. Оказалось — есть храбрее. Оказалось — есть умнее. И храбрее, и умнее — друг мой Ромка Ромазан.

Польщённый Ромка довольно сощурился и сказал:

— Ты такой большой, лохматый, у тебя четыре лапы. У меня четыре тоже. Значит, мы с тобой похожи. Значит, будем мы друзья. Куда ты — туда и я...

ДРУЗЬЯ РАЗВЛЕКАЮТСЯ

— Та-ак,— выдохнул Мишка, бережно опуская на пол Ромку.— Можно считать, мы познакомились и почти подружились. Теперь бы чего-нибудь перекусить.

— Это мы сейчас. Это мы живо,— откликнулся Ромка и помчался к холодильнику.

Встал на задние лапы, ухватился передними за ручку, давай её изо всех сил тянуть.

— Чего ты хочешь сделать с этим ящиком?— спросил Мишка.

— Надо дверку открыть. Там мясо, сыр и...

— Пусти-ка...

Мишка легонько отстранил Ромку. Положил лапы на дверцу. Качнул её, и... дверца отвалилась от холодильника.

— Да ведь это... это мёд...— Мишка взволновался. Опрокинул банку в рот. Сладко облизался.

Выпил он кувшин сметаны. Съел лимоны и бананы. Мясо, масло, колбасу.

Ромка ахнуть не успел — всё, что было, Мишка съел.

Потом он приставил к холодильнику дверцу. Обтёр и облизал нос. И весело спросил Ромку:

— Что будем делать дальше?

— Древний Ворон Каррыкарр так говорил: «Если сыт,— берись за дело. Дела нет — играй и пой».

— Ой, люблю играть! Ой, люблю развлекаться!

И Мишка, встав на передние лапы, прошёлся по комнате.

Мишка сперва двигался неуверенно, боясь что-нибудь задеть, зацепить. Потом разыгрался, разошёлся, разгулялся и...

Вмиг диван перевернул. На него закинул стул. В люстру запустил подушкой. В самовар ударил кружкой... Он на стол налетел — оторвал ножку. На ведро с разгону сел — и ведро в лепёшку...

Никогда в жизни так не играл и не веселился Ромка.

Мишка подкидывал его, как воздушный шарик. И на люстру. И на шкаф. А потом закутал в одеяло так, что Ромка еле-еле из него выбрался.

Наконец они устали. Задышаться оба стали.

Мишка на пол плюх мешком. Ромка — рядышком с дружкойм.

— Вот так рок-кувырок, — выговорил Ромка, немного отдышавшись. — Стол без ножки! Стул без спинки! Кресло — на две половинки. Люстра набок покосилась. Дверца шкафа отвалилась...

— Ты меня ещё не знаешь, оттого и унываешь. Вмиг починим. Всё наладим. Будет чисто и красиво. Ну! Взялись за дело. Живо!

ОПЯТЬ КЛЫК-КЛЫК ГРУМБУМБЕС

Мишка и впрямь оказался мастером на все руки.

Вот уже и люстра висит как надо. И всё, что было оторвано, отколото, отломано, всё встало на своё прежнее место. Чистотой сияет дом. Ни сориночки кругом.

Потом друзья помылись под душем. Высохли. Улеглись рядышком. И Мишка вдруг загрустил.

Заметил это Ромка и говорит:

— Не грусти. Давай вдвоём нашу песенку споём.

— Я же не знаю вашей песни, — расстроено пробормотал Мишка.

— Тогда я спою один. И совсем другую. Новую. Я её только-только придумал.

Вскочил Ромка и, притопывая, запел:

Как у Ромки Ромазана
Потайных есть два кармана.
Два кармана потайных —
Что же прячет Ромка в них?
Может, прячет пистолет?
Нет!

Может, деньги на обед?
Нет!
Может быть, в кино билет?
Нет!
Что же прячет Ромка в них,
В тех карманах потайных?
А ответ совсем простой:
Тот и тот карман — пустой!..

Очень понравилась песенка Мишке. Он долго жал Ромке лапу, довольно урча:

— Ах, какой ты молодец! Распеваешь, как скворец!

— Теперь, Мишка, твоя очередь петь. Ну-ка! Спой свою любимую песенку.

— Слушай, Ромка! Я пою ого как громко! Не могу я тихо петь. Потому что я медведь. Запою я — сразу вдруг всполошатся все вокруг! Люди, звери и цветы. Испугаешься и ты...

— Чепуха! — воскликнул Ромка. — Хоть львом зарычи. Хоть слоном затруби. Не испугаюсь! Я даже Клык-Клыка Грумбумбеса...

Мишка сразу вскочил. Лапой по полу хватил. Скребанул его когтями. Клацнул острыми клыками. Да как рывкнет потом, вздрогнул весь огромный дом:

— Ты видел врага жителей леса? Злого врага Клык-Клыка Грумбумбеса?!

— Д-да... — почему-то растерянно ответил Ромка и рассказал о том, что произошло с ним, Фомкой и Артосом по пути на Самотлор.

Мишка внимательно выслушал друга, а потом сказал:

— Клык-Клык Грумбумбес и его старший брат, злой и коварный Орангул, — мои давние, заклятые враги. Сколько птиц и зверей погубили они. Орангул хотел заколдовать и меня. Потом навёл на охотника. Я должен отомстить Орангулу! За себя! За лесных братьев!..

— Отомстим! — воинственно воскликнул Ромка и протянул Мишке лапу.

Мишка сграбастал Ромку. Прижал к груди. Но ничего не сказал. Да и зачем? Они без слов поняли друг друга, как настоящие друзья.

Первым негромко и мечтательно заговорил Мишка:

— Нам бы только выбраться отсюда и попасть в лес. До ночи ждать нельзя: скоро придёт твой Степан Иванович. А днём мне на улицу как показаться?

— Как? В самом деле, как? Вот задачка!

Ромка подёргал себя за ус. Почесал за ухом. И подумал: «Жаль, посоветоваться не с кем. Был бы рядом Каррыкарр или Красный Лис...»

Понуро молчал Ромка.

Грустно опустил голову Мишка.

А время бежало... «Тик-так, тик-так».

«Ну уж. Это уж совсем уж ни к чему... — раздумывал Ромка, поглядывая на Мишку. — Как же всё-таки отсюда выбраться?»

И Мишка о том же думал. И чем дольше думал, тем мрачней становился.

Ну, а если плохо кому-то, плохо и Ромке.

Если больно кому-то, больно и Ромке.

Если грустно кому-то, грустно и Ромке.

Такой уж он чувствительный...

Мишке стало так грустно, что он сел в угол, засунул лапу в рот — и давай сосать-причмокивать.

Ромка решительно кинулся к шкафу, достал булку. Протянул Мишке:

— Брось ты лапу. Не соси. Лучше вот перекуси!

Вынул Мишка лапу изо рта. Раздул ноздри. И тоска исчезла из его добрых круглых коричневых глаз.

— Это ты, Ромка, мудро придумал,— пробормотал он, беря булку.

ШИРЕ КРУГ!

Кто-то в дверь вдруг постучал.

Ромка глухо заворчал.

Приложил он к двери нос. Да как крикнет вдруг:

— Артос!

Из-за двери в ответ:

— Ромка, привет. Тут и я, и Фомка!

— Ой! — подпрыгнул Ромка.

— Мне зуб запломбировали,— донёсся негромкий голос Фомки.— А ты как?

— Я, друзья, заждался вас — это раз! — крикнул Ромка и подпрыгнул, как резиновый мячик.— Был от скуки жив едва — это два! — И он снова подпрыгнул, ещё выше.

Ромке не терпелось поскорее выложить друзьям главную новость, и он торопливо продолжал:

— Ну, а три — у нас теперь Миша есть — хороший зверь. Я вам его сейчас покажу...

А дверь-то заперта. Ключ у Степана Ивановича.

Как же впустить Артоса и Фомку?

Опять задачка. И опять — трудная.

Ромка в задумчивости тёр лапой чёрный, бархатный, блестящий нос. Шевелил рыжими усами. Притопывал лапами. Но... Придумать ничего не мог.

И Фомка с Артосом за дверью нетерпеливо с ноги на ногу переминались, но тоже ничего не придумали.

Двадцать две восьмёрки и девять вопросительных знаков сделал Фомка из своего длинного хвоста — не помогло.

Задира Артос запертую дверь и покусал, и когтями поскрёб, а та хоть бы шелохнулась.

Глянул Мишка на расстроенного Ромку — всё понял.

Мишка к двери боком встал. Правой лапой ручку взял. Повертел и так и сяк. Упёрся плечом в косяк. Поднажал что было сил. И конечно, отворил.

— Ой! — воскликнул Фомка.— Это же... Медведь! Ой! Жжуть!!

Но тут из-за Мишкиной спины выскочил Ромка:

— Урр! Брр! — только и мог сказать Артос.

— Ну, друзья, не надо! Тише! Это друг наш новый, Миша! Мы с ним тут весь день играли... Обнялись покрепче псы. Гордо подняли носы. И запели:

Мы — весёлые собаки
И совсем не забияки.
Между нами ссор и драки
Не бывает никогда.
Делим на троих добычу,
Лишь на праздник друга кличем,
А в беде — таков обычай —
Друг приходит сам всегда...

Мишка послушал-послушал песню и вдруг обиделся. И отвернулся от поющих друзей.

— Ах! — поморщился Фомка, сворачивая вопросительным знаком хвост. — Как же это мы? Ни за что обидели.

— М-м-да, — подхватил Артос. — Нас же теперь четверо. Значит...

— Значит, и песню надо новую, — решительно проговорил Ромка. — Я, кажется, придумал. Мишка! Становись, давай лапу! Ну! Вместе! Начали!

И они пошли хороводом все четверо, притопывая и подпевая Ромке:

Мы — весёлые собаки —
Будем с Мишкой век дружить.
Между нами ссор и драки
Никогда не может быть.
Ценим мы в друзьях отвагу.
Нас попробуй только тронь.
Друг без друга мы — ни шагу!
Друг за друга — хоть в огонь!
Мы — весёлые собаки,
Три собаки и медведь,
Мы совсем не забияки,
Не хотим ни ссор, ни драки,
Любим лишь играть да петь...

Они пропели новую песенку раз. Потом ещё раз. Потом ещё.

Очень довольные и счастливые, уселись в круг. И тут Мишка вымолвил со вздохом:

— Скоро вечер.

— Давно пора уходить, — подхватил Ромка. — Но как?

— Во дворе сейчас — никого, — решительно и смело заговорил Артос. — Малышня спит после обеда. Пионеры — на реке, в лесу, в лагере. Балкон выходит во двор...

— А как с балкона? — Фомка сделал хвост вопросительным знаком.

— С балкона по верёвке! — тут же придумал Ромка.

— Через калитку — в сад... — подал голос Фомка.

— Садам — до реки... — предложил Артос.

— А рекой — до леса, — договорил Мишка. — Здорово придумали!

Все четверо тотчас вскочили и во всю мочь свою завопили:

— Урр-рра!!!

ЧЁРНЫЙ КОТ

Вышли друзья на балкон. И впрямь никого вокруг. Не видно. И не слышно.

Под ними — камнем мощённый дворик. За двориком — сад. Там вишни и яблони. И много-много больших и маленьких птиц. А прямо за садом — голубая река.

Первым восторженно заговорил Фомка:

— Вон журчит, бежит река, в ней ныряют облака. За рекой темнеет бор. И какой вокруг простор!

Мишка зажмурился от удовольствия и, втянув ноздрями воздух, пробормотал:

— Пахнет мёдом и сосной. Как чудесно! Ой-ой-ой!

— Хватит, Миша, любоваться. Не пора ли в путь пускаться? — напомнил Ромка.

— Пора! — уркнул Мишка.

Стали они бельевую верёвку вчетверо скручивать, чтоб по ней Мишка мог с балкона спуститься.

Быстро свили-скрутили. Конец на землю спустили. Другой привязали к перилам.

— Полезай, Миша!

А сами во все стороны смотрят: нет ли кого во дворе или в саду. Ни-ко-го! Ти-ши-на!

Перелез Мишка через балконную решётку, повис на верёвке. А та сразу — тре-еск!! И — пополам.

Мишка лапой за перила. Ухватил что было силы. А перила гнутся. Вот-вот оторвутся.

Мишка лапой за карниз. Отвалился тот и — вниз.

Ромка, Фомка и Артос вцепились в Мишку. Кое-как помогли влезть обратно.

Тут на соседний балкон вышел проветриться препротивный Чёрный Кот.

Этот Кот чернее ночи и черней чернил. Даже сажи. Сажи даже. Он чернее был. И когда-то он однажды чуть друзей не погубил.

Помните, когда они летели на зонте?

Вот и теперь, увидев друзей, Чёрный Кот разинул рот:
— Мья-ау! Мья-ау! Все сюда!.. Мья-ау! Мья-ау! Ой, беда! Лезут в дом грабители! Я-я-я их — мрр!

АВАРИЙКА

Заслышав вопли Чёрного Кота, из окон стали выглядывать люди.

Раздались встревоженные голоса:

- Медведь в квартиру лезет!
- Разбойник медведем нарядился!
- С вертолёта спрыгнул!
- По крыше пробрался!
- Лови!
- Держи!
- Хватай!
- Ах!
- Ох!
- Ай!

С гудками. Свистом. Гроном. Шуршаньем шин. Несутся. Мчатся к дому пятьдесят машин.

Машины санитарные.

Машины пожарные.

Машины милицейские.

Мчатся сторожа с ружьями в руках.

Бах!

Бах!

Бах!

Дворники бегут, аж земля дрожит. Слышно там и тут:

— Стой!

— Лови!

— Держи!

Ромка лапой по усам:

— Вот уж это тарарам. Как же вывернуться нам?

Фомка выгнул хвост дугой:

— Мы пропали! Ой-ой-ой!

А Артос клыки наружу:

— Будем драться, если нужно!

— Бросайте меня. Бегите,— прошептал убито Мишка.

— Стоп! — воскликнул Ромка.— Видите: в саду Аварийка. Аварийная машина, значит. С подъёмником и люлькой. В ней садовники сидели. Сухие ветки срезали... Некогда объяснять. Ну-ка! Хором!

Ромка, Фомка и Артос закричали Аварийке:

— Властелин любой дороги! Ты один пройдёшь везде.

Я — твой друг четвероногий. Не покинь меня в беде!..

Аварийка с подъёмником вдруг шевельнулась. И, тихо гуднув, к ним повернулась. Тронулась с места и покатилась. И под балконом остановилась.

Послышался негромкий невнятный говорок:

— Что случилось? Чем помочь?

— Удирать нам надо прочь,— проворчал Фомка.

А Ромка попросил:

— Пожалуйста, подними свою люльку до самого балкона. Мы сядем в неё. И ты побыстрее и подальше увези нас отсюда.

Мигом поднялась к балкону люлька. Мишка мешком плюхнулся в неё. Следом попрыгали Ромка, Фомка и Артос.

Чёрный Кот зацепился одной лапой за балкон и, так повиснув, вопил на всю улицу:

— Мья-ау! Мья-ау! Убега-ау! Улетау! Мья-ау! Мья-ау!!.

ПОГОНЯ

Вот это была погоня так погоня! Такую ни в кино, ни по телевизору не увидишь. По радио не услышишь. Не придумаешь. Не опишешь.

Серединой улицы, непрерывно гудя, мчалась Аварийка. Высоко поднятая люлька с друзьями качалась, кренилась, кружилась, того гляди, оторвётся и рухнет на землю.

Мишка вцепился в перильца люльки. Ромка, Фомка и Артос вцепились в густую и длинную Мишкину шерсть.

Сзади.

Слева.

Справа.

Катит погоня лавиной.

Машина летит за машиной.

На них:

дворники — мётлы на изготовку,

сторожа — ружья на взводе,

пожарники — брандспойты в руках.

А следом милиция на мотоциклах. Те трещат, как тысяча пулемётов: тра-та-та-тарах-тах-тах!

В люльке последнего мотоцикла, распушив чёрный хвост, изогнув чёрный хребет, разинув чёрную пасть, вопил Чёрный Кот:

— Мья-ау! Мья-ау! Ловиау!.. Мья-ау! Мья-ау! Убегай!.. Жмутся прохожие к стенам домов. Воздух дрожит от гуд-

ков и звонков. Листья летят с придорожных кустов. Пыль поднимается выше столбов.

Тут из музея выпрыгнул дед. Длинный старинный в руке пистолет. Дед на курок нажимает. Выстрел, как гром, громахает. Пламя клубится. Взвывается дым. Нет пистолета. А дед невредим.

На мётлах верхом — с разных сторон. Дворников целый летит эскадрон.

Мётлы вперёд — попробуй пройти. Встали они посредине пути.

Аварийка пыхтит на бегу:

— Ехать туда я не могу.

А рядом — сквер. С аллеями. Скамейками. Припесоченными тропками.

На скамейках сидят бабушки. Вяжут варежки.

По аллеям внучата бегают. На велосипедах и педальных автомобильчиках разъезжают.

Тут и взрослые люди прохаживаются. Смеются. Разговаривают. Даже песни поют.

— Остановись здесь, — попросил Ромка Аварийку.

И едва она остановилась, Ромка вниз кувырком, Артос и Фомка — следом. Последним Мишка бухнулся.

— За мной! — крикнул Ромка.

И напрямиком. Через кусты. По цветникам. По зелёным лужайкам. Во всю прыть. К широко распахнутым дверям какого-то странного круглого здания.

Следом погоня. Вот-вот догонит.

Уже нагоняют.

Ловят.

Хватают.

Кто-то вцепился Мишке в бок. Вырвал у Мишки шерсти клочок.

— Подберите хвосты! — крикнул Ромка.

И с разбегу. С ходу. С гамом. С шумом. С треском.

Четвёрка беглецов вихрем ворвалась в распахнутые двери. Промчалась по странному решётчатому коридору. И вдруг оказалась на...

ГОСПОДА-ТОВАРИЩИ ЛЬВЫ!..

Пятьсот семь мальчишек. Восемьсот четырнадцать девочек. И двести двадцать пять бабушек, дедушек, пап и мам сидели вокруг цирковой арены, обнесённой высокой металлической решёткой, и с нетерпением ожидали начала представления.

Вышел ведущий. В чёрном фраке с четырнадцатью большими блестящими пуговицами. В высоком чёрном цилиндре на голове. Он поклонился затихшей публике и громко объявил:

— Дрессированные львы!

Захлопали в ладоши мальчишки и девчонки. Заулыбались папы и мамы. Тихо охнули дедушки и бабушки.

Погасли люстры. Только арену освещали прожектора.

По специальному, сделанному из толстых железных прутьев тоннелю на арену с рыком выбежали пять больших сильных львов. Они сразу принялись скакать по арене и так рыкали, что у зрителей первого ряда холодок побежал по спинам.

— Дрессировщик...— снова послышался голос ведущего,— заслуженный...

Он кашлянул, будто поперхнулся, и умолк.

А на арену вместо дрессировщика выскочили Ромка, Фомка и Артос. Чуть приотстав, ввалился Мишка. Походя он зацепил какую-то железку. С грохотом упала решётка, закрыв выход с арены.

У львов от удивления ноги ослабели. Где они стояли, там они и сели.

Но уже через миг загремел львиный рык.

Самый старший и самый сильный лев по имени Эд начал стегать себя хвостом по бокам, приговаривая:

— Такого не бывало, чтоб лез к нам кто попало. Нахалов надо наказать — схватить их всех и шкуры снять.

И Львица разинула пасть, на Ромку готовясь напасть.

— Мы пропали... Мы погибли...— Фомка вымолвил в тоске. И длиннющий хвост бессильно распластался на песке.

Выставив клыки наружу, дрожит Артос как будто в стужу.

Мишка тоже задрожал. На четыре лапы встал. Бьёт медведя лихорадка. Стукотит о пятку пятка. Хвост трясётся. Нос дрожит. По щеке слеза бежит.

Только Ромка — хвост трубой. Шея выгнута дугой. В глазах — ни страшинки. В ногах — ни дрожинки. Подошёл он к львам вплотную. Громко начал речь такую:

— Господа-товарищи львы! Все мы знаем, какие вы. Вы сильнее всех на свете — это ведают и дети. Вы храбрее всех вокруг — это знает враг и друг. Но ведь вы ещё добры. Но ведь вы ещё мудры. Вы храбрее, и добрее, и мудрее всех зверей!

Храбрый, грозный, сильный Эд только хмыкнул в ответ.

А Львица спросила:

— Кто ты? И что тебе надо?

— Я — Ромка Ромазан. Это мои друзья. Мы решили спасти зверей и птиц и всё живое от Клык-Клыка Грумбу-беса и Орангула...

Тут все львы вскочили и подняли такой рёв, что зрители помертвели от страха, решив, что сей миг разъярённые хищники разорвут на части непрошенных гостей.

— Распроклятый Орангул! Это он нас обманул! — прорычала Львица.

— Самый страшный враг на свете. Это он завёл нас в сети! — яростно рыкнул Эд.

— Отомстите ему и за нас! За всех отомстите! — грянули львы хором, выстраиваясь перед Ромкой.

— Отомстим, если сами выберемся отсюда, — вздохнул Ромка. — Видите, вокруг арены... И пожарники. И дворники. И охранники. Ждут не дождутся, когда вы нас разорвёте. А если выйдем, сцапают и — в мешок...

— Нет! — промолвил грозный Эд. — Не бывать этому! Уж мы вам поможем!

— А пока, — сказала Львица, — нам топтаться не годится. Начинаем представление!

— По местам! — скомандовал Эд.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Львы проворно расселись по высоким тумбам. Каждый на свою.

Ромка взял хлыст дрессировщика. Нацепил на голову его шляпу. Звонко щёлкнул хлыстом:

— Гоп ля-ля!

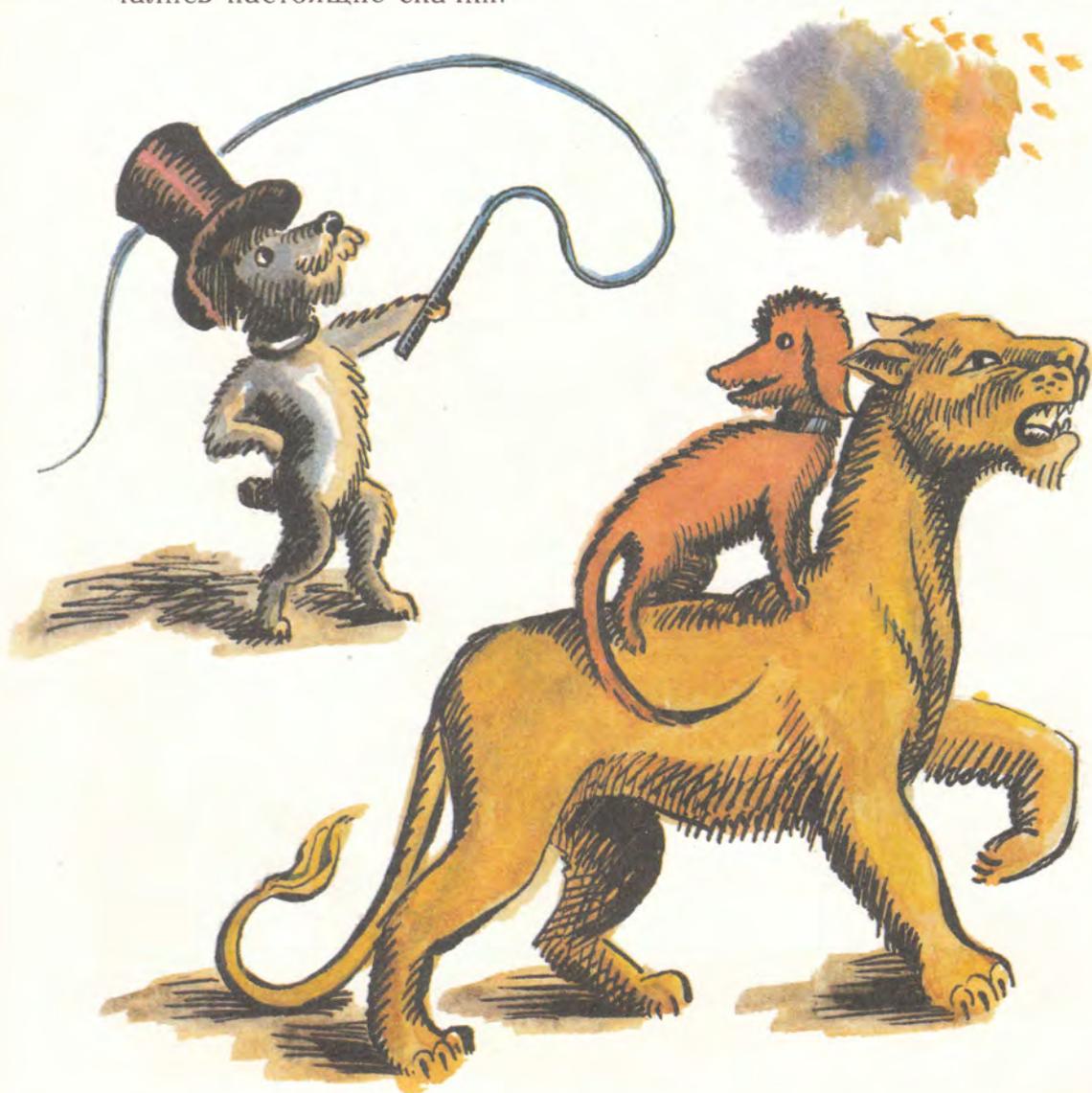
И пять львов одновременно встали на задние лапы и закивали головами.

Снова щёлкнул Ромка хлыстом:

— Тру ля-ля!

Львы спрыгнули с тумб и понеслись по кругу.

Ромка запрыгнул на спину Эда. Фомка — на спину Львицы, Артос вскочил на третьего льва по имени Леопольд. И начались настоящие скачки.

Мишка встал на пути несущихся по арене львов, и те перепрыгивали через его спину.

В цирке ребячьи звенят голоса:

— Здорово!

— Bravo!

— Вперёд!

— Чудеса!!!

Разметав гривы, вытянув хвосты, друг за другом несутся львы по кругу.

Мишка перед ними металлическое кольцо поднимает — и львы прыгают в кольцо.

Вскинет рейку. И львы скачут через рейку.

Потом Мишка подбоченился и, пританцовывая, вдруг запел во всю силу своего таёжного могучего голоса:

Туби. Дуби. Доби. Да!
Что случилось — не беда!
Это просто лабуда!
Лабуда зелёная-я!

Он пел всё громче, всё раскатистей, заглушая даже вдруг грянувший оркестр.

А львы вместе с Ромкой, Фомкой и Артосом устроили доселе нигде ещё не виданный фантастический перепляс, выделявая удивительные коленца.

Сперва отбили трепака. Чуть когти не отпали. А после, подперев бока, вприсядку танцевали. А потом — колесом. А потом — кувырком.

А когда, охрипнув, Мишка смолк, запели львы:

Мы — не просто звери.
Мы — цари зверей.
Отворите двери.
Слышите? Скорей!

Львы маршировали под песню.

Яростные.

Разгорячённые.

Готовые к бою за свою свободу.

От их дружной и грозной песни Ромка забыл, что и сам с друзьями находится в западне. Что и его окружают железные стены, которые ни за что не сломаешь.

— Мы поможем вам вырваться на волю! — торжественно и громко воскликнул Ромка. — Клянусь!

— Клянусь! — подхватил Артос.

— Клянусь, — проворчал Фомка.

— Клянусь, — уркнул Мишка.

Тут послышался странный, всё усиливающийся металлический звук. Будто железом о железо тёрли. Будто железом по железу били.

Что-то большое и чёрное мелькнуло в воздухе.

И перед затихшими вдруг зверями появился Древний Ворон Каррыкарр.

СОВЕТ КАРРЫКАРРА

— Здравствуй, Ромка! — проскрежетал Каррыкарр, складывая свои огромные, будто из чёрной жести откованные крылья и усаживаясь на тумбу.

— Здравствуй, добрый. Здравствуй, мудрый Древний Ворон Каррыкарр, — почтительно откликнулся Ромка, низко кланяясь Каррыкарру.

Артос и Фомка тоже поклонились Древнему Ворону Каррыкарру. При этом Фомка вскинул хвост восклицательным знаком.

И Мишка поклонился, приложив правую лапу к груди. И львы отвесили поклон.

Зрители, решив, что начинается новый аттракцион, громко и дружно захлопали в ладоши, закричали, засвистели.

— Рразыгррали вы спектакль хорроший. Но порра его пррекрращать. Пожаррники вас давно б рразогнали, да крраны пожаррные вдруг отказали. Пока все глазели, рразинув ррот. Мы перрекррыли водопрровод! Вот!

— Значит, Красный Лис тоже здесь? — сразу догадался Ромка.

— Он — веррный дрруг. А...

А в беде — таков обычай —
Друг приходит сам всегда...

Это тихонько пропел вдруг Фомка и, тут же изогнув хвост вопросительным знаком, спросил:

— Только как нам выбраться из этой беды?

— Рраз прришла к тебе беда — не спеши сдаваться. Побеждает тот всегда, кто умеет дрраться...

— Мы готовы драться! — откликнулся Ромка.

— Давно готовы! — подхватил Артос, показывая свои белые, длинные, острые клыки.

Древний Ворон Каррыкарр молчал.

На арене и на трибунах цирка вдруг наступила полная тишина.

Стояли львы полукольцом.

Ромка, Фомка и Артос встали кругом — к носу нос. Встали кругом и молчат, друг на друга не глядят.

Замер и Мишка.

Склонив тяжёлую, будто из чёрного чугуна литую голову, Древний Ворон Каррыкарр думу думал и молчал.

Но вот он поднял голову, и все услышали:

— Если Оррангула вы не рразгрромите, бедных львов из плена не освободите. Лишь один Оррангул заклинанье знает, от которого железо, как сосулька, тает...

— Но как нам отсюда вырваться? — нетерпеливо спросил Артос.

— Вверрх!.. Вверрх!..

С хрустом, звоном и скрежетом расправил Каррыкарр огромные чёрные крылья. Взмахнул ими и полетел вверх, к круглому, похожему на дыру отверстию в куполе цирка.

— За мной! Карр! Карр!..

И, проскользнув в отверстие, пропал.

ВВЕРХ

— Вот задача так задача,— молвил Фомка, чуть не плача.

— Безответнейший вопрос,— поддержал его Артос.

— Ворону пора бы знать: мы не птицы, чтоб летать!

Это Мишка проворчал.

Только Ромка промолчал.

Ромка знал, что Каррыкарр — очень мудр, хотя и стар.

Вот и стал Ромка думать, как же им добраться до отверстия в цирковом куполе.

Была бы лесенка...

Но лесенки — нет.

Был бы длинный шест...

Но и шеста нет.

Нет и верёвки.

Лишь высоко-высоко над ареной висит трапедия. Чуть повыше — ещё одна трапедия. А от неё — до самого циркового купола протянут толстый канат.

— Если бы подпрыгнуть до нижней трапедии...— мечтательно проговорил Ромка.

Самый старший и самый сильный лев по имени Эд, глянув на трапедию, сказал:

— Даже я. И даже с разбегу... Не допрыгну.

— Пойдите! — обрадованно воскликнул Ромка.— А ведь я, кажется... кажется... придумал...

Все придвинулись к нему. Торопливо и негромко Ромка что-то сказал друзьям, и те заметались по арене.

Музыканты, решив, что представление возобновилось, грянули марш.

Заскучавшие было зрители захлопали в ладоши.

Мишка притащил чурбак. Положил на него доску. Получилась качель, на каких малыши во дворах качаются.

На опущенный конец доски встал Ромка. Подле другого, приподнятого конца встал Мишка.

— Готов? — спросил Мишка.

— Готов, — ответил Ромка.

Тогда Мишка подпрыгнул и на поднятый конец доски — бух!

Ромка ахнуть не успел, как под купол полетел. Так, что ветер засвистел.

Вот он изловчился. В трапецию вцепился. Подтянулся. Прочно сел. На арену поглядел.

А там уже Артос изготовился к прыжку-полёту.

Медведь на доску снова — бух! И ввысь Артос летит, как пух.

А следом Фомка — хвост крючком. Несётся вверх, вертясь волчком.

Публика хлопает.

Публика топает.

Публика громко свистит.

Публика дружно вопит.

— Bravo!

В самом деле, где доселе вы ещё видали. Чтобы звери. Сами звери в цирке выступали.

Без постановщика.

Без дрессировщика.

Ромка, Фомка и Артос, как три птички, сидели рядышком на трапедии почти под самым куполом цирка.

В цирке бушевали аплодисменты. Били в ладоши даже пожарники, дворники и охранники.

Медные трубы оркестра едва не лопались от напряжения: так азартно и громко играли оркестранты туш.

А на арене снова заминка. Как подбросить на трапецию Мишку? Он ведь весил в двадцать раз больше Ромки. Только слон мог бы топнуть по доске так, чтобы Мишка взлетел. Но слона на арене не было.

ДРУГ ЗА ДРУГА ХОТЬ В ОГОНЬ

Мишка беспомощно вверх поглядел. Мишка насупился и засопел.

— Всё... Я попался. Крышка...— грустно промолвил Мишка.

Ремонтники уже нашли, где Красный Лис перекрыл водопровод. Потекла вода по трубам. Пожарники стали разворачивать шланги.

Ещё минута-другая, и хлёткие, жёсткие, неумолимые водяные струи из пожарных брандспойтов обрушатся на арену. Сметут с неё и львов, и Мишку.

— Я сейчас разбежусь, подпрыгну как можно выше и ударюсь о конец доски,— сказал самый старший и самый сильный лев по имени Эд.

— Нет,— возразила Львица.— Мы разбежимся вместе. Подпрыгнем вместе. И о доску ударимся вместе!

Два хвостатых, ловких, жёлтых, яростно рычащих шара. Так ударились о доску — цирк качнулся от удара. И неведо-

мая сила Мишку разом подхватила. Завертела. Закрутила. Вверх под купол подняла.

Ромка, Фомка и Артос помогли Мишке сесть на трапецию.

А по арене забили водяные струи. Будто плети витые, хлестали они львов, прогоняя с арены.

Вверх, к трапеции, где сидели четверо друзей, стала подниматься лестница.

Выше, выше!

Ближе, ближе!..

Сквозь грохот воды, крики переполошённых зрителей и львиный рёв долетел голос самого старшего и самого сильного льва по имени Эд:

— Прощайте! Не забывайте! Ждём!

— Будем перепрыгивать вон на ту трапецию, повыше, — сказал Ромка. — Оттуда по канату до купола и...

— Я — не голубь. Я — медведь. Мне туда не долететь. Если б можно разбежаться... Ухватиться, поддержаться... А иначе разобьюсь. Что поделать? В плен сдаюсь...

— Да, ему не доскочить, — согласился Ромка.

— Что же делать? Как же быть? — всполошился Фомка. Мишка совсем расстроился и захныкал:

— И зачем меня, бедняжку, разбудили? Для чего меня, беднягу, оживили?

— Ну-ка! Качнём трапецию. Дружно. Раз! — скомандовал Ромка.

Все встали, упёрлись в деревянную перекладину задними лапами и качнули. А когда взлетели вверх, Ромка, будто кузнечик, скакнул на вторую трапецию, что была подвешена немного выше и к которой был привязан толстый канат, спускавшийся из-под самого купола.

Отвязал Ромка канат и по нему спустился к друзьям.

— Цепляйтесь живо за канат и — вверх!

Первым полез по канату Фомка, бормоча:

— Никакая погоня нас теперь не нагонит.

Следом полз Артос, рыча себе под нос:

— Ах, как лихо, смело, ловко мы ушли из мышеловки.

Потом молча карабкался Ромка.

Последним пыхтел Мишка.

Не успели и половину пути одолеть, как Фомка выдохся и заворчал:

— Я не кошка. Не мартышка. Не могу я дальше.

Крышка...

Тут и Артос повесил нос:

— Ничему и я не рад: нету сил держаться. Из-под лап скользит канат. Вверх мне не подняться.

И Ромка вдруг почувствовал, что у него разжимаются когти. Не собачье это дело — по верёвкам лазить.

— Нет и у меня сноровки удержаться на верёвке.

— Тут подал голос Мишка:

— Боюсь я плена, как огня. К чему пустые речи? Скорей садитесь на меня. На спину. И на плечи. Я вместе с вами поднимусь. И быстро. И надёжно. Не беспокойтесь, не сорвусь. Ведь я медведь — таёжный...

Ромке, Фомке и Артосу очень неловко было садиться на Мишку, который висел на канате, но... другого выхода не было.

Вцепились они в густую, крепкую медвежью шерсть. Прижались к жаркой, широкой Мишкиной спине. И замерли.

А Мишка вздохнул раз, вздохнул два и... полез по канату вверх. К спасительному круглому отверстию в центре купола, куда уже робко заглядывали ранние блёклые звёзды.

ОПЯТЬ В ЛОВУШКЕ

Едва выбрались друзья на крышу цирка, как тут же послышалось:

— Скоррее... Скоррее... Направо... Направо...

По круглому куполу Ромка, Фомка, Артос и Мишка кубарем скатились вниз и очутились на крыше невысокого пристроя, в котором жили цирковые звери.

И снова голос Каррыкарра:

— Деррево ррядом... Деррево ррядом... Пррыгайте...

У стены пристроя рос высокий раскидистый тополь. Прыгнул на него Ромка и по стволу спустился вниз. За ним — Артос. И Фомка. И Мишка.

А под тополем их ждал Красный Лис.

Друзья крепко обнялись с Красным Лисом, потёрлись носами.

— Ну и задали вы нам задачку, — весело проговорил Красный Лис. — Еле успели.

— Как вы узнали? — изумился Фомка, сворачивая хвост вопросительным знаком.

— Любая весть до нас дойдёт. Листок листку её шепнёт. И эхом повторится... Травинка скажет птице. А дальше Стрекоза помчит, трубя вокруг тревогу. О ней Кедровка прокричит. И так вот, понемногу. От травки к дереву. К воде. Незри-

мо, неприметно. К нам весть приходит о беде. Приходит непременно.

— Да...— вспомнил Ромка.— Ты говорил нам об этом, перед тем как мы угодили в царство Спиешьпей.

— Там теперь буровики поставили Великаншу Буровую. На острове разрослись берёзы. Цветут цветы. Зеленеют травы...

— А Соня Первый Котофеич? — грозно спросил Артос.— И эти гадюки...

— Все они укрылись в Каменном лесу страшного и непобедимого Орангула,— ответил Красный Лис и вдруг насто-роженно умолк.— Слышите? Вас ищут. Надо уходить. Немедленно. В лес!

— Как уходить? Скажи скорей. На улицах полно людей,— растерянно спросил Мишка.

— А может быть, нам переждать? Наступит ночь — тогда бежать,— неуверенно высказался Фомка.

— Может, нору вырыть нам и укрыться вместе там,— предложил Мишка.

— Нам не нору надо рыть. К речке нужно уходить,— сказал Ромка.

— Очень правильный совет. И пути другого — нет! — поддержал Ромку Красный Лис и вдруг предостерегающе вскинул лапу.— Тсс!.. Сделаем так...

Мишка, Фомка и Артос спрятались в густом кустарнике. А Ромка и Красный Лис отправились на разведку.

Цирковой скверик примыкал к большому городскому парку.

В этот вечерний час в парке былолюдно, шумно и весело.

Кто качался на качелях. Кто сидел на каруселях. Кто мороженое ел. Кто гулял да песни пел.

По аллеям бродят пары. В чайной пьют самовары. В тире выстрелы гремят. На площадке для ребят — пыль столбом, и визг, и крик: внучку потерял старик. Ищет бедный. Чуть не плачет. Внушка с куклой сзади скачет.

Сиреневые сумерки по парку разлились. И, словно звёзды жёлтые, фонари зажглись.

Листья на деревьях всё тише шелестели. Птицы спать устроились и уже не пели.

Ромка еле уговорил Красного Лиса, чтобы тот не высовывался из высокой густой травы у изгороди. Там не было ни тропинок, ни аллей. Никто не гулял, не играл.

Ромка — в зубы палочку. И пошёл вразвалочку.

Хвост у Ромки — трубой. Шея выгнута дугой.

Ниже подбородка — рыжая борода. И как будто для красоты — тоже рыжие усы.

Он идёт, хвостом колышет. Всё он видит. Всё он слышит. Всё он чувствует вокруг. Вдруг...

Увидел Ромка Мороженщицу с тележкой. Повесив халат на ручку тележки, Мороженщица старательно примеряла высокую белую шапочку.

Тут Ромку и осенило...

ЛИСИЙ ВОРОТНИК

Мороженщица стала было натягивать свой халат, как вдруг замерла, увидев в траве у забора что-то красное.

— Как огонь... — пробормотала она, вешая халат на ручку тележки. — Что бы это?..

В высокой зелёной траве неподвижно лежала необыкновенно большая, очень красная и дивно красивая лиса.

— Ах, какая красота! Как она попала? Я такого хвоста сроду не видала!

Бесшумными маленькими шажками Мороженщица стала подкрадываться к безжизненно распластавшемуся Красному Лису.

Замер Лис. Лежит, не дышит: шевельнуться не моги. Глаз закрыт. А ухо слышит. Слышит робкие шаги.

Подошла Мороженщица, наклонилась, погладила пышный лисий хвост.

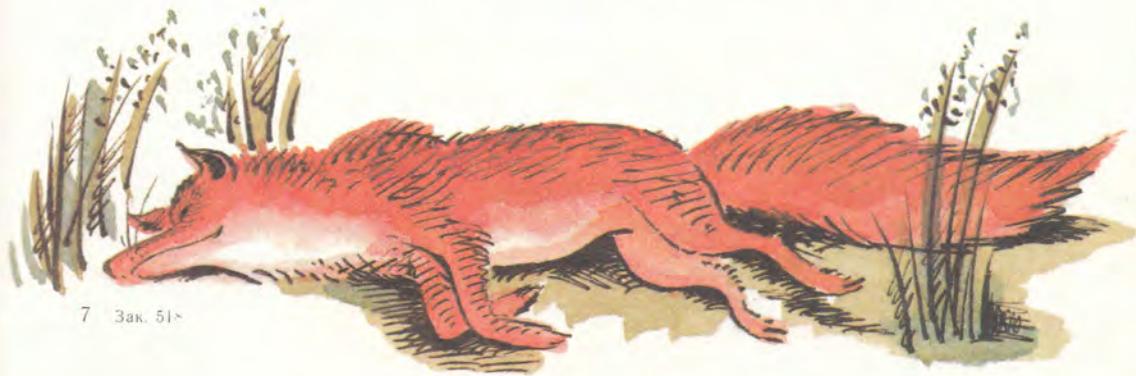
— Ах, какой воротник! Ах, какая шапка! Как бы только унести...

Сняла косынку с плеч, примерила, не завернуть в неё лису, мала косынка!

Кинулась к знакомой продавщице за мешком.

Едва Мороженщица отошла от тележки, как тут же подбежали Артос, Фомка и Мишка.

Напялил Мишка белый халат Мороженщицы.

— Ну, как?

— Хорошо,— ответил Ромка.

— Хорошо,— поддакнул Фомка.

— Хорошо,— сказал Артос.— Только надо спрятать хвост.

Мишка нахлобучил на голову белый колпак. Повязал шею цветным платочком и опять спросил:

— Ну, как?

— Только халат застегни,— посоветовал Ромка.

— Голову ниже нагни,— подсказал Фомка.

— И чтоб ни звука. Ни-ни! — предупредил Артос.

Мишка голову нагнул, ссутулился и покатил тележку к выходу из парка.

Обогнав немного Мишку, Ромка семенил вприпрыжку. Он прохожих отвлекал. Будто мячик, вверх скакал. Делал стойку. А потом. Раз пятнадцать кувырком.

Фомка и Артос прикрывали Мишку с флангов.

Улыбается народ:

— Глянь, собачий цирк идёт.

Вот и кончился забор!

Вот зелёный светофор!

Друзья не спеша пересекли самую людную главную улицу.

Потом перешли улицу поуже и потише.

Вот тогда они поняли, что опасность позади.

Мишка разогнулся и звонко шлёпал босыми пятками по пыльному асфальту. Белый колпак съехал набок. Куцый хвост высунулся из-под халата.

И Ромка почувствовал, что устал, тихо и медленно зашагал.

И Фомка с Артосом — как на прогулке. Шагают неспешно по переулку.

Шагают, не глядя даже вокруг.

А в это самое время вдруг...

ТЕТЯ КАПА

А в это самое время вдруг вышел из калитки мальчик с папой.

Папа был задумчив и по сторонам не глядел.

А мальчику думать пока было не о чем. И он сразу заметил трёх псов, шагающих вокруг странной толстой Мороженщицы.

Заметил и говорит отцу:

— Погляди-ка, папа. Это тётя Капа.

— Наверное,— буркнул отец, не глянув.

— А почему у Капы вместо ног лапы? А из-под халата — хвост?

— Какие лапы? Какой хвост? — переспросил отец, а сам всё-таки присмотрелся к странной Мороженщице. Да вдруг как закричит:

— Это никакая не тётя Капа! Это переодетый медведь! Люди! Сюда! Медведь!!!

Из калиток и ворот повалил валом народ. Кто с поленом. Кто с колом. Ну, а кто и с топором.

И сказал Ромка:

— Ну-ка, братцы, выше ноги! Драпанём-ка вдоль дороги! Здесь до речки близок путь. Доберёмся как-нибудь!

Мишка скачет — пыль клубится. За медведем Фомка мчится. Подгоняя Фомку с Мишкой, Ромка катится вприпрыжку. Сбоку стелется Артос: не поймёшь, где хвост, где нос.

А погоня по пятам. Слышен крик и тут, и там:

— Догоняй!

— Лови!

— Хватай!

Собацьи хвосты и лапы мелькают. Никак не понять, кто кого догоняет? Собаки медведя? Иль — наоборот? Кто разглядит? Кто разберёт?

Но вот и берег реки.

— За рекою — лес.

— За рекою — спасенье.

Но берег оказался высоченным, обрывистым и крутым. А внизу у воды — свалка: железки, кирпичи, обломки бетонных плит. Прыгнешь с кручи — обязательно врежешься в эти железобетонные обломки. Не убьёшься, так непременно кости переломаешь.

Что же делать?

А погоня ближе.

Что же делать?!

А погоня — рядом.

— Видно, нам придётся драться. Становитесь кругом, братцы! — крикнул Артос, обнажая клыки.

Тут Ромка увидел высоченный Тополь, росший на самом берегу. Прямо над обрывом.

Подлетел к нему Ромка с поклоном:

— Милый Тополь, выручай. Ствол сильнее раскачай. Посади нас на вершину. Кинь в реку. На середину.

Тополь качнулся. Дугою согнулся.

Ромка, Фомка, Артос и Мишка вцепились в кудлатую зелёную макушку Тополя.

Хрустнув, Тополь резко распрямился и зашвырнул друзей чуть не на середину реки.

Тут и погоня подлетела:

— Ах!

— Ох!

— Вот так на!

Вдруг донёсся громкий крик:

— Ой! Держите воротник!

Что-то красное мелькнуло и, описав дугу, ухнуло в речку, далеко от берега.

Это был Красный Лис.

ЧЕРНОЕ ЦАРСТВО

Лес на берегу реки — весёлый, нарядный.

Белые берёзки. Белой стаей. На опушке леса. Неподвижно встали. Тонкие осинки трепетно дрожат. А на них росинки серебром блестят.

Гибкая рябина — лесная балерина. Влево, вправо гнётся — вот-вот взлетит, взвьётся.

Даже колкая боярка зеленеет ярко-ярко.

Вот какой нарядной, яркой, цветущей и пахучей была опушка леса, к которой направились Ромка, Фомка, Артос, Мишка и Красный Лис.

За нарядной опушкой начинался сосновый бор. Высоченные и стройные, чуть тронутые краснотой сосны подпёрли макушками облака и глухо, напевно гудели.

За бором сосновым начинался бор кедровый. Могучие, кряжистые кедры стояли поодаль друг от друга — величаво и гордо, как лесные богатыри. В косматой тёмной зелени кедров голубели большие, тяжёлые и сочные шишки с очень вкусными орешками.

А за кедровым бором начинался дремучий лес.

Плотными шеренгами стояли угрюмые ели, воинственно ошестинясь длинными и колкими тёмными иголками.

Густой чёрный пихтач заступал подступы к ельнику. Пихтовые цепкие лапы сплелись паутиной, которую нелегко разорвать.

Кто паутину эту разорвёт, сквозь колючий ельник прошмыгнёт, в буерак глубокий попадёт.

Там ни солнца нет, ни света. Мрачно там зимой и летом. И гнездится по углам вся лесная нечисть там.

За буераком начинались болота. Топкие. Непроходимые.

А вот за болотами были владения самого Орангула.

В чёрном-чёрном Каменном лесу было укрыто Чёрное озеро.

Вода в том озере черней, чем чёрные чернила. Нет в нём ни шук, ни окуней. Ни рыбки нет. Ни ила.

Густа и клейка в нём вода. Кто угодил в неё — беда: уже не выплыть никогда.

На озере каменный остров стоит. На нём есть дворец из каменных плит.

В нём жил владыка чёрного каменного царства — злой и беспощадный волшебник Орангул, старший брат Клык-Клыка Грумбумбеса.

ОРАНГУЛ

Ты помнишь Клык-Клыка Грумбумбеса?

Он похож на огромного. Ну, прямо преогромного. Наигромаднейшего паука.

Двенадцать лап — когтистых, волосатых. Спина — черна, мохната, полосата. Глазищи жёлтые, как факелы, горят. Сверкает саблями клыков загнутых ряд. А на конце хвоста — огромный крюк. Кто на него попал — тому каюк.

Вот каков был Клык-Клык Грумбумбес.

А Орангул в сто раз Клык-Клыка Грумбумбеса крупнее. Коварнее, жаднее его и страшнее.

Если он на лапы встанет, то упрётся в небосвод. На кого свирепо глянет, сразу тот навек уснёт.

Если рявкнет Орангул — сотрясает горы гул. Звёзды валятся с небес. Падаёт дремучий лес.

Но главная сила Орангула была в волшебстве. Он один знал заклинание, от которого камень и железо превращались в прах.

Он такие знал слова — с плеч слетала голова. Потухал костёр любой. Закипал кровавый бой. Подымался ураган. Волновался океан.

Всех ему непокорных рыб, птиц и зверей Орангул околдовал, и те, утратив вдруг нюх и слух, либо попадали под выстрел охотника, либо забредали в сети, силки и капканы, либо срывались с круч, проваливались в топи, словом — погибали.

Всё это Ромке, Фомке, Артосу, Мишке и Красному Лису рассказал Древний Ворон Каррыкарр.

— Его презируют все звери и птицы. Но даже орёл с ним встречаться боится. Коварен и страшен враг Орангул...

— Спасите меня от него. Караул!

Это крикнул Фомка, свивая восьмёркой хвост.

Никто не засмеялся над Фомкиной шуткой. А Ромка спросил Каррыкарра:

— Так что ж, Орангул непобедим? Нам никогда не справиться с ним?

Каррыкарр долго сидел и молчал. То ли он думал. То ли дремал.

Приуныв, умолкли псы. Ромка ворошил усы. Фомка сделал хвост вопросом. Почесал Артос под носом.

Мишка сонно тёр глаза.

Ну а Красный Лис сказал:

— Мудрый Ворон Каррыкарр. Ты всё ведаешь, всё знаешь. Неужели нет средств одолеть Орангула, вывести у него волшебное заклинание, спасти бедных львов и всех других околдованных им зверей и птиц?

— Добро, и правда, и дружба сильнее любого врага. В Чёрном озере растёт Чёрная Кувшинка. Кто Кув-

шинку рраздобудет, тот Орангула одолеет... Я устал. Я очень старр. Карр... Карр... Карр!!!

Древний Ворон Каррыкарр расправил чёрные, будто из железа сделанные крылья.

С шумом и звоном взмахнул ими.

Оторвался от земли.

И пропал из глаз...

ЧУЮ ВРАЖИЙ ДУХ

Чёрное озеро спит. Не колышется.

Чёрное небо над ним ни одной звездой не светится.

Чёрный лес вокруг не шелохнётся.

Из чёрных каменных глыб сложенный чёрный, замок Орангула трубами не дымит, дверями не скрипит — тоже спит.

Чернота... Чернее ночи — чернота...

Немота... Немее камня — немота...

Слепота... Слепей слепого — слепота...

И в этой немой слепой черноте бесшумно, незримо движется ночная патрульная охрана Орангулова владения: сторожевые Гадюки и стражники Ежи.

Неусыпно стережёт волшебную Чёрную Кувшинку Краб-великан. Он и с закрытыми глазами всё видит.

Храпит всесильный Орангул. Не спит у спальни караул. Ждёт замок не дождётся. Когда злодей проснётся.

И вот проснулся Орангул. Поплыл по замку грозный гул. Владыка песню затянул. Всегдашнюю. Любимую:

Я — всемогущий Орангул!

Я — вездесущий Орангул!

Я подпираю небеса,

Мне всё вокруг подвластно:

Моря. И реки. И леса,

И даже солнце красное.

Я кашляну — и вспять река,

Ложится в лёжку лес.

А если крикну — облака

Срываются с небес.

Всех страшил страшнее — Я!

Силачей сильнее — Я!

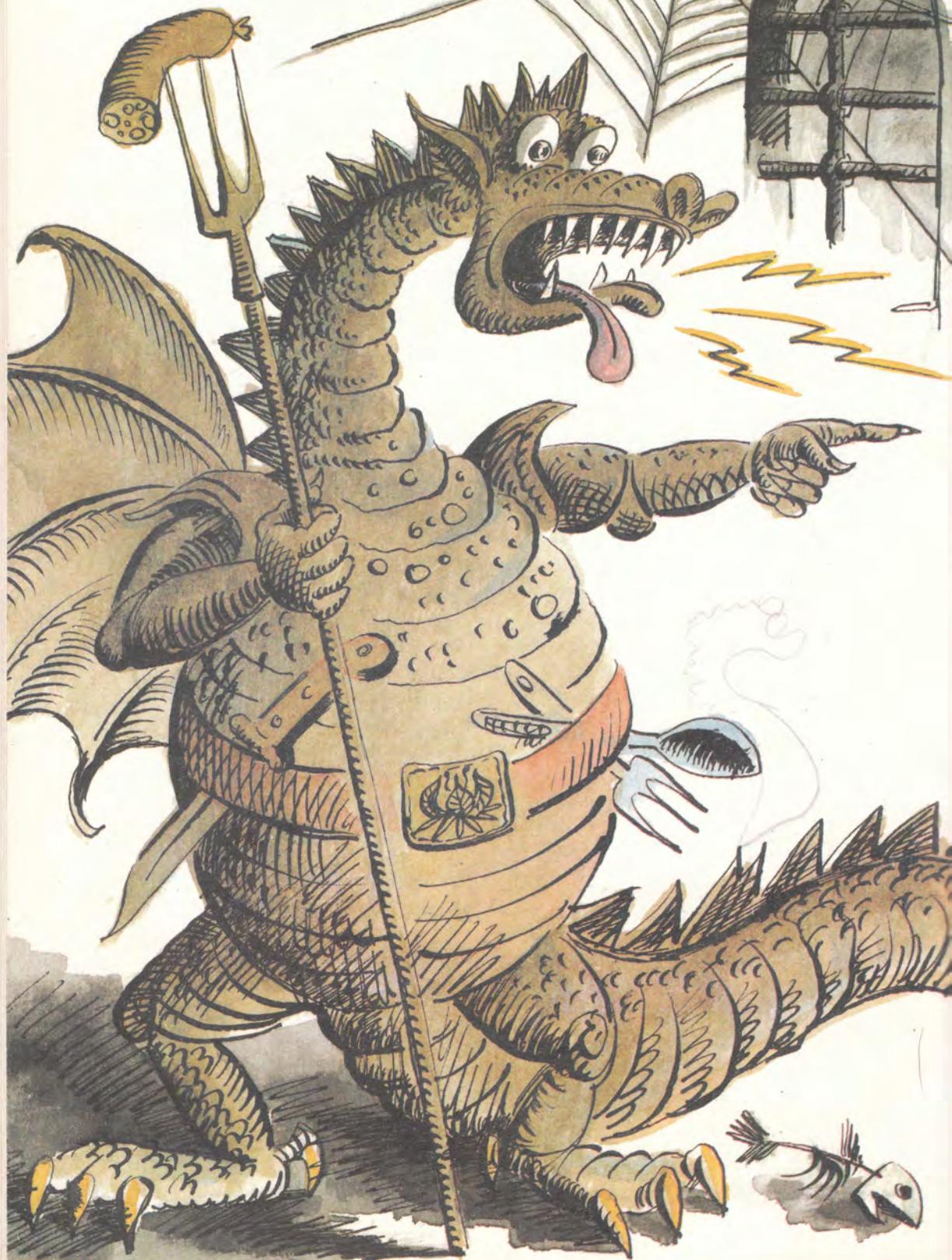
Хитрецов хитрее — Я!

Мудрецов мудрее — Я!

Я — никем не победим.

В целом свете Я — один

О-ран-гул!..

И долго под высокими каменными сводами замка плескалось гулкое, раскатистое эхо:

— Гу-у-у...

— У-уу...

Выкатилось эхо из замка на остров, и дрогнул тот от страха.

Скакнуло эхо в Чёрное озеро, и то заколыхалось, заволновалось.

И только Чёрная Кувшинка не шелохнулась. Она не боялась Орангула. Тот сам боялся, как бы кто-нибудь не сорвал Чёрную Кувшинку, которую день и ночь неусыпно стерёг всевидящий, всеслышащий Краб-великан.

Долго ворочался Орангул на каменной кровати, которая занимала самую большую, самую тёмную залу каменного дворца.

По-настоящему Орангула, кроме Клык-Клыка Грумбумбеса, никто не видел. Потому что все боялись смотреть на Орангула.

Одни говорили: он похож на птицу. Другие говорили: он похож на ящерицу. Третьи утверждали: он — как огромная летучая мышь.

А на самом деле? На самом деле никто не знал, какой он.

В самом деле — верь не верь — он полуптица, полужверь.

Он мог летать и плавать, прыгать и бегать.

Вот он пошевелил ноздрями и вдруг рявкнул:

— Чую вражий дух!

СЛУГИ ОРАНГУЛА

И тут же в спальню Орангула колом вкатился Соня Первый Котофеич. Тот самый, который управлял царством Спиешпей и посадил в Кактусовую тюрьму Ромку, Фомку и Артоса.

Соня Первый Котофеич от порога запищал:

— С добрым утром, повелитель. Наш владыка. Наш учитель. Наш великий господин. В целом мире ты — один. Как изволил почивать? Можно ль завтрак подавать?

Орангул очень любил подхалимов, потому и улыбнулся Соне Первому Котофеичу и милостиво проорчал:

— Что там на завтрак?

— Приказали вы вчера: трёх телят и осетра.

— М-м... Пожалуй, маловато. Может, есть ещё волчата? — спросил Орангул.

Соня Первый Котофеич ещё тише и ещё угодливей пропищал:

— Должен ты повелевать, наше дело — исполнять. Услужить тебе я рад. Подадим сейчас волчат.

Злой, коварный Орангул питался живой рыбой, живыми птицами и зверятами. Орангуловы слуги целые дни рыскали по лесам, отнимая малышей у птиц, у рыб и у зверей.

Если же кто не повиновался Орангулу, не отдавал своего детёныша, того Орангул съедал либо околдовывал, превращая в каменного.

Соня Первый Котофеич уже приоткрыл дверь, чтобы выкатиться из спальни, как вдруг Орангул крикнул:

— Стой!

Соня Первый Котофеич так и замер от страха.

А Орангул вытянул длинную шею. Покрутил змеиной головой. Принюхался. Грозно спросил:

— Чуешь вражий дух?

— Н-нет, повелитель... — проямлил перетрусивший Соня Первый Котофеич.

— Ну, лентяй! Балбес балбесом! Кликни живо Грумбумбеса!

Тут же Клык-Клык Грумбумбес в дверь открытую пролез:

— Что случилось?

— Слушай, Клык-Клык Грумбумбес! Надо весь обшарить лес! Ночью враг туда пролез. Негодяев изловить. Допросить! И всех казнить!

КАМЕННЫЙ ЛЕС

Ромка, Фомка и Артос вместе с Мишкой и Красным Лисом быстро миновали нарядную лесную опушку. Бесшумно проскользнули по тенистому, пахучему сосновому бору. Пересекли кедровник. Пробились сквозь заросли пихтача и через

густоющий колкий ельник. По невидимой тропке проскочили буерак, перешли болото. И опять очутились в густом лесу.

Тут друзья поубавили прыть: где-то совсем рядом начинались владения Орангула, и надо было держать ухо востро.

Впереди шли Красный Лис и Ромка.

Мишка косолапый семенил следом.

Артос и Фомка шагали, чуть приотстав.

Все пятеро прислушивались. Принюхивались. Приглядывались.

Вот встала Ёлочка на Ромкином пути. Надо было Ёлочку сбоку обойти. Ну, а Ромка Ёлочку наклонить хотел. Только даже ветку сдвинуть не сумел.

— Она что, каменная? — удивлённо пробормотал Ромка.

Потрогал Красный Лис Ёлочку, понюхал её и говорит:

— Верно. Каменная.

Иглы зелёные — не шелохнутся. Ствол — не колышется. Ветви — не гнутся. Нет белой серы. Не пахнет смолой... Лес-то вокруг совсем неживой...

Мох под ногами — твёрдый, как камень.

Каждая травка — будто булавка.

Словно железные листья берёз. Бабочек нет. И нету стрекоз.

В мёртвом лесу нет и птиц. Не поют.

Жутко.

И мрачно.

И холодно тут.

Вдруг из-за ёлки донеслось:

— Скорей сюда! Смотрите, Лось!

Кинулись все к Лосю, а тот будто из камня вытесанный.

И ручей перед Лосем — не живой, а будто стеклянный.

— Ну уж. Это уж. Совсем уж. Ни к чему уж... — озадаченно пробормотал Ромка.

Фомка сделал из хвоста огромный вопросительный знак.

— Что за фокус, в самом деле? Все вокруг окаменели! — сердито проговорил Артос.

— Как же быть? Кого спросить? И травиночки живой — ни одной! — озадаченно пробормотал Ромка.

— Выход есть, — Медведь сказал. — Гляньте-ка Лосю в глаза. Ведь они живые. Только что немые.

Глянул Красный Лис в живые горящие глаза Каменного Лося и тихо, задумчиво произнёс:

— Этот взгляд немой и гневный не поймёт ни мал, ни стар. Разве только Ворон Древний, Древний Ворон Карры-карр...

И тут же послышались хорошо знакомые металлический скрежет, скрип и позвякивание. На окаменелый пенёк среди окаменелой травы опустился Древний Ворон Каррыкарр.

Он уже знал, зачем понадобился друзьям.

Вот Мишка встал на задние лапы — нос к носу с Каменным Лосем, Каррыкарр взлетел на Мишкин затылок и оказался с Лосем глаза в глаза.

Тихо и невнятно Каррыкарр спросил что-то у каменного Лося и стал читать ответ в его глазах.

А потом, усевшись на пенёк, Каррыкарр сказал:

— Вы вступили в Оррангуловы владенья. Этот Лось не дал Лосёнка на съеденье. Вот Оррангул его и наказал. Всё живое Оррангул либо съедает. Либо сразу в мёртвый камень превращает. Из владений Оррангула — пррочь сейчас! А не то он в камень превратит и вас...

— Нет! — Артос воскликнул. — Нет! Хоть и мудрый твой совет. Мы пришли сюда сражаться. С Оррангулом насмерть драться. А не прятаться в кусты. Как советуешь нам ты!

И Артос оскалил клыки. Поднял когтистую лапу.

— Одолеет Оррангула только тот, кто Кувшинку в Чёрном озере сорвёт.

— Но ведь озеро-то там, куда нет дороги нам, — подал негромкий голос Мишка.

— Тихо! — Красный Лис припал ухом к земле.

Ромка тоже приложил ухо к земле и сразу услышал знакомый перестук лап Клык-Клыка Грумбумбеса.

— Клык-Клык Грумбумбес к нам несётся через лес, — сказал Ромка.

— С ним Гадюк — восемь штук. Шесть Ежей-сторожей, — добавил Красный Лис.

И снова воинственно закричал Артос:

— Нам теперь они не страшны! Мы теперь грозны и сильны! С нами Мишка. С нами Красный Лис. Клык-Клык Грумбумбес, поберегись!

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Невдалеке от заколдованного Каменного леса в высокой густой зелёной траве затаились Ромка, Фомка, Артос, Красный Лис и Мишка.

Затаились и стали ждать.

А Каррыкарр взлетел на макушку самой высокой ели и тоже замер, выжидая.

Вот на опушку каменного леса в окружении сторожевых Гадюк и Ежей-сторожей выскочил Клык-Клык Грумбумбес. И сразу скомандовал:

— Нос утри! Прочисти ухо! Зорче смотри! Слушай и нюхай!

Вытянули шеи сторожевые Гадюки. Ощетинили иглы Ежи-сторожа. И нюхали. И слушали. И во все стороны глядели.

— Знакомый дух,— злобно бормотал Клык-Клык Грумбумбес.— Опять эти псы? Помните? Те самые, что удрали из Кактусовой тюрьмы?!

— А как ше, как ше,— зашипели сторожевые Гадюки.— Ошшень хорошшо...

— Помним злодеев! Помним врагов! — откликнулись Ежи-сторожа.

Клык-Клык Грумбумбес на ёлку каменную влез. Оглядел окрестный лес.

— Угадай попробуй сам: что же надо этим псам?.. Жалко мне их. Ха-ха-ха! Участь их — совсем плоха. Это им не Спишьпей. Орангул их всех сильнее! Ровно через десять дней. Всё вокруг окаменеет. Всё живое онемеет. Рыба, зверь, трава и птица в мёртвый камень превратится.

Тут Гадюки и Ежи заприплясывали, голося:

Каменному лесу — не страшен топор!
Каменному лесу — не страшен мотор!

— Скажем Орангулу. Утроит караулы!— решил Клык-Клык Грумбумбес.

Привстав на шести лапах, другими шестью он погрозил невидимым врагам и крикнул:

— Всех найдём, голубчики! Будете вы в супчике! За один присест Орангул вас съест!

— Подавится,— тихо проговорил Ромка.

А Клык-Клык Грумбумбес со свитой сорвались с места, кинулись в гущу Каменного леса и скоро пропали из виду.

В круг друзья сошлись опять. Стали думать да гадать. Что им делать? Как им быть? Как врага перехитрить? От злодея Орангула лес, зверей и птиц спасти. Из железного из плена львов несчастных увести?

Долго думали. Молчали.

Фомка сжался от печали.

А Артос повесил нос.

Ромка вдаль глядел угрюмо.

Красный Лис молчал и думал.

Древний Ворон Каррыкарр бормотал:

— Ах, как я старр...

Тут совсем неожиданно поднялся Мишка и не очень громко, не шибко уверенно проговорил:

— Здесь нужна разведка. В Орангулов тыл.

— Точно!— гавкнул Ромка.— Я пойду и Фомка. Мы пройдем, где сроду никто не проходил.

Артос промолвил тут:

— Друзья! Идти в разведку должен я.

Тут и Красный Лис ввязался в спор, доказывая, что скорей, бесшумней и верней его никто в Орангулов тыл не проникнет.

Так они спорили долго и громко. До тех пор пока Каррыкарр не спросил, как же они надумали пробраться через Ка-

менный лес, перехитрить Клык-Клыка Грумбумбеса и многочисленную охрану Орангула?

И опять всех удивил Мишка.

Отбежав в сторону, Мишка рухнул на землю и окаменел.

Его и щекотали, и мяли, и трепали. Дули в уши. Дули в нос. Мишка будто в землю врос. Даже глазом не моргнул. Волоском не шелохнул. Каменный — да и только!

— Прекрасно! — каркнул Каррыкарр. — Но ты пахнешь медведем.

— Вымажем его глиной. Она засохнет корочкой. Через нее никакой запах не пробьется, — предложил Ромка.

Так они и сделали...

МИШКИНА РАЗВЕДКА

Чёрной ночью в чёрном Каменном лесу ничего не видно. В крошечной каменной тьме Мишка двигался осторожно и медленно, крохотными шажочками.

Ноздри Мишка раздул.

Глаза Мишка раскрыл.

Уши Мишка наострил и торчком поставил.

Сделает два-три шажка и остановится, замрёт.

Понюхает.

Послушает.

Пошарит лапами вокруг.

И снова вперёд.

Вдруг впереди замаячили огоньки. Это патруль сторожевых Гадюк. На каждой Гадюке сидел Светлячок и горел, как фонарик.

Подползли сторожевые Гадюки к Мишке. Замер тот, будто окаменел, даже дышать перестал.

Гадюки его кольцом обступили. Со всех четырёх сторон осветили.

И заспорили: каменный он или живой?

Тычут Мишку пиками. Кусают и жалят. Да только ни зубы, ни пики, ни жала гадючьи не могут глиняную скорлупу пробить.

А Гадюки всё равно не унимаются. Пуще прежнего спорят.

Одна шипит:

— Чего стоиш-ш-шшь? Чего ты ждеш-ш-шшь, начальник караула? Спеш-ш-шши... Ползи... Скорей буди... владыку Орангула.

Другая Гадюка наперекор первой:

— Орангула не тревош-ш-шшь. Сам в ловушку попадеш-ш-шшь...

— Пропадёш-ш-шшь...

— Пропадёш-ш-шшь...

— Пропадёш-ш-шшь...

— Ш-ш-шша! — прошипел Начальник Караула. — Медведь попался в чары Орангула. При-ш-шшёл сюда и враз окаменел. И пусть лежит. У нас по горло дел.

И вот уж нет сторожевых Гадюк. И снова темень страшная вокруг.

Перевёл Мишка дух и только поднял лапу, чтобы шагнуть, как вдруг...

Замер Мишка, вновь не дышит. Отдалённый шорох слышит.

Ш-ш-шшуурх...

Ш-ш-шшархх...

Ш-ш-шширхх...

Это хитрый Начальник Караула послал своих Гадюк проверить исподтишка, не шевелится ли Медведь.

Вот уже совсем рядом ползут, сопя, Гадюки. Ползут без Светлячков, в сплошной темноте.

«Сколько их? — гадают Мишка. — Кажется, четыре».

Одна Гадюка замерла подле самой Мишкиной лапы. Приподнял её Мишка и беззвучно опустил на голову Гадюке. «Ещё три осталось».

Скоро Мишка и с ними расправился так же.

И снова вперёд разведчик идёт.

Каменные сучья цепляются, как крючья. Каменная травка колет, как булавка.

В царапинах и шишках. Медленно, чуть-чуть продолжает Мишка свой опасный путь.

Осторожно, Мишка! Не зевай, гляди...

Чёрное озеро...

Коварное озеро...

Волшебное озеро...

Где-то впереди...

А где?

И всё-таки разведчик Мишка добрался наконец до Чёрного озера, в котором росла волшебная Чёрная Каменная Кувшинка.

Но едва он вышел к озеру, как начался рассвет.

Надо было спешно убираться. В каменную чашу забиваться.

Но Мишка в чашобу не побежал. Не спрятался он. Не задрожал.

Он знал: только на восходе солнца можно было увидеть в чёрной воде Чёрную Кувшинку. И Мишка решил дожидаться утренней зорьки. Найти место, где под водой прячется Чёрная Кувшинка.

Взошло красное солнце. Окапало золотым дождём Чёрное озеро. И сразу стала видна Чёрная Кувшинка.

Трижды всплывала она из воды и снова погружалась. А в том месте, где показывалась Чёрная Кувшинка, неподвижно торчали из воды три странных каменных гриба.

«Что за грибы?» — подумал Мишка. И только подумал, как грибы эти вдруг зашевелились, заворочались и стали высовываться из воды, поднимаясь над озером всё выше и выше.

Оказывается, это и никакие вовсе не грибы, а три головы главного стража Чёрной Кувшинки — беспощадного, кровожадного Краба-великана.

Мишка отродясь не видывал таких страшилищ, как Краб-великан. И сказок про такое чудище не слышал.

А Краб-великан открыл вдруг сразу три огромных жёлтых глаза. На солнце красное взглянул. В три широченных рта зевнул.

— Ох-хо-хох! Ах-ха-хах! Не держусь я на ногах. Ночь Кувшинку сторожил. Спать охота — нету сил. Вот сейчас на дно нырнём. До обеда храпанём!..

«Кто же победит злодея, если я окаменею?» — подумал вдруг Мишка, разглядывая Краба-великана.

И таким решительным, смелым и воинственным стал Мишкин взгляд, что Краб-великан его сразу почувствовал. Навёл он на Мишку сразу три глаза — огромных, жёлтых и ярких, как горящие тракторные фары.

— От-ку-да-да э-то чу-до?

Краб-великан выговорил это так тяжело и медленно, будто вместо слов швырял тяжеленные, грубые, неотёсанные каменюки.

СХВАТКА

Стоило Крабу-великану выговорить свой вопрос, как тут же из-за каменных кустов выскользнуло шесть сторожевых Гадюк.

За ними взвод Ежей-сторожей.

Клык-Клык Грумбумбес будто бы упал с небес. Иль из-под земли явился. Рраз — и тут!

Выступил вперёд Начальник Ночного Караула и сказал:
— Мы видели этого медведя ночью. Он лежал окаменелый. Как же он сюда пробрался? Почему здесь оказался?

— Слушайте... Да это ведь... Это ведь живой медведь... — пробормотал Клык-Клык Грумбумбес, оглядывая Мишку со всех сторон.

— Э-то Ла-зут-чик, — медленно, по слогам выговорил Краб-великан. — Ну-ка е-го про-верь-те. Ко-ли-те! Ши-пай-те! Бей-те!

Гадюки хвостами Мишку пороли. Ежи иголками Мишку кололи. А Клык-Клык Грумбумбес ему на спину влез. И когтистой лапой Мишку исцарапал.

Мишка не шелохнулся. Не пискнул. Будто и в самом деле каменный.

— Сам я е-го сей-час ис-пы-таю, — грозно молвил Краб-великан.

Приподнялся страшный Краб и клешней медведя цап. Мишка ойкнул. Отшатнулся. Правой лапой замахнулся. По макушке трахнул Краба. Да ударил, видно, слабо.

Только рыкнул Краб-великан.

Только гикнул Краб-великан.

И вся вражья стая кинулась на Мишку.

Тут такой начался бой... Ой-ой-ой!

Бьются, не щадя друг друга. Треск и гул на всю округу.

Мишка всё же изловчился. В Краба лапами вцепился.

От земли он Краба оторвал. Выше леса Краба приподнял. И с размаху. Что есть духу. Бах о камень Краба брюхом.

Краб не ждал такой напасти. И рассыпался на части.

Сторожевые Гадюки и стражники Ежи кинулись кто куда.

А перепуганный Клык-Клык Грумбумбес метнулся за подмогой к Орангулу.

Тут бы Мишке и пуститься наутёк из заколдованного Каменного леса. Но вновь всплыла Чёрная Каменная Кувшинка. Стоит её сорвать — оживёт лес и его обитатели. А уж они-то защитят, не дадут в обиду.

Мишка разбежался и скакнул в озеро.

Но в тот самый миг, когда Мишка разбежался, разбуженный Орангул торопливо прошептал:

— Ораглыз... Орагез... Орагей... Кто пришёл незваным в лес — камней...

В тот же миг распластавшийся в прыжке Мишка окаменел.

Рухнул каменной глыбой в озеро и потонул. И лёг на дно безмолвным бурым камнем.

А там, где он упал в озеро, вспучилась высокая чёрная волна, очень похожая на взгорбленную медвежью спину.

Вспучилась волна... И застыла. Осталась. Будто специально для того, чтобы отметить место, где утонул сражённый колдовством отважный Мишка.

БУДЕМ ДРАТЬСЯ

Три долгих, хмурых, грустных дня. Три чёрных ночи напролёт. Друзья всё ждали и ждали возвращения Мишки.

Ждали и не дождались.

Не вернулся Мишка из разведки.

— Погиб наш друг, — грустно сказал Ромка.

— Или его заколдовал Орангул, и стал Мишка каменным, — тихо молвил Фомка, уронив на землю длинный хвост.

Наступило долгое-предолгое горестное молчание.

Чтоб не выдала слеза, Красный Лис закрыл глаза.

В землю спрятал нос Артос. Загрустил отважный пёс.

Фомка уныло сгорбился.

Каррыкарр глядел сердито.

Медленно поднялся Ромка. Расставил широко передние лапы, выгнул грудь и запел:

Не жди! Сама собою
Победа не придёт.
Её лишь только с бою,
Рискуя головою,
Отважный достаёт...

Поднялся Красный Лис. Распушил огненный хвост. Встал рядом с Ромкой. И они повели дальше песню вдвоём.

Вскочил и Артос. Встал с другой стороны подле Ромки.

И Фомка поднял хвост восклицательным знаком. Встал рядом с Артосом. И зазвенела песня на четыре голоса.

Отважно. Лихо. Дружно.
Вести мы станем бой!

С железным хрустом и звоном расправил широкие крылья Каррыкарр. Встал и он в ряд с друзьями. И загремела во всю мощь бравая песня:

Тревога боевая —
Вы слышите?— звучит!
На бой нас созывает,
На бой нас подымает
И победить велит!..

И они выстроились боевым полукругом перед Каррыкарром.

— Будем прробираться к Чёррному озерру срразу с тррёх сторон. Рромка — спррава. Фомка — слева. Арртос — пррямо. Кррасному Лису не уккрыться. Пусть огонь на себя прринимает, стрражу отвлекает.

БОИ

С вечера подул сильный верховой ветер. Нагнал туч с Севера. Те задёрнули небо. Спрятали луну. Накрыли звёзды. И стало темным-темно.

Никем не видимые в темноте, Ромка, Фомка и Артос умчались на свои позиции.

Красный Лис и Каррыкарр сидели рядышком. Прислушивались к звукам, долетающим из Каменного леса, и молчали.

Вот за их спинами, в настоящем, живом лесу, гулко и тревожно прокричал Ночной Филин:

— Гу-у-ух! Фух-фух-фу-ухх!

Это значит — наступила полночь.

— Порра,— промолвил Каррыкарр.

Взмахнув жёсткими, звонкими, будто железными, крыльями, взлетел на макушку высоченной сосны. И сразу загремела над округой:

— Карр!

— Карр!

— Карр-р-рр!!!

И Красный Лис, как солнца шар, вкатился в тёмный лес. А стража думает: пожар. И мчит наперерез.

А стража голосит:

— Ой-ой!

— Туши!

— Гаси!

— Беги!

И к Лису Красному гурьбой сбегаются враги...

Забуты тайные посты. И спящий Орангул. Прёт сквозь колючие кусты Секретный Караул.

И, пользуясь этой суматохой, никем не примеченные неслись сквозь Каменный лес к Чёрному озеру Ромка, Фомка и Артос.

Красный Лис клубком катился. А потом волчком крутился.

А страже кажется, что пожар всё разгорается и вот-вот охватит весь лес.

И кричит Начальник Караула:

— Разбудите срочно Орангула!

Тут примчался Клык-Клык Грумбумбес.

— Трус!— кричит Начальнику.— Трус ты и балбес! Разве загорается Каменный лес?

— Посмотрите сами. Вон какое пламя!

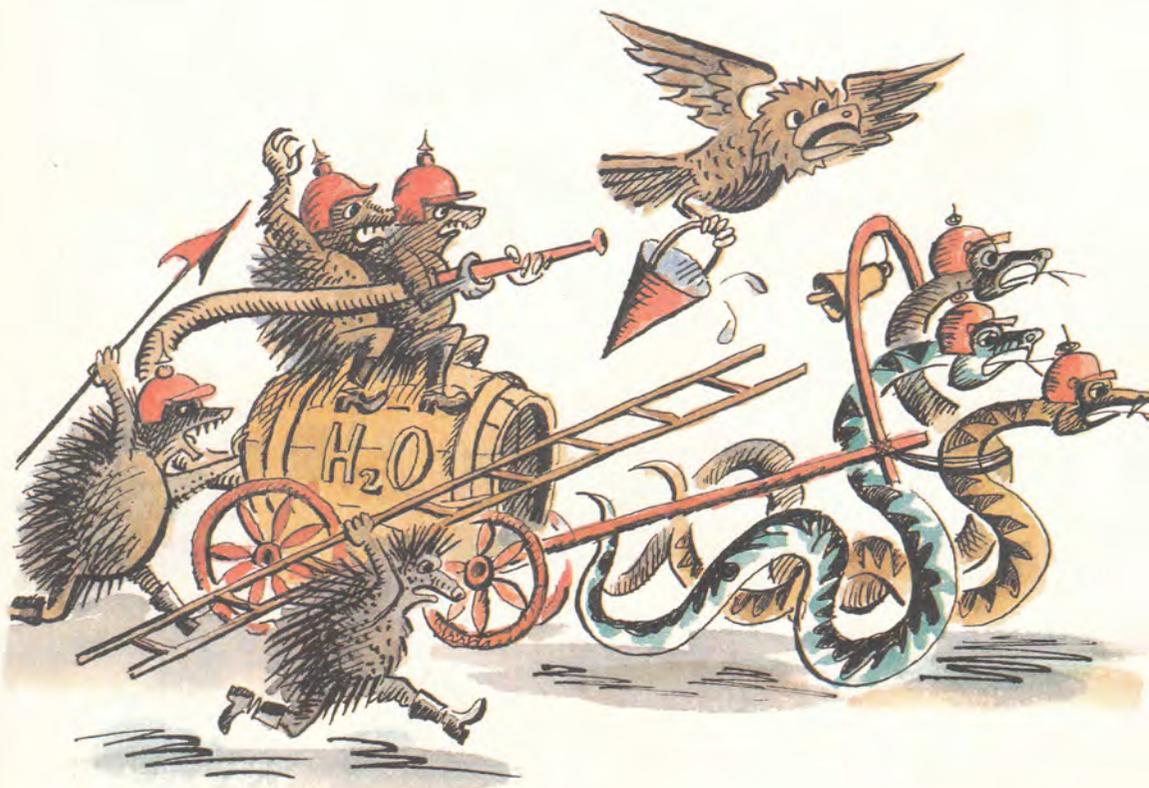
— Ты не волнуйся. Спокойно взглядишь. Это — не пламя.

Красный Лис!— сказал Клык-Клык Грумбумбес. И вдруг рывкнул:— Живо его изловить! Задушить!

Услышал это Каррыкарр и крикнул:

— Прощай, Красный Лис!

А Красный Лис метнулся в гущу Каменного леса, увлекая за собой стражу всё дальше от Чёрного озера.

Он мчался, распутив огненно-яркий длинный хвост. Когда стражники нагоняли, Красный Лис резко перекидывал хвостиче вправо, и погоня, сбивая друг друга, кидалась направо.

Тогда хвост стремительно летел влево, и погоня кувырком шаралась налево.

Но вот Красный Лис устал. Выбился из сил и встал. Его сразу обступили. Оцепили. Окружили.

— Сдайся в плен — и пощадим! Будешь цел и невредим! — прокричал Красному Лису Клык-Клык Грумбумбес.

— Красный Лис не сдаётся!

Так ответил Красный Лис. И они дрались. Дрались!!

Насмерть бьётся Красный Лис.

Не сдаётся Красный Лис.

— На колени становись! Покоряйся и винись!

Но опять гремит в ответ:

— Нет!

И снова бой.

Неравный бой.

Жестокий бой.

Последний бой Красного Лиса.

Израженный, ослабевший Красный Лис понял: не одолеть ему врагов и помощи ждать неоткуда.

Почувяв близкую гибель, гордо выпрямился Красный Лис и, собрав остаток сил, громко запел:

Я — Красный Лис,
Я — из огня.
Пылаю, как костёр.
Глаз — очень зорек у меня,
Слух — очень тонок у меня
И коготь мой — остёр!
Я — Красный Лис,
Я — из огня,
Я — всюду на виду.
Попал в беду — зови меня!
Обидели — покличь меня!
И я к тебе приду...

И столько мужества, непоколебимой силы и гордости было в этой последней песне Красного Лиса, что, пока он пел, молчали и не двигались, будто заколдованные, и сторожевые Гадюки, и Ежи-сторожа, и даже сам Клык-Клык Грумбумбес.

Допев свою песню, Красный Лис покачнулся и бездыханным упал на землю.

А в это время...

А В ЭТО ВРЕМЯ...

В это время Ромка, Фомка и Артос мчались с трёх сторон к Чёрному озеру, в котором росла Чёрная Каменная Кувшинка.

Им не мешали.

Их не преследовали.

Вся стража была занята сперва погоней, потом битвой с Красным Лисом.

Друзья слышали шум этой погони.

Слышали они и прощальную песню Красного Лиса.

Им очень хотелось помочь Красному Лису. Но...

Но они мчались и мчались к Чёрному озеру, к заветной Каменной Кувшинке.

Стоило сорвать Кувшинку, и всё живое вокруг скинет колдовскую окаменелость и, конечно же, кинется на подмогу Красному Лису.

А если сорвать только один из трёх лепестков Каменной Кувшинки, Орангул тут же лишится своих всемогущих колдовских чар.

Если же сорвать второй лепесток, Орангул превратится в махонького, беззащитного паучка, которого запросто может склевать любой воробышек.

Ну, а ежели сорвать последний, третий лепесток Каменной Кувшинки — Орангул погибнет.

Вот почему, сцепив зубы, смилив боль и гнев, укротив ярость, мчались Ромка, Фомка и Артос к Чёрному озеру, к заветной Каменной Кувшинке.

И вот столкнулись к носу нос — Ромка, Фомка и Артос. Перед ними — озеро. Вода — чернил черней. Ни жучки, ни рыбки не резвятся в ней.

Три друга от озера глаз не отводят. Ищут Кувшинку. И не находят.

— Может быть, она пропала? Утонула иль увяла? — Фомка сделал хвост вопросом.

А Артос пофыркал носом:

— Позабыл ты всё на свете. Ведь Кувшинку на рассвете можно только увидеть. Надо нам рассвета ждать.

— Нам рассвета не дожидаться: скоро стражники примчатся. И конечно, этот бес — распроклятый Грумбумбес, — проговорил уныло Фомка.

— Уж не хочешь ли сдаваться? Надо драться? Будем драться! — рыкнул Артос.

— Не ворчи ты втихомолку. Не кричи и ты без толку, — укорил Ромка друзей. — Надо лес расколдовать. Надо бедных львов спасать.

Тут вдруг громоподобно и протяжно ухнул кто-то:

— У-у-у-уух! Чую вражий дух! Эй! Стража! Ко мне! Это проснулся Орангул.

И тут же на голос повелителя понеслись отовсюду сторожевые Гадюки, стражники Ежи, охранники Пауки.

— Мы пропали, — прошептал Фомка, поджимая хвост.

— Встретим врага как надо! — оскалился Артос.

— Смотрите, — воскликнул Ромка. — Какая странная застывшая волна на озере. Она похожа на...

— Мишкину спину, — подхватил Артос. — Очень даже похожа...

КАМЕННАЯ КУВШИНКА

— За мной! — И Ромка скакнул на волну, которая застыла над тем местом, где утонул Мишка.

Тут чёрную, озёрную, недвижную гладь вдруг начало кренить, вдруг начало качать.

Поднялась волна крутая. А за ней — волна другая.

Вынырнул Двуглавый Змей. Да как гаркнет:

— Эй! Орангул! Вставай! Беда! Пробрались враги сюда!

Заворочался в постели Орангул. Покатился по округе страшный гул.

— Кувшинка, Фомка, за тобой! А мы с Артосом — примем бой!

И едва Ромка с Артосом скакнули на берег, на то самое место, где недавно дрался Мишка, как к ним подскочил Двуглавый Змей.

Поднял Змей восемь лап. Ромку и Артоса — цап. И давай их рвать когтями. И давай кусать зубами.

Псы не хнычут, не сдаются. Псы с Двуглавым Змеем бьются.

Тут примчался Грумбумбес. С ходу в драку он полез.

— Теперь нам не отбиться! — прокричал Артос.

— Держись, друг! — ответил Ромка.

А из чёрных каменных глыб сложенного дворца вышел сам Орангул. Он сразу всё понял и забормотал своё заклинание:

— Ораглыз... Орагез... Орагей... Кто пришёл незваным в лес — ка...

Тут страшный гром раздался. Замок дрогнул. Закачался.

Ожил лес. Трава проснулась. Звонко озеро плеснулось.

Волны тут пошли вокруг — всплыл медведь и ожил вдруг.

Это Фомка углядел всё-таки Чёрную Каменную Кувшинку. Сорвал её. И отломил первый лепесток.

И утратил волшебную силу Орангул. Он выкрикивал своё заклинание, но оно уже не действовало.

А ожившие вдруг звери и птицы вместе с Мишкой кинулись на подмогу Артосу и Ромке.

Лоси Двуглавого Змея и Клык-Клыка Грумбумбеса бодают. Волки — кусают. Птицы — клюют. Пчёлы, осы и шмели — жалят.

Как волчок, как дикий бес, закрутился Грумбумбес и удрал в зелёный лес.

Следом кинулись сторожа Ежи, сторожевые Гадюки и охранники Пауки.

А за ними вся звериная рать, все, кто проснулся.

Змей Двуглавый колечком скрутился и в озеро скатился. Только булькнула вода, и от Змея — ни следа.

Оторвал Фомка ещё один лепесток от Каменной Кувшинки. Треснул и развалился Орангулов замок. А сам Орангул стал маленьким паучком. Запищал он, заюлил и пощады запросил.

— Скажи заклинание, от которого железо и камень превращаются в прах! — потребовал Ромка. — Только не ври. Не то сорвём последний лепесток, и конец тебе.

Ах как не хотелось Орангулу расставаться со своей тайной. Он и морщился. И корчился. Даже плакал и стонал. Ну а всё-таки сказал:

— Крупбарело. Колдовело. Тири... Тури... Тах... Размыкайся, разлетайся, рассыпайся в прах...

СПАСИТЕ КРАСНОГО ЛИСА

Израненный, истерзанный врагами Красный Лис умирал. Он уже не шевелил пышным огненно-красным хвостом. Не открывал больших ярких глаз.

И не дышал.

Даже волшебный отвар, изготовленный Древним Вороном Каррыкарром, не смог исцелить Красного Лиса.

Красного Лиса друзья обступили. Головы скорбно молча склонили. Стояли, не глядя друг другу в глаза.

Ромка вдруг громко и внятно сказал:

— Не могу как столб стоять. Не хочу молчать и ждать. Пока друг наш. Верный друг наш. Храбрый Красный Лис умрёт.

Тут встрепенулся Каррыкарр. Широкими, звонкими, будто железными, крыльями взмахнул. Взмыл под самое небо. И оттуда, с высоты, закричал на весь лес:

— Карр!.. Карр!.. Карр!.. Карр!.. Слушай, млад меня и старр. Слушай, лес сосновый. Слушай, борр кедровый...
Онемели звери и птицы. Стих шелест листвы. Замерли, не шелохнутся травы. Застыли в неподвижности цветы. Где кого Каррыкарров голос застал, тот там и встал. Замер и слушает Древнего Ворона.

А Каррыкарр продолжал вещать с высоты:

— *Вррагами изрранен наш ддрруг Кррасный Лис! Он умирает...*

— Вы слышите... Слышите... Слышите...— зашелестели травы, передавая друг другу печальную весть.

— Красный Лис не должен умереть,— дружно и гулко пророкотали кудлатые, лохматые, зелёные Кедры.

— Нельзя допустить, чтобы он погиб,— подхватили белые, тонкие и стройные Берёзы.

— Спасём Красного Лиса!— звонко, на весь лес прокричал маленький голосистый Зяблик.

И вдруг всё живое, что было в лесу, разом выдохнуло:

— Спасё-ё-ём!.. Спа-а-а-асё-ё-ё-ём!

И сейчас же две Синички принесли живой водички.

А потом Бурундучок трав целебных приволок.

А потом больному в дар пчёлы принесли нектар.

Вмиг целебной травой Лиса обложили.

Ключевой живой водой Лиса окропили.

Шевельнулся Красный Лис, повернулся Красный Лис.

На четыре лапы встал. Цел и невредим. Громким голосом сказал:

— Отомстим!

Все звери и птицы, кто долгие годы простоял окаменелым в заколдованном Каменном Лесу,— все ринулись вслед за Красным Лисом, Ромкой, Фомкой, Артосом и Мишкой.

И прогнали из леса Клык-Клыка Грумбумбеса. И тогда Грумбумбес вырыл яму. В неё влез. И исчез.

СВОБОДА

Давно закончилось представление в цирке.

Разошлись по домам зрители.

И артисты ушли.

Только остались в клетках дрессированные звери и птицы.

Да ещё остались ночные сторожа.

Поздняя тёмная ночь окутала город.

Погасли огни в домах.

Потухли витрины магазинов.

На пустых полутёмных улицах — ни прохожих, ни автомашин.

Густая.

Ночная.

Непроницаемая тишина.

Потому так далеко-далеко слышен храп цирковых сторожей.

Так крепко спали сторожа, что не слышали и не видели, как мимо них скользнули одна красная и четыре чёрных тени.

Скользнули туда, где жили птицы и звери.

Те мигом очнулись и замерли, прислушиваясь к голосам вошедших.

Стукнувшись головой о какую-то железяку, Фомка заворчал:

— Тут можно покалечиться! Безобразия, как темно!

— Не слышно ничего, как под водой,— Артос потряс сердито головой.

— В этой железной, вонючей берлоге голову можно оставить и ноги,— поддакнул Мишка.

— Эй вы! Где тут львы?!— крикнул Ромка Ромазан.

— Мы тут!— ответил сразу Эд.— Зажгите-ка скорее свет.

Красный Лис нашарил выключатель. Вспыхнул свет.

Что тут началось! Ни сказать, ни описать.

От радости львы обнимались. Прыгали. Кувыркались.

Лапы тянули. Кричали:

— Ромка! Привет! Мы вас ждали!

— Фомка, здорово! Хвост твой на месте?

— Мишка! Какие принёс ты нам вести?

— Здравствуй, Артос! Лапу давай!

— Эй, Красный Лис! Не зажги наш сарай!

— Где Каррыкарр?

— Сторожит сторожей. В путь собирайтесь. Да поскорей,— ответил Ромка.

— А Орангул?

— Орангула в паучка превратили. Всем зверям свободу воротили,— ответил Красный Лис.

— И деревьям, и цветам. И, конечно же, вам!— договорил Фомка, поднимая хвост восклицательным знаком.

Львы обнялись и трижды прокричали «Ура!».

А Ромка тем временем, чуть отступив от клетки, негромко выговорил заклинание:

— Крупбарело. Колдовело. Тири... Тури... Тах... Размыкайся. Разлетайся. Рассыпайся в прах...

Послышался лёгкий треск, и клетка, в которой сидели львы, растаяла. Будто и не было никогда этих толстенных железных прутьев.

Пять освобождённых. Пять ликующих. Пять могучих львов обступили друзей.

И давай им лапы жать. И давай их обнимать. Нежно-нежно в нос лизать.

Потом львы выстроились в шеренгу и самый старший и самый сильный лев по имени Эд запел:

Все говорят: я — царь зверей,
И мне должны служить,
А я хотел бы без царей
И без холопов жить.
Будь ты хоть кроха-бурундук
Иль малая пичуга,
Ты всё равно мой добрый друг,
И, коль тебя обидят вдруг,
Я заступлюсь за друга...

Пять львов грянули хором:

Долой царей!
Не надо слуг!
Скорее встанем в общий круг,
Пусть кто-то запоёт.
За друга грудью встанет друг
И от беды спасёт...

Песенка так понравилась Ромке, Фомке, Артосу, Мишке и Красному Лису, что они ещё раз пропели её все вместе.

— Пора в путь,— сказал Ромка.— Скоро рассвет.

— Давно пора,— промолвил Эд.

И все направились к выходу.

Как вдруг...

ЗЕЛЕНЫЙ КРОКОДИЛ

Как вдруг раздался тихий всплеск. Как будто морская волна накатила на песчаный берег и снова сползла в глубину.

«Откуда здесь вода?» — подумал Ромка и тут же увидел в клетке громадный железный чан. Целое озеро с железными берегами.

В озере лежал кто-то длинный и зелёный. И глядели на Ромку два большущих, выпуклых, очень грустных глаза.

— Кто ты? Чего хочешь? — сочувственно спросил Ромка. Тут заговорил Зелёный Крокодил:

Я — вырос в Ниле.
В целом мире
Нил всего один.
Я спал на мягком тёплом иле,
Жил, как господин.
Я плыл туда, куда хотел,
Когда хотел, я спал и ел.
Теперь живу в корыте,
Как бессловесный раб.
Спасите!
Помогите!
Я гибну!
Я ослаб...

И Зелёный Крокодил слёзы молча проглотил.

Но они потекли снова. И в грустной тишине было слышно:

Кап...

Кап...

Кап...

Это падали в чан крупные, солёные, тяжёлые Крокодиловы слёзы.

У Ромки от сострадания перехватило дыхание.

Фомка горестно вздохнул и хвостом слезу смахнул.

— Крокодил. — сказал Артос, — тоже зверь. Кто ж утешит его бедного теперь?

Красный Лис сказал:

— Конечно. Будет мучиться он вечно.

— Нет! — воскликнул Мишка. — Нет! Мы Крокодила не бросим!

Самый старший и самый сильный лев по имени Эд согласился с Мишкой.

Повернулся Ромка к клетке, в которой плескалось маленькое озеро с железными берегами, а в озере плавал Зелёный Крокодил. И снова произнёс заклинание.

Распались, будто растаяли, железные прутья решётки.

— Вылезай живо! — сказал Ромка Зелёному Крокодилу. — Пошли!

— Я лишь в воде умею жить. Мне надо плавать — не ходить, — горестно ответил Зелёный Крокодил.

— Ну уж. Это уж. Совсем уж. Никуда уж, — вконец расстроился Ромка, не зная, что же делать теперь.

— Понесём его вместе с озером, — предложил Мишка.

Пять львов, Мишка, Ромка, Фомка, Артос и Красный Лис взялись за огромный железный чан, в котором плавал Зелёный Крокодил. Еле подняли чан, пронесли шага четыре и остановились.

— Нет! — промолвил Эд. — Нам его не унести. Может, можно увезти?

А Зелёный Крокодил снова две слезы пролил. И сказал негромко он:

— Унесёт меня лишь слон.

ВОТ ОН И СЛОН

Тут зашевелился Слон. Как огромный дом.

Сарай качнулся, накренился и едва не развалился.

Слон вздохнул:

Ох-ох-хо!
Ох-ха-ха!
Жизнь моя совсем плоха.
Я никого не обижал
И никого не трогал,
По жаркой Африке гулял
Своей себе дорогой.
И вдруг меня схватили,
В клетку посадили
Да ещё железной цепью
К полу прикрепили...

— Ну уж. Это уж...— решительно начал Ромка и, не договорив, повернулся к клетке несчастного Слона.

И снова Ромка прошептал заклинание.

И вот Слон на свободе.

— Ух, как я рад!— протрубил он.

Посадил хоботом на спину себе Ромку, Фомку, Артоса, Мишку и Красного Лиса.

С улицы долетел негромкий призывный клич Каррыкарра.

— Пора,— спохватился Ромка.

Львы подхватили чан с Зелёным Крокодилом и ахнули: до чего же тяжёл. Как же его поднять на спину Слону?

— Надо отлить из этого корыта половину воды,— предложил Красный Лис.

Тут Зелёный Крокодил запричитал:

— Ой! Не троньте воду!

И тогда Слон опустил на колени, а пять львов вместе с Мишкой подняли железный чан, в котором плавал Зелёный Крокодил, и поставили его Слому на спину. И чтобы чан по дороге не свалился, его привязали к Слому верёвками.

Слон поднялся и зашагал к выходу.

— Ах как мудро! Ах как хорошо!— пробормотал Зелёный Крокодил.

Перевернулся на спину и стал пускать пузыри.

ВОТ ТАК ЗАДАЧКА

К выходу они двинулись цепочкой. Ромка — Фомка — Артос — Красный Лис — Мишка — пятеро львов.

И наконец, Слон. С огромным железным чаном на спине, в котором блаженно посапывал довольный и счастливый Зелёный Крокодил.

У самого выхода стояла большущая клетка с мартышками. И когда Ромка поравнялся с этой клеткой...

Вдруг мартышки в клетке. Взрослые и детки. Как по команде встали: И хором закричали:

— Мы тоже хотим на свободу!!!

— Бедные, бедные мартышки!— воскликнул басом Мишка.

И снова Ромка перед клеткой встал. И заклинанье тихо прошептал.

Целая дюжина больших и маленьких мартышек уселись на львов и на Слона и завопили:

— В Африку!!! В нашу милую Африку!

Тут откуда-то сверху донёсся негромкий голос, полный горечи и обиды:

— Я сижу на ветке. Посредине клетки. Тоже в Африку хочу. Но об этом не кричу.

Все взглянули вверх и увидели нарядного и пышного Синего Попугая. Настоящего африканского Синего Попугая.

Тот сидел на ветке. Посредине клетки. И жалобным, тоскливым взглядом смотрел на всех.

— Не могу себе простить. Как могли его забыть?— укоризненно покачал головой самый старший и самый сильный лев по имени Эд.

Снова Ромка прошептал заклинанье.

И счастливый, весёлый и совсем синий от радости, самый синий в Африке и во всём мире Синий Попугай уселся на хобот Слону и крикнул:

— Нас Африка ждёт! Скорее! Вперёд!

Все изготовились дружно и громко крикнуть «Ура!», да им помешал странный звук. Будто железом о железо тёрли. Что-то звенело, скрежетало и побрякивало.

Да-да. Ты угадал. Это влетел рассерженный Каррыкарр.

— Скорро сторожа прроснутся! Прротрубят трревогу! Быстрро в доррогу... Быстрро в доррогу!..

Стараясь не дышать, бесшумно прошли они мимо спящих сторожей и оказались в сквере. В том самом сквере, где совсем недавно Красный Лис перехитрил Мороженщицу.

Была предрассветная тишина.

Город ещё не очнулся от сна.

Люстры в домах не горели.

Птицы на ветках не пели.

На улицах пусто, не видно машин.

Ещё не открыт ни один магазин.

Нету ни пыли, ни гари.

Никто не бренчит на гитаре.

Тихо... Свежо...

Пахло молодой зеленью и цветами.

— Как хорошо пахнет свобода!— чуть слышно выговорил самый старший и самый сильный лев по имени Эд.

Фомка вдруг зашмыгал носом. Хвост сложил он в знак вопроса. И Фомка спросил:

— Как же мы доберёмся до Африки?

— А где она, Африка? Далеко?— поинтересовался Мишка.

— До Афррики семь тысяч вёррст...— прокаркал Каррыкарр.

— Туда и за год не дойти,— сказал со вздохом Слон.

— Туда можно только долететь,— задумчиво вымолвил Красный Лис.

— Но у нас нет крыльев,— сказал самый старший и самый сильный лев по имени Эд.

— Надо срочно что-то придумать!— решительно проговорил Артос.

И все затихли. Задумались.

— Та-ак,— протянул в раздумье Ромка.— Значит, туда можно только долететь? А у нас нет крыльев? Но у нас... У нас есть верные железные друзья. Бежим на аэродром!

АЭРОДРОМ

По глухим узким улочкам.
По обочине автострады.
Сторонясь встречных автомашин.
Ступая как можно тише, незаметнее.
Пробирался Ромка с друзьями на аэродром.
Впереди летел Каррыкарр, высматривал, свободен ли
путь.

Краем автострады мчались Ромка, Фомка и Артос. Едва показывался на дороге редкий автомобиль, псы затевали смешную чехарду, привлекая внимание к себе, а Красный Лис в это время спешил укрыть беглецов.

А попробуй-ка спрятать Слона с огромным чаном на спине. Заставь молчать и не проказничать мартышек.

Но вот наконец и лётное поле аэродрома. Подле него в густом кустарнике укрылись беглецы.

Ромка сказал им:

— Будьте всё время вместе, зря не двигайтесь. Вас уже ищут, так и знайте. Из кустов не вылезайте. Не заденьте ствол и ветку. Мы — помчались на разведку.

И вместе с Фомкой и Артосом Ромка помчался на лётное поле.

Только выбежали на поле, и вот он — их старый знакомый Вертолётник. Краснобокий. С длинными лопастями над головой.

Ах, как обрадовались они Вертолётнику. Ведь это он спас их из страшной Кактусовой тюрьмы в царстве Спиешьпей.

Ромка постучал лапой по колесу Вертолётника:

— Привет, дружище!

— А-а! — обрадовался Вертолётник. — Это ты, Ромка! Да тут и Артос, и Фомка! Что-нибудь случилось? Может быть, беда?

— Да...

И Ромка рассказал Вертолётнику обо всём, что с ними произошло.

— Рад бы вам помочь. Да только невмочь. В Африке я не бываю. В Африку я не летаю. Вон к тому самолёту бегите! Может, он выручит!

Попрощались они с Вертолётником и побежали к небольшому зелёному Самолётнику, очень похожему на кузнечика.

Постучал Ромка по зелёной обшивке Самолётника, а тот ни гугу.

Тогда Ромка торопливо зашептал:

— Властелин любой дороги, ты один пройдёшь везде.
Я — твой друг четвероногий. Не покинь меня в беде.

Самолётик шевельнулся и тихо спросил:

— Зачем ты разбудил меня? Ночь я летел, не прося пере-
дышки. Вёз я врача к больному мальчишке.

— Прости. Не знали мы об этом. Но помоги нам хоть
советом.

И, перебивая друг друга, Ромка, Фомка и Артос поведа-
ли о своих приключениях.

— Молодцы! — похвалил Самолётик. — Я бы с радостью
помог вам, но с моим двигателем до Африки не дотянуть. Вон
стоит белый, красивый самолёт Ту-134. Бегите к нему.

Но и Ту-134 не согласился лететь в Африку. Слишком да-
леко. Не хватит горючего. И послал он Ромку к своему стар-
шему брату Ту-154.

ТРЕВОГА

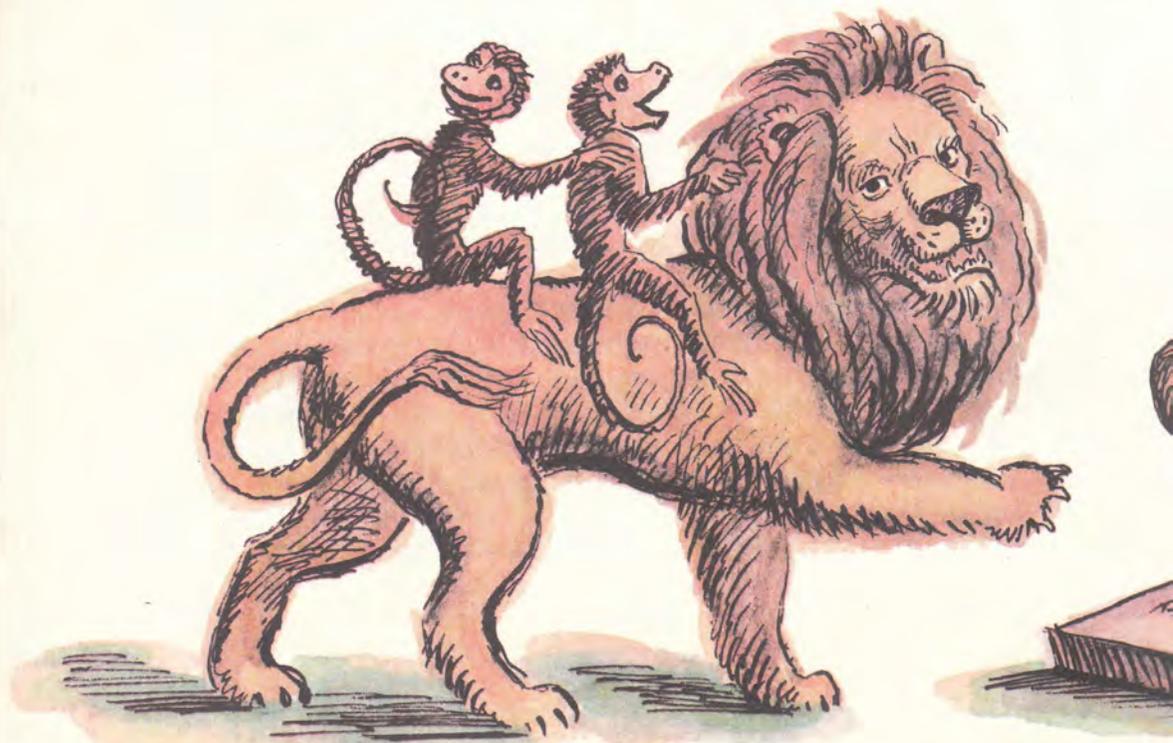
В цирке от воя sireны вот-вот развалятся стены.

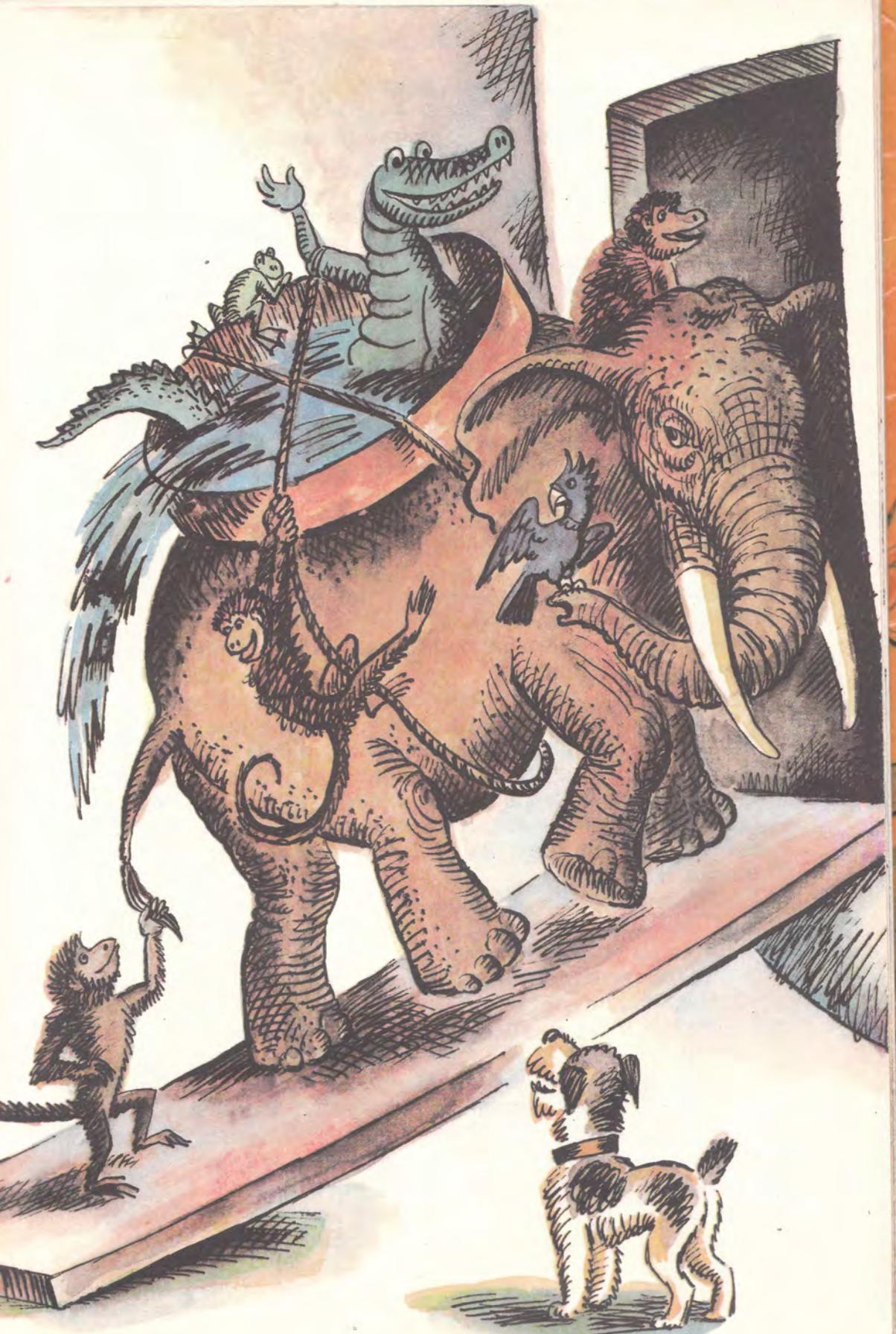
Мечется стража в тревоге.

Мчатся гонцы по дороге.

Радио будит людей:

— Эй! Просыпайтесь скорей! Надо ловить зверей!

Директор ходит как побитый.

— Пришлите,— просит,— следопыта! Чтоб след звериный отыскать. И беглецов скорей поймать.

Разве трудно увидеть следы Слона?

И увидели...

На шоссе клубится пыль. Над шоссе грохочет гром. Это мчит автомобиль. Прямо на аэродром.

В том автомобиле — сторожа.

А Ромка с Фомкой и Артосом в это самое время побежали к Ту-154.

И тут же взвыли сирены. Заметались по лётному полю люди и автомашины: пожарные, санитарные, аварийные.

— Тревога!— донёсся голос Каррыкарра.— Нас ищут. Горрод в панике. Ещё трри-четыре минуты прромедления, и мы погибли. Карр!

Услыхав тревожные клики Каррыкарра, Ту-154 сразу всё понял и, не дожидаясь пояснений, торопливо выговорил Ромке:

— Вон стоит могучий «Антей». Бегите к нему скорей. Он один может вам помочь. Только он!

Выслушал «Антей» Ромкину просьбу и говорит:

— Храбрых. Добрых. И весёлых. Я люблю. И друзьям твоим охотно — пособлю! Только поскорей! Сажай своих зверей.

Фомка тут же вздёрнул хвост восклицательным знаком.

Увидел это Каррыкарр и подал сигнал Красному Лису. И звериная ватага ворвалась на лётное поле.

Впереди мчит Красный Лис, будто красная торпеда.

За ним — кувырком и вприпрыжку — мчатся мартышки.

Следом Слон семенит. Попугай на нём сидит. И в огромном чане — Крокодил, как в бане. Плещется, купается, чему-то улыбается.

Позади... Шеренгой в ряд... Пять могучих львов спешат.

Последним с медовой румяною пышкой шагает довольный и радостный Мишка.

Неспешно и важно идёт.

Медовую пышку жуёт.

А где он эту пышку раздобыл?

Тайна.

Распахнул свои двери «Антей»:

— Побыстрее, друзья! Побыстрее!

Только вошли в него звери. Сразу захлопнулись двери.

А к самолёту слева и справа. Мчится охрана. Несётся облава.

Только «Антею» они не помеха. Рыкнул моторами он и поехал.

Взлётной дорожкой чуть-чуть пробежался.

И...

В небо бездонное круто взлетел.

В Африку славную.

В Африку дальнюю.

В Африку дивную...

Он полетел...

АФРИКА

Выше чёрной грозной тучи. Выше облаков летучих. Ветра вольного быстрее. Мчится по небу «Антей».

Сперва плыла под ним густая, дикая, дремучая, непроходимая тайга.

Потом под ним поплыли горы. Озёра. Это был седой Урал. Уральские крутые горы сменили степи, сады.

Солнце стало садиться за горизонт, когда Зелёный Крокодил вдруг закувыркался, заплескался в своём железном озере.

— Я чую. Я слышу, как плещется Нил,— тихо Зелёный сказал Крокодил.

Все к оконцам носами прильнули. Все на Африку сверху взглянули.

Стал тихонько снижаться «Антей». Стала Африка ближе, видней.

— Не могу я ждать. Не буду! Бросьте в Нил меня отсюда!— закричал Зелёный Крокодил.

«Антей» ещё чуть-чуть снизился, приоткрыл дверь, и Слон выбросил в Нил железный чан вместе с Зелёным Крокодилом.

Чан в глубокий Нил упал и пропал.

— Утонул,— ахнул Фомка.

— Погиб,— скорбно выговорил Мишка.

Но тут над голубою нильскою волною показался вдруг Зелёный Крокодил.

Крикнул он, выплюнув воду:

— Спасибо, друзья, за свободу! Спасибо за Нил голубой! Счастливо вернуться домой!

А когда над джунглями пролетали, все мартышки хором вдруг закричали:

— Не хотим терять ни минуты!

— Выдайте нам парашюты!

- Выдайте!
- Выдайте!
- Выдайте!
- Выдайте нам парашюты!

Пришлось выдать им парашюты. Нацепили их мартышки и выпрыгнули из «Антея». Выпрыгнули и затерялись в зелени джунглей.

За джунглями началась саванна — бескрайняя степь, поросшая цветами и травами.

На неё и приземлился «Антей». Чтобы высадить Синего Попугая, Слона и львов. А потом — обратно, домой!

Вышли звери и собаки на лужок. Собрались они в один большой кружок.

Долго так они молчали и сидели. Расставаться и прощаться не хотели.

Тут поднялся Ромка Ромазан. Очень весело и громко он сказал:

— Я — не знатный. Не богатый. Вон на шубе — три заплаты. Не могучий. Не спесивый. Почему же я счастливый? Потому, что у меня есть отличные друзья.

И встал Артос.
И Фомка встал.
Положили они лапы на плечи друг другу и запели:

Нужна еда нам. И вода.
И чистый небосвод.
Но если вдруг придёт беда...
Но если вдруг придёт беда...
Кто от беды спасёт?
Лишь верный друг.
Надёжный друг,
Который сам придёт...

Тут за спиной Ромки, Фомки и Артоса встали полукругом Красный Лис, Мишка и Каррыкарр.

А за ними — пять львов во главе с самым старшим и самым сильным львом по имени Эд.

А за ними Слон, на поднятом хоботе которого сидел Синий Попугай.

И теперь уже все вместе, задорным дружным хором, запели они:

Что на свете всех нужнее?
Дружба! Дружба!
Что на свете всех вернее?
Дружба! Дружба!
Что на свете всех милее?
Дружба! Дружба!

Тут их песню подхватила вся Африка.
Пели непокорный, полноводный и могучий Нил.
Пели непроходимые густые зелёные джунгли.
Пели жёлтые сыпучие пески.
Все звери.
Все птицы.
Все.
Все пели:

Кто верит в дружбу — становись
В наш неразрывный круг.
За лапу верную держись.
Держись покрепче, друг!..

СОДЕРЖАНИЕ

РОМКА И ЕГО ДРУЗЬЯ. Повесть-сказка	5
Три друга	6
Встало солнце за окном	7
Летучие собаки	8

Рогатый злодей	10
Крупные неприятности	12
Беглецы	14
Клык-Клык Грумбумбес	16
Железный друг	19
Древний Ворон Каррыкарр	22
Красный Лис	26
Проучили	29
Три плюс два	31
Длиннохвостые хвостатики	35
Спиешьпей	37
Сладкий плен	38
Бунт	42
Кактусовая тюрьма	45
Побег	47
Ещё один друг	50
В ловушке	53
Железный Журавль	55
Расплата	58
Бетонка	60
Великанша	62
7162 письма Ромке Ромазану	66

РОМКА И МЕДВЕДЬ. Повесть-сказка 69

Откуда взялся Медведь	70
Друзья развлекаются	72
Опять Клык-Клык Грумбумбес	73
Шире круг!	76
Чёрный Кот	78
Аварийка	80
Погоня	82
Господа-товарищи львы!...	84
Представление	86
Совет Каррыкарра	89
Вверх	90
Друг за друга хоть в огонь	92
Опять в ловушке	94
Лисий воротник	97
Тётя Капа	98
Чёрное царство	100
Орангул	101
Чую вражий дух	103
Слуги Орангула	105

Каменный лес	106
Военный совет	108
Мишкина разведка	111
Схватка	113
Будем драться	116
Бой	117
А в это время...	120
Каменная кувшинка	121
Спасите Красного Лиса	123
Свобода	126
Зелёный Крокодил	128
Вот он и Слон	129
Вот так задачка	130
Аэродром	133
Тревога	134
Африка	137

Лагунов К. Я.
Л14 Ромка, Фомка и Артос: Повести-сказки.—
Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990.— 144 с.:
ил.

В пер.: 3 р. 150 000 экз.

5—7529—0241—X

Сказочный сюжет увлекательно и ярко рисует совершенно реальные отношения героев, их моральные качества: смелость и трусость, живость и правдивость, щедрость и жадность. Побеждает искренность и верность дружбе.

Л 4803010201-047 67-90
M158(03)-90

ББК 84Р7

Константин Яковлевич Лагунов

**РОМКА,
ФОМКА И АРТОС**

Редактор С. В. Марченко
Художник А. Ю. Коровин
Художественный редактор О. И. Журавлева
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректор Т. Г. Калугина

ИБ № 1899

Сдано в набор 19.09.89. Подписано в печать 13.06.90.

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура литературная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,6. Усл. кр.-отт. 27,3. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 150 000 экз. (1-й завод: 1—75 000 экз.).

Заказ 518. Цена 3 р.

Средне-Уральское книжное издательство,
620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

3 руб.

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1990

